

BURN
BUTTERFLY

BURN

REESE RIVERS

Секреты и ложь звучали в ночи.

Взмахнув крыльями, Бабочка скрылась из виду.

Потрепанная и изорванная, пролетела мимо.

Не умея любить, она танцевала новую песню Завернулась в пламя, чтобы отгородиться от всех.

Они пытаются убедить ее вернуться и играть Сражаясь с огнем, они делают все возможное.

Но Сави — мастер и не поддается на их уловки.

Тем сильнее пламя разгорается, чем упорнее они сражаются.

Пока их любовь не сожжет все на своем пути.

Что делать бабочке, когда она оказывается слишком близко к пламени?

Улететь и развести свой собственный чертов огонь, вот что.

Сави обоглась, когда отдала этим неосторожным мальчикам свое сердце. Она вылетела из клетки и построила новую, из огня, чтобы никто больше не смог ее обидеть. Теперь она пишет свою собственную историю, и им в ней нет места, ее книга жизни закрыта для них.

Мужчины готовы на все, чтобы вернуть ее, но когда пламя встречается с огнем, это вызывает инферно, которое может превратить их всех в пепел.

Риз Риверс представляет

Гори,
Бабочка,
Гори

Перевод: empaths on crack

Тейт, Бек и я сидим в гостиной, когда входная дверь с громким стуком распахивается, заставляя всех троих вскочить на ноги. Эш врывается с яростным выражением лица, таща за руку сестру Сави.

Он толкает ее к нам и яростно кричит:

— Ваша девчонка — чертова лгунья! Она лгала нам все это время!

Я закатываю глаза от его драматизма, ухмылка тянется к моим губам, я уже знаю, о чем идет речь. Каким-то образом он наконец-то понял, что Сави его бабочка, и сейчас у него будет приступ нервного срыва уровня Чарли Шина.

— Жалкий маленький книжный червь на самом деле гребаная Бабочка! Она обманывала меня два долбанных года! — Он с яростью набрасывается на нас.

Пожимаю плечами и расплываюсь в ухмылке, отчего Эш ревет и бросается на меня.

— Ты... ты, блядь, знал?

Смеюсь, пока Тейт и Бек оттаскивают его от меня.

— Я, блядь, говорил тебе, чтобы ты смотрел внимательнее, слепой тупица!

— Подожди, Сави? Сави — Бабочка? — недоверчиво спрашивает Тейт.

— Я этого не ожидал, — мямлит Бек с шокированным видом.

Эш качает головой из стороны в сторону, отрицая, все происходящее. Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на пизду, которую он притащил в наш дом, и вижу расчетливый взгляд, который скачет между нами.

— Какого хуя она здесь делает? — выплевываю я.

Эш сдерживает горький смех.

— О, все становится намного хуже! То, что она Бабочка только верхушка айсберга, когда дело доходит до ее лжи. — Он протягивает руку и тащит Ванессу вперед. — Скажи им! Блядь, скажи им, кто она на самом деле!

Она отбрасывает волосы назад, и на ее лице появляется самодовольная улыбка.

— Настоящее имя моей сестры Саванна Севан, как на... стадионе Севан. У неё ест миллиарды! Она может купить и продать каждого из вас. Ее имя буквально написано на стадионе, на котором вы играете в футбол! Все это время она делала из вас дураков!

Вау... это... вау, просто вау. Моя куколка богата? Это... многовато для восприятия. Мне немного обидно, что она не поделилась этим со мной, но, должно быть, у нее была веская причина держать это при себе.

Движение позади назойливой блондинки заставляет меня наклонить голову в сторону, чтобы заглянуть за визжащую гарпию, и я вижу стоящую там Сави с белым лицом. Она выглядит сногсшибательно в красных туфлях на шпильках, черной мини юбке, красном облегающем топе, из-под которого виден черный бюстгальтер, и с темными, накрашенными глазами, с разметавшимися вокруг нее волосами. Длинный жакет, который она, должно быть, накинула поверх своего наряда бабочки, распахнут, показывая мне все. Она выглядит чертовски бомбезно, и я хотел бы видеть ее в таком наряде каждый день. Сестра ловит мой взгляд и оборачивается.

— Вот ты где, сестренка! Я как раз посвящала твоих мальчишко-трахарей в твою маленькую аферу. Подумала, будет справедливо рассказать, что ты наследница миллиардов и что ты играла с ними все это время.

Сави дергает головой, ее рот открывается, чтобы заговорить, но ее сестра поворачивается к нам и злобно набрасывается, прежде чем она успевает произнести хоть слово.

— Она не та, за кого себя выдает! Для нее это все игра. Сави притворяется одинокой ботаничкой, чтобы завлечь парней и поиграть с ними в свои больные и извращенные игры. Она уже делала это раньше с другими парнями. Ей даже удалось убедить Хантера, что она девственница! Она развратная шлюха, которая трахнет кого угодно, лишь бы удовлетворить свой больной разум.

— Нет! Я никогда... — Сави пытается сказать.

— Она позор для нашей семьи. У нее проблемы с психикой. Поэтому мы заставляем ее использовать девичью фамилию матери. Ходили даже слухи, что она как-то причастна к несчастному случаю с ее отцом!

Сави бледнеет, шокировано втягивает воздух от таких жестоких слов сестры. Я уже почти покончил с этим дерьмом. Я вижу, как сильно эти мерзкие слова ранят мою куколку, и я уже в шаге от того, чтобы оттащить эту суку за волосы, когда Сави говорит прерывающимся шепотом.

— Нет, нет, нет, ничего подобного...

— Она чертова фальшивка! Все, что связано с моей сестрой фальшивка, а вы все дураки, что повелись на это! — кричит Ванесса на слова Сави.

Это нарушает контроль Эша, и он делает угрожающий шаг к ней и ревет:

— Да, это так! Ты гребаная фальшивка. Два долбанных года ты меня обманывала! Все, что выходит из твоих уст — ложь.

Сави яростно трясет головой, ее глаза обращены к Тейту, но он только качает головой с выражением отвращения. Бек смотрит на нее мертвыми, стеклянными глазами, не осмеливаясь опровергнуть слова сестры. Маленькая струйка сомнения проникает и в меня. Мне плевать на ее танцы, и ее фамилию, но остальное — траханье с другими парнями и извращенные игры, заставляет меня чувствовать себя неуверенно. Поэтому, когда ее обиженные, полные паники глаза останавливаются на мне, я ничего не могу с собой поделать. Мне нужно услышать, как она это отрицает.

— Ты играла со мной, куколка?

Как только я спрашиваю об этом, я понимаю, что облажался. Я должен был верить в нее, верить в нас, потому что я вижу, как моя куколка рассыпается от моего недоверия. Как будто внутри нее срабатывает выключатель, все, что делало ее моей куклой, исчезает, пока перед нами не остается лишь пустая оболочка. Ее руки безвольно опускаются по бокам, все тело замирает, глаза, черт меня побери... ее прекрасные голубые глаза становятся стеклянными, пустыми и безжизненными. Ее взгляд вяло перемещается на каждого из нас, а затем она медленно отворачивается и начинает идти к входной двери. Одним глупым вопросом я уничтожил все, что она чувствовала ко мне, ко всем нам.

Ванесса громко смеется и делает последний прощальный выстрел в ее спину.

— О, Саванна, чуть не забыла... С Днем Рождения, мать твою!

Мои глаза выпучиваются от того, насколько все на самом деле хуже, когда я слышу это. Это ее день рождения, ее гребаный день рождения, и я помню, как Бек рассказывал нам, что ее отец погиб в аварии в день ее рождения. Она спотыкается на каблуках и прижимает руку к стене, чтобы удержаться в вертикальном положении, и скользит по ней остаток пути до двери, как будто она едва может удержаться на ногах от боли, которую мы ей причинили, и

вот тогда мое вечное дерьмо оставляет меня, и я кричу ее имя. Я пытаюсь протиснуться мимо Эша и Тейта, чтобы пойти к ней, поймать и исправить то, что мы сломали, но они хватают меня и удерживают.

— Просто отпустите ее, мать вашу! Она запудрила мозги своей ложью, — выплевывает Эш. Мой локоть поднимается и ударяет его по лицу, отчего он отпускает меня и с ворчанием падает назад. После этого Тейта легко стряхнуть, и я бегу к входной двери, чтобы попытаться исправить эту катастрофу. Моя грудь вздымается, когда я выкрикиваю ее имя в падающий снег, вижу, как мигают красные задние фонари, когда машина поворачивает за угол нашей улицы, и знаю, что она в ней.

— Блядь!

Слезы собираются в уголках глаз, и я пытаюсь обвинить в этом холодный ветер и снег, кружащийся вокруг, но знаю, что это из-за боли, которую мы причинили ей.

Разворачиваюсь, обнажая зубы, когда ярость берет верх, желая вырваться и заставить кого-то заплатить за то, что мы с ней сделали, и мчусь обратно в дом. Они втроем спорят друг с другом о том, что только что узнали, а объект моей ярости стоит там с самодовольной улыбкой на лице. Направляюсь прямо к ней, и мне нравится, как ее глаза становятся большими и испуганными, когда она замечает выражение моего лица. Она пытается отступить, но ей некуда бежать, так как я приближаюсь к ней. Мои татуированные пальцы скручиваются и хватают ее светлые волосы, я откидываю ее голову вниз, тащу ее к кухонному острову и прижимаю ее лицо к нему.

— Джуд! Какого хрена ты делаешь?

— Отпусти ее, чувак. Не делай этого!

Даже для моих ушей мой смех звучит маниакально.

— О, но я действительно, действительно хочу! — восклицаю я, перекрывая крики девушки. Я тянусь через стойку к блоку ножей, достаю филейный нож и подношу его к ее шее. При этом движении все замолкают.

— Больные и извращенные игры. Это то, во что, по твоим словам, она играет, верно? Что ж, давайте сыграем в нашу собственную игру. Начнем с извращенного факта, чтобы ты знала, насколько я сейчас серьезен. Готова? Слушай внимательно... свиньям требуется всего восемь минут, чтобы разорвать и съесть человеческое тело, не оставив никаких следов. Тело никогда не будет найдено... понятно?

Она издает скулеж, полный страха, но пытается кивнуть головой, которую я прижимаю к стойке.

— Ебанный в рот, Джуд!

— Он, блядь, потерял ее!

А потом Эш:

— Она того не стоит, брат. Сави не стоит того, чтобы разрушать свою жизнь из-за нее.

Я поворачиваю голову, чтобы встретиться с его глазами, и рычу:

— Неправильный... блядь... ответ.

Возвращаемся к игре.

— Ты должна говорить «да» или «нет». Вот и все, и если я подумаю, что ты лжешь, то я буду резать. Каждый раз, когда ты врешь, я воткну нож глубже, поняла?

Она выдыхает «Да», и ее слезы льются на стол.

— Вопрос первый: была ли она девственницей, когда спала с Хантером?

Сучка скулит, словно не хочет отвечать, поэтому я нажимаю на лезвие чуть сильнее.

Еще не настолько, чтобы порезать, но достаточно, чтобы дать ей понять, что она получит, если не будет играть по моим правилам.

Наконец она кричит: «Да!», я киваю и иду дальше.

— Второй вопрос, играет ли Сави в больные и извращенные игры с мужчинами, как ты утверждала?

На этот раз она говорит быстрее, как будто знает, что дело сделано.

— Аргг, нет, нет!

Сильнее вжимаю ее голову в стойку.

— Ты уверена? Можешь рассказать об этом подробнее.

— Нет! Она неудачница. Ни один мужчина даже не разговаривал с ней и не смотрел на нее до вас, ребята! Хантер трахнул ее только потому, что в его братстве был конкурс секс-бинго, и он выбрал ее, чтобы заполнить свою строчку «трахни девственницу».

— Ох... блядь. — Слышу, как Тейт тихо ругается, когда до него наконец-то доходит, как сильно мы облажались, не поверив в нее.

— Вопрос третий, почему Сави использует девичью фамилию матери, а не отца?

Этот вопрос заставил ее сплюнуть в раздражении.

— Потому что она хочет быть... нормальной! Она не хочет, чтобы кто-то относился к ней как к наследнице.

— Следующий вопрос, ты положила клубнику в ее напиток той ночью, чтобы ей стало плохо?

Ответ быстрый и непреклонный.

— НЕТ! Нет, я этого не делала. Я не знаю, как это произошло!

Я так хочу порезать эту сучку и увидеть, как ее кровь оmyвает мои пальцы, но я действительно верю ей, поэтому поднимаю нож настолько, чтобы поднять ее в вертикальное положение, а затем снова приставляю его к ее горлу.

— Последний вопрос, почему ты так ее ненавидишь?

Я бы похвалил эту дрянь за злость и дерзость, которые наполнили ее лицо, даже когда я приставил нож к ее горлу, она извергает:

— Потому что у нее есть ВСЕ! У нее есть деньги, у нее есть гребаное имя, которого у меня никогда не было, и у нее есть власть, которая к этому прилагается. А она ничего с этим не делает! Это должно быть, блядь, моим! Все это должно быть моим.

Бросаю нож на стойку и киваю на эту жалкую отговорку для женщины.

— Думаю, у меня есть еще один вопрос. Хм, может быть, еще несколько. Кто платит за все, что у вас есть? — Она делает лицо, говорящее мне, что Сави, но отказывается отвечать, поэтому я продолжаю.

— Сегодня ее двадцать первый день рождения, так? Значит ли это, что сегодня она вступает в наследство?

На ее молчание я лишь недовольно пожимаю плечами и мрачно усмехаюсь, потому что она просто не понимает, в какой жопе она находится. Итак, я объясняю.

— Последний, последний вопрос. После того, что ты только что сделала с Сави, как ты думаешь, что она собирается сделать с тобой теперь, когда у нее есть полный контроль над кошельком?

Ей требуется некоторое время, но, когда она осознает последствия того, что она сделала не с тем гребаным человеком, она так краснеет, что почти становится бордовой. Ее глаза расширены и полны ярости, они метаются по комнате, словно она ищет способ захлопнуть

джинна обратно в бутылку, и это снова вызывает у меня мрачный смех.

Поворачиваюсь к ней спиной и машу рукой Беку:

— Убери эту дрянь из нашего дома.

Я хожу туда-сюда по кухне, пока Бек выносит мусор, а Тейт сидит на диване, положив голову на руки. Джуд хватает свой телефон и прижимает его к уху, бормоча: «Ну же, куколка, возьми трубку». Он нажимает на красную кнопку, когда она не берет, и начинает звонить ей снова. Да пошел он. Значит, она не обманывала их, но она точно обманула меня, и она солгала о гораздо большем, чем это. Сави не может получить бесплатную прописку за все свои тайны.

— Просто отпусти это, Джуд! Она, блядь, играла со мной и лгала всем нам. Почему ты все еще преследуешь ее, как собака в течке?

Он стучит мобильником по лбу и рычит сквозь стиснутые зубы.

— Пошел ты, Эш! Ты так залез головой в свою задницу, что не видишь ничего. Скажи мне... блядь, скажи мне, как она тебя обманула? Сави танцевала в баре, ты увидел ее и стал одержим. Она не делала тебя таким. Она не давала тебе никаких обещаний, не так ли? Нет, она не сказала тебе ни одного чертова слова за два долбанных года! Думаешь, раз ты так на нее смотрел, она тебе что-то должна?

Он рвет на себе волосы и пытается снова позвонить ей, но не дозванивается и продолжает разглагольствовать.

— Знаешь, почему она танцевала в этой клетке, за этой маской? Потому что она хотела быть той женщиной, но слишком боялась быть ею в реальной жизни. Она сказала мне... — Он раздражается безумным смехом. — Она сказала мне, что ты был первым мужчиной, который увидел ее, посмотрел на нее, как будто она что-то значит. Она сказала, что ты заставил ее почувствовать себя чертовски... достойной! Арг! Она была чертовски права. Сави всегда была достойной. Это ты ее недостоин.

Он тычет пальцем в мою грудь, заставляя меня отступить назад.

— Когда она встретила тебя здесь, в реальной жизни, она боялась рассказать тебе, потому что знала, что ты будешь в ярости от того, что она не та девушка в клетке. Она знала, что ты накажешь ее за это. Зачем ей было говорить тебе, если она тебе ни хрена не доверяла?

Я хочу возразить ему, но он бросает на меня мрачный взгляд и спрашивает:

— Ты рассказал своей Бабочке, кто ты на самом деле? Рассказал ли ты ей, откуда мы родом? Какое дерьмо мы натворили за эти годы? Разве ты не должен был рассказать ей правду? Нет? Так какого хрена тогда ты имеешь право знать ее секреты?

Он отворачивается от меня, его пальцы летают по клавиатуре, отправляя сообщение за сообщением, а я подхожу к окну и смотрю на падающий снег. Вспоминаю, как она пришла сюда в первый раз. Я открыл дверь, и у нее чуть не случился припадок, когда она увидела меня. После этого она едва могла смотреть на меня до той ночи, когда началась снежная буря.

Сейчас я вспоминаю, как поступил с ней, сказав, что мы не обязаны справляться с ее реакцией на бурю. Именно после этого она перестала нервничать рядом со мной, и теперь я понимаю, что именно в тот момент Сави воздвигла стену, чтобы отгородиться от меня. Я перестал ее волновать, и мое поведение придурка помогло в этом.

Мои глаза закрываются, когда я вспоминаю тот момент на кухне, когда я впервые увидел ее татуировку. Она сказала, бля... она сказала, что это должно было напоминать ей, что она может быть кем-то, кем она не была. Это должно было означать, что если она будет

достаточно смелой, то сможет летать. А потом она заплакала. Я держал ее, пока она плакала, и думал, что это ПМС, но она пыталась рассказать мне свою историю своим собственным испуганным способом. Я поднял ее и уложил в постель, и она сказала, как ей жаль, и теперь я понял, что это не имеет ничего общего с тем, что она была в нашем доме. Сави пыталась сказать мне, как ей жаль, что она не была достаточно смелой, чтобы рассказать мне правду.

Тейт вырывает меня из мыслей.

— Вот как она заставила моего отца отступить. Точно должно быть так. Она использовала свое имя и, вероятно, какие-то угрозы, которые такой человек, как Севан, мог бы выполнить. Она назвала ему свою настоящую фамилию, чтобы попытаться защитить меня. Хотя она пытается скрыть это от всего мира. Почему, черт возьми, она хотела скрыть это? Почему она не сказала нам?

Бек качает головой, а затем снова стучит ею о стену, на которую опирается.

— Разве ты не слышал эту суку? Сави просто хотела быть нормальной. Подумай о том, какой груз несет в себе такая фамилия и состояние. Если бы люди здесь знали, она бы постоянно находилась под микроскопом, и они все осуждали бы все ее действия.

Тейт вскидывает руки вверх в расстройстве.

— Хорошо! Но зачем работать на двух работах? Ей же не нужны были эти гребаные деньги с миллиардами в банке. Блядь, ей не нужно было оставаться здесь после того, как ее дом взорвался. Она могла бы просто купить гребаное здание и переехать в него!

Джуд в гневе бросает телефон вниз.

— Ты настолько тупой? Ей плевать на деньги! Ей плевать на нашу профессиональную зарплату и премию, и ей плевать на миллиарды, которые оставил ей отец. У нее в комнате пластмассовые комоды "Таргет", мать вашу. Все, что волновало мою куколку, это чтобы кто-то видел ее, заботился о ней. Она просто хотела чего-то настоящего. А она... не... отвечает... на... мои... звонки! ЧЕРТ! — Он судорожно смотрит между всеми нами. — Один из вас попробуйте, позвоните ей, напишите ей!

Тейт качает головой.

— Если Сави и будет отвечать на кого-то из нас, то это будешь ты, Джуд.

Снова отворачиваюсь, не уверенный, что хочу, чтобы она ответила кому-то из нас. То, что Джуд все рассудил, не означает, что я не чувствую, что она меня предала, что мне солгали.

— Где она? Куда она могла пойти? Все ее вещи здесь, — бормочет Джуд, снова звоня ей на телефон.

После двух лет, когда я хотел только одну женщину, я наконец-то выбрал. Я, блядь, выбрал Сави, и все развалилось. Это напоминает мне о браслете из крошечных книжек, который я оставил на столе в клубе, поэтому тру лицо, а затем бросаю ему спасательный круг.

— На ней все еще был костюм бабоч... ее клубная одежда. Наверное, она вернулась туда.

Он поднимает голову от телефона и начинает быстро кивать.

— Да! Хорошо, хорошо, Бек, мне нужно, чтобы ты отвез меня в клуб!

Как один, мы все начинаем двигаться к двери, но Джуд выбрасывает руку, не давая мне идти за ним.

— Нет, только не ты. Ты и близко не подойдешь к моей куколке. Ты облил мою девочку

горючим и поджег гребаную спичку. Можешь оставаться здесь и гореть за это.

— Джуд...

Он прерывает меня рычанием.

— Заткнись! Тебе конец, Эш.

Тейт и Бек оглядываются на меня с настороженными выражениями, пока все они одевают куртки, а затем три моих лучших друга, моя семья, оставляют меня наедине с тяжестью того, что я только что сделал.

Я стою там еще долго после того, как захлопывается входная дверь, пытаюсь объяснить себе, почему все это ее, а не моя вина, но чем дольше я об этом думаю, тем труднее мне становится. Наконец иду к лестнице и поднимаюсь по ней, останавливаясь у ее открытой двери. Вижу голубую кровать цвета ее глаз, заваленную подушками, и глубоко вдыхаю ее запах персиков и сливок. Я сжимаю пальцы на дверном косяке. Она сделала это, она не имела права... Образ ее грустных, влажных голубых глаз проносится перед глазами, когда она сжимает мое запястье и говорит: *«Эш... мне жаль, мне так жаль»*.

Вижу ее в клетке, танцующую для меня. Как ее глаза всегда встречались с моими. Не чувственные, сексуальные взгляды, а те времена, когда ее глаза были полны чего-то другого, чего-то безымянного. Времена, когда у меня был дерьмовый день, а ее глаза говорили: *«Все в порядке, я вижу тебя, я здесь для тебя»*. Две женщины, Бабочка и Сави, сливаются в одну, и это заставляет меня понять, что Сави дала мне гораздо больше, чем я когда-либо давал ей, и она никогда ничего не просила взамен. Единственное, что Сави когда-либо брала от меня, это мои глаза, наблюдающие за ней, и я отдал их ей добровольно.

— Черт!

Я веду свой пикап по снегу к "Маске", пока Джуд продолжает барабанить по телефону, пытаюсь дозвониться до нее. Я так зол на себя сейчас. Я знал, какая дрянь эта ее сестра, но все равно позволил ей вылить свой яд на то, что у меня есть с Сави. Когда она сказала, что Сави играет с нами, а Эш подтвердил, я просто принял это. Даже не усомнился.

Первая мысль, которая пронеслась у меня в голове, была о том, что, конечно же, она предаст меня, за ней последовала ядовитая мысль о том, что она такая же, как моя мама. Это заставило меня понять, что я никогда не позволял себе сближаться с женщинами, потому что предполагал, что они меня бросят. Я не могу позволить себе пройти через это снова. Моя мать предпочла смерть мне, и я никогда не подпускал ни одну женщину настолько близко, чтобы снова почувствовать такую боль. Похоже, я испорчен больше, чем думал, и Сави только что заплатила за это цену.

Все, что сказал Джуд, было правдой. Она ничем нам не обязана. У Сави есть право на свои секреты, как и у любого другого. Она никогда не ждала, что я ей что-то расскажу, она просто приняла меня таким, какой я есть, а потом попыталась помочь мне, когда увидела, как сильно я борюсь со своим будущим. Но при первых признаках конфликта я автоматически думал о ней самое худшее. Черт, она заслуживает лучшего, чем я, чем мы. Мы были небрежны с ней с самого начала. Заставляли ее чувствовать, что она недостаточно хороша, чтобы ее стоило добиваться. Сави дала всем нам второй шанс после того, как мы облажались в прошлый раз, но тошнотворное чувство в животе говорит мне, что третьего шанса у нас, скорее всего, не будет.

— Подъезжай к дверям. К черту поиск места для парковки, — говорит мне Джуд, и быстрый взгляд на него показывает мне, насколько он взвинчен.

Если Сави не простит нас, если мы потеряем ее, Джуд слетит с катушек. Я никогда раньше не видел его таким по отношению к кому-либо, тем более к женщине. Как только я подъезжаю и ставлю машину на стоянку, он выскакивает, а Тейт быстро идет за ним по пятам. Я выжидаю мгновение и решаю: к черту, оплачу штраф. Закрываю машину и выпрыгиваю, быстро догоняя остальных, которых блокирует Марко, массивный вышибала на входе.

Я выше его на целый фут, но у него, вероятно, есть лишние пятьдесят фунтов мышц. Возможно, в моем нынешнем состоянии духа я и смог бы с ним справиться, но я видел, как этот парень дерется, и это чертовски грязно.

— Я ничего не могу сделать, мужик. Стелла велела не впускать, мы не впускаем, — говорит он Джуду, который снова начинает рвать на себе волосы.

— Уф! Мне просто нужно поговорить с Сави, Марко! Она работает здесь Бабочкой. — Джуд умоляет, заставляя Марко скрестить свои огромные руки на груди и злобно смотреть на него.

— Я знаю, кто такая Сави, придурок. Не знаю, что вы, ребята, с ней сделали, но она была в полном беспорядке, когда Стелла забрала ее отсюда.

— Ее здесь нет? Ты знаешь, куда они пошли? — Джуд достал свой бумажник, вытащил из него все наличные и протянул их вышибале. — Пожалуйста, мужик! Мне нужно найти ее. Мне нужно, блядь, все исправить!

Марко выхватывает пачку денег из пальцев Джуда со смехом.

— Удачи, блядь, с этим. Я слышал, как Стелла сказала водителю отвезти их в аэропорт. Она, блядь, улетела, придурок. Ты опоздал. А теперь отвали.

Джуд рычит и бросается на него, но мы с Тейтом хватаем его и тащим обратно к пикапу. Затаскиваем его и забираемся внутрь. Я так чертовски зол на себя, так чертовски боюсь, что мы сломали ее до такой степени, что не сможем это исправить. Игнорирую Джуда, когда он ругается на меня за то, что я не отвез его в аэропорт, пока везу нас домой. Марко прав, мы опоздали. Когда я въезжаю на подъездную дорожку и глушу машину, я наконец поворачиваюсь к Джуду на заднем сиденье.

— Мы ничего не можем сделать прямо сейчас. Завтра мы все сядем в самолет, чтобы принять участие в кубковой игре. Нам просто придется пережить это, пока она не вернется после праздников. Джуд, ты должен отключиться на время. Вы с Тейтом должны сосредоточиться на игре. Ваше будущее зависит от того, как вы сыграете этот матч, а потом на Национальных, когда вы, блядь, выиграете. Мы уладим это дело с Сави, когда она вернется в университет. Ты знаешь, что мы это сделаем! Подумай о том, как она будет расстроена, если из-за нее ты проебешь все свое будущее. Заприте это, вы оба. Влейте все свои чувства в игру и выиграйте. Выиграйте для нее.

Тейт хмурится, но кивает в знак понимания, и я снова поворачиваюсь к Джуду. Его глаза закрыты, но, когда он открывает их, на меня смотрит страшный ублюдок, он отрывисто кивает и вываливается из грузовика. Мы с Тейтом обмениваемся обеспокоенными взглядами, но мы мало что можем сделать, пока Сави не вернется в университет, поэтому мы следуем за братом в дом.

Мы подъезжаем к дому, только что прилетев после победы. Я бы хотел сказать, что мы на пике празднования, но все это омрачено не решенным конфликтом в отношениях с нашей девушкой. Джуд не перестает взрывать ее телефон с той ночи, но все его сообщения отображаются как доставленные и не прочитанные. То же самое с моими и Бека. Не знаю, пытался ли Эш связаться с ней. Между ним и Джудом сейчас большой разлад, поэтому мы с Беком просто стараемся держаться подальше от линии огня.

Мы поднимаемся по лестнице и сталкиваемся со стопками коробок и пакетов Amazon, блокирующими дверь. Я ожидал кое-какую доставку, но не такого количества.

— Черт, сколько же книг я заказал? — размышляю я, беспокоясь о том, что, возможно, по ошибке сделал дубликат заказа. Джуд бросает на меня взгляд.

— Ты заказал книги? Для Сави? — На мой кивок он закатывает глаза. — Ну, я тоже. Я заказал все из ее электронной книги, чтобы заменить те, которые она потеряла во время пожара.

Ухмыляюсь, зная, что эти фэйри-порно книги будут читаться им так же часто, как и Сави.

— Я заказал всю ее любимую литературную классику. Все ее экземпляры были заполнены маленькими цветными закладками, где она что-то выделяла. Я подумал, что мы могли бы просмотреть их вместе и сделать новые.

Мы оба поворачиваемся к Беку, а он просто пожимает плечами.

— Я заказал ей кучу ворсистой одежды с карикатурами и пахучие свечи. Ты же знаешь, как она любит, чтобы ей было удобно и тепло.

Эш раздраженно ворчит и проходит мимо стопок, чтобы отпереть дверь, а затем запихивает кучу коробок в дом, чтобы сделать проход. Бросаю быстрый взгляд на Джуда и вижу темноту в его глазах, следящих за его другом детства, который исчезает внутри.

— Давай, отнесем все это в ее комнату. Мы должны купить несколько книжных полок и расставить их, чтобы, когда она приедет домой, все было готово для нее. Это будет приятный сюрприз.

Джуд соглашается, и часть мрака уходит из его выражения лица. Мы втроем хватаем каждый по коробке и поднимаемся по лестнице, но Джуд замирает в дверях и издает звук, как будто кто-то только что ударил его ножом по кишкам. Я толкаю его дальше в комнату, и все внутри меня замирает. Все исчезло. Ее больше нет. В комнате остался только голый матрас, а прямо посреди него ключ, прикрепленный к розовой пластиковой бабочке. Я бросаю коробки и поворачиваюсь, чтобы схватить Джуда за плечи. Он выглядит чертовски разбитым.

— Это ничего. Это временно. Мы вернем ее обратно. Когда она вернется в университет, мы узнаем, куда она переехала, и вернем ее обратно. Это не конец, Джуд. Мы не собираемся сдаваться.

Он медленно кивает, ставит коробки на место и выходит из комнаты со сдавленным выражением лица. Мои глаза встречаются с глазами Бека, и там я вижу те же сомнения, которые чувствую, но не хочу озвучивать. Черт, может, это действительно конец.

Сави >

Доброе утро, красавица. Сегодня самый лучший день. Он даже лучше, чем, когда мы выиграли Национальные соревнования, потому что сегодня начинаются занятия, а это значит, что ты здесь. Я найду тебя, куколка. Я найду тебя и заставлю выслушать. Ты моя, Сави, и я не собираюсь тебя отпускать. хохо.

Не делай этого, детка! В офисе сказали, что ты отказалась от обучения и больше здесь не числишься. Сави, это меня не остановит. Я не откажусь от нас. Мне все равно, где ты. Мне все равно, сколько времени это займет. Ты моя, куколка, никогда не забывай об этом. хохо

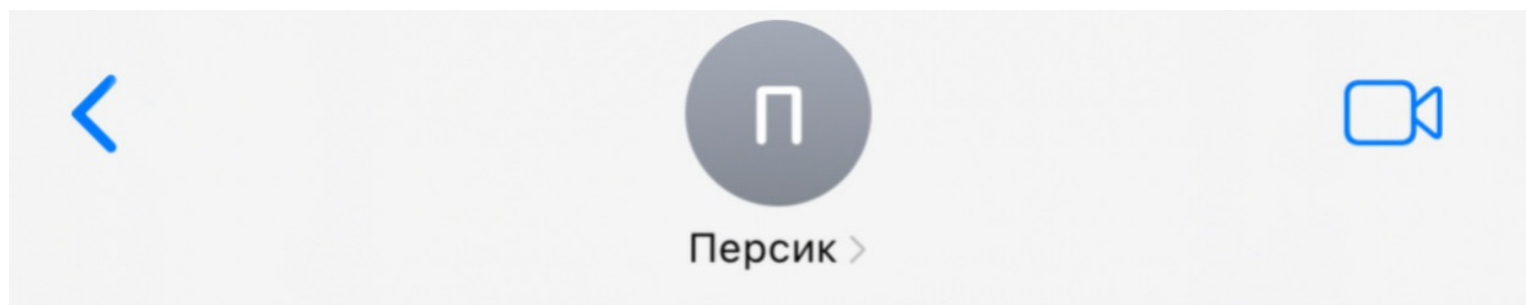
2 месяца спустя

Сави >

Хотел бы я, чтобы ты была сегодня со мной. Сегодня день драфта. Я только о тебе и думал, когда мне позвонили. Все, чего я хотел, это притянуть тебя к себе и обнять. Обещаю тебе, детка. Это никогда не изменится. Спокойной ночи, ангел. Надеюсь, я буду сниться тебе так же, как ты мне. Хохо

Я больше ничего не чувствую. Ты ушла,
и теперь Джуд и Тейт тоже уезжают.
Все всегда уходит.
Я просто хочу почувствовать что-то
снова. Я не хочу быть один.

Печатаю в телефоне онемевшими от алкоголя пальцами и качаю головой, наблюдая, как он падает на пол, а затем наливаю последний стакан дешевого виски из бутылки и роняю ее тоже. Проходит несколько минут, пока моя голова перестает кружиться, и я наконец наклоняюсь, чтобы попытаться поднять телефон, но в итоге натыкаюсь прямо на проходящую мимо девушку. Она хватается меня за руку и толкает обратно к стене, чтобы удержать меня в вертикальном положении, смеясь.

— Чувак! Ты такой чертовски разбитый. Такой большой парень, как ты, мог бы расплющить такую девушку, как я. Ты футболист? — спрашивает она меня с легкой грубостью в тоне, раскачиваясь передо мной. Немного сужаю глаза, чтобы разглядеть ее сквозь дымку виски, и сразу понимаю, что это не та девушка из женского общества, которую я знаю. Ее дешевая одежда не сидит на ней, а между большими грудями, выпирающими из топа с низким вырезом, красуется татуировка в виде розы.

Я проглатываю дерьмовый привкус во рту и говорю:

— Футбол, да, собирался стать звездой. Ты здесь не учишься?

Она прислоняется к стене рядом со мной, но в итоге соскальзывает прямо на меня, поэтому я обхватываю ее талию рукой, чтобы удержать нас обоих, пока она хихикает.

— Нет, не учусь, но какой-то парень из студенческого братства привел меня сюда после окончания моей смены в клубе. — Она проводит рукой по моей груди, и ее брови поднимаются от того, что она чувствует. — Я собиралась трахнуть его за бесплатную выпивку, но он тощий по сравнению с тобой. Хочешь прокатиться на мне, большой мальчик?

Моя голова откидывается назад к стене, когда комната наклоняется, но я чувствую, как ее руки бродят по мне, и это хорошо, лучше, чем то, что я чувствовал с тех пор, как ушла моя девушка, поэтому, когда она берет меня за руку, я позволяю ей провести меня в комнату и на некоторое время, даже если это бессмысленно, почувствовать что-то.

Когда Джуд находит меня на следующее утро, я лежу голый на полу в спальне какого-то братского дома с украденными бумажником и телефоном. Все оцепенение, которое я испытывал, сменяется чувством вины и ненависти к себе за то, что я был таким чертовски слабым. Неважно, что она бросила меня или что через два месяца я понимаю, что она не вернется. Все еще чувствуется, что я только что изменил Сави, и я понял больше, чем когда-либо, что она заслуживает лучшего, чем я.

Бросаю Бека на его кровать и изо всех сил стараюсь не хлопнуть дверью, когда уйду. Я злюсь, что он трахнул какую-то случайную цыпочку прошлой ночью, но сейчас у парня просто катастрофа. Такое ощущение, что все развалилось на части с тех пор, как Сави нас бросила. Тру лицо, спускаясь по лестнице, готовый просто сесть на самолет и привезти ее сюда, чтобы исправить все это дерьмо.

— Он в порядке? — спрашивает Эш, заставляя меня бросить на него мрачный взгляд.

— А ты как думаешь? Нет, не в порядке. Девушка, которую мы любим, бросила нас, и он на грани потери единственной семьи, которая у него есть.

Игнорирую чувство вины, промелькнувшее на его лице, и обращаюсь к Тейту.

— Я больше не могу это терпеть, чувак. Я должен забрать ее!

Прежде чем Тейт успевает мне ответить, Эш спрашивает:

— Куда она поедет?

Сдерживаю рычание, которое хочу выплюнуть на него, и вместо этого просто пригвождаю еще одним мрачным взглядом.

— Джуд, я серьезно. Ты собираешься поехать за ней, но куда она поедет? На западное побережье с тобой или во Флориду с Тейтом? Или она останется здесь с Беком и... мной? Вы, ребята, уедете отсюда через несколько месяцев, так что, если ты привезешь ее обратно, где она будет? Ты собираешься заставить ее выбирать?

Тейт печально стонет.

— Черт. Он прав, Джуд. Даже если ты сможешь убедить ее вернуться, даже если мы сможем заставить ее простить нас, что тогда?

Моя голова поворачивается от него к Эшу и обратно, прежде чем я срываюсь и с ревом ярости бью кулаком по ближайшей стене. Боже, все болит, когда ее нет, но знать, что они правы, еще больнее. Я должен отпустить ее, но не могу, поэтому я отпущу ее... пока. У нас с Тейтом четыре года по контрактам, но после трех мы можем начать переговоры. Мы оба подписали контракт на большее количество гребаных нулей, чем я смогу потратить за всю нашу жизнь, так что для меня, если я не смогу заключить сделку, чтобы вернуться к своей кукле, к черту все, к черту футбол. Я просто уйду. Я люблю футбол, но он никогда не был тем, что определяет меня, это гребаная работа. Футбол вытащил нас с Эшем из гетто, и этот контракт поможет мне на всю жизнь. Сави и мои братья вместе как семья? Это стоит больше, чем все, что может дать мне ловля гребаного мяча.

Поворачиваюсь к ним и откидываю волосы с лица.

— Я не откажусь от нее. Я никогда не откажусь от нее... но... я подожду. Она, блядь, того стоит.

В доме тихо, пока я пью пиво за пивом в одиночестве на кухне. Я не могу перестать думать о том, что сказал Джуд. Его уверенность в том, что Сави стоит всего этого. Я знаю этого ублюдка с тех пор, как мы били окна на заброшенной текстильной фабрике по дороге из детского сада, и я никогда не мог предположить, что между нами может встать женщина. Сейчас он едва терпит меня после того, что произошло той ночью.

Я не могу поверить, что она не вернулась. Я всегда знал, что моя Бабочка единственная в своем роде, и это только еще больше доказывает это. Любая другая девушка вернулась бы и заставила нас страдать за то, что мы с ней сделали. Были бы драмы, споры, мы бы унижались, пытаясь вернуть ее в качестве наказания, но нет, не Сави. Она просто ушла и забрала нас совсем, и это худшее наказание, которое я могу придумать.

Я не знаю, почему меня это удивило. Она всегда прижимала свои карты близко к груди и пряталась за своими масками и клетками, чтобы держать людей подальше. То, что она вот так нас бросила после того, как мы причинили ей боль, это именно то, что она сделала, и это все моя вина. Все, что Джуд когда-либо говорила обо мне, правда. Я гребаный ублюдок. Я влюбился в «Бабочку» по многим причинам, но главной из них было то, что мне не нужно было ей доверять. Я мог любить ее с клеткой между нами, и мне не нужно было отдавать ей часть себя, которую она могла повредить. Она была простой и чистой, и я ездил на ней два года, пока не появилась Сави.

Сави с ее слоями одежды, с ее сладостью, с ее голубыми глазами, которые сбивали меня с ног. Она пряталась, потому что не считала себя храброй, хотя на самом деле трус — я. Это я боялся. Я твердил, что хочу большего с Бабочкой, но правда была в том, что мне нравилось, что она была на расстоянии, что она была в безопасности. Сави все это перевернула, и я влюбился в нее, выбрал ее, но как только ее сестра дала мне выход, я вцепился в нее и все испортил еще до того, как все началось. Сави заслуживает гораздо большего.

Место, откуда я родом, и люди, среди которых я вырос, все это хуйня. Нищета, преступность и безнадзорность были для нас просто... жизнью. С первого вздоха мне внушили, что никому нельзя доверять, даже семье, потому что они продадут тебя без раздумий. Мои сестры обе сбежали, как только им исполнилось шестнадцать, и нашли мужчин, которые заботились о них за пределами района. Если бы не Джуд и футбол, я бы, наверное, сейчас сидел в тюрьме. Именно он, Тейт и Бек научили меня немного доверию, но я никогда не доверял никому другому. Видя, как многие девушки здесь пытаются под разными углами подцепить моих друзей, я только подтвердил это недоверие.

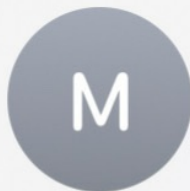
Я осушил последний бокал пива и поставил бутылку рядом с остальными, потянувшись внутрь и глубоко зарывшись. Я хочу быть тем мужчиной, которого она заслуживает, потому что она этого достойна. Поэтому я тоже буду ждать, но следующие годы я проведу, работая над тем, чтобы стать мужчиной, которого заслуживает Сави, и если у меня будет еще один шанс, то я все исправлю. Если она позволит мне, я буду любить эту женщину всем, что у меня есть, но этого все равно будет недостаточно. Я никогда не буду достоин Сави, но я буду тратить каждый день на долбанные попытки.

Выключаю свет и поднимаюсь по лестнице, останавливаясь у открытой двери Джуда. Он смотрит в мою сторону, и меня, блядь, убивает, что его выражение лица становится жестким, когда он видит, что это я. Я все равно вхожу в его комнату и начинаю

единственным известным мне способом.

— Брат... мне так чертовски жаль.

9 месяцев спустя

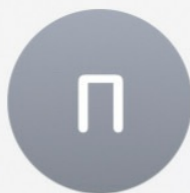

Малышка >

Сегодня должен был быть лучший день в моей жизни. Я сделал это, малышка. Сыграл свою первую игру в качестве профессионального спортсмена. Смотрел на толпу, болеющую за меня, и ничего из этого не значило так много, как должно было бы, потому что тебя там не было. Я скучаю по тебе, Сави. Мне так чертовски жаль. Вернись ко мне, детка.

1 год спустя

Персик >

Сегодня я осознал, что все действительно кончено. Я все думал, что мы как-нибудь найдем способ вернуться друг к другу. Но я облажался, Персик. Я так облажался. Один момент слабости из-за того, что я скучаю по тебе, ненавижу себя за то, что я позволил тебе ускользнуть сквозь мои пальцы, и теперь, несмотря ни на что, мы никогда не сможем вернуть все обратно. Ты никогда не простишь меня, и я не виню себя. Ты заслуживаешь гораздо большего. Ты заслуживаешь всего. Я люблю тебя, Сави. Пожалуйста, будь счастлива.

Сави >

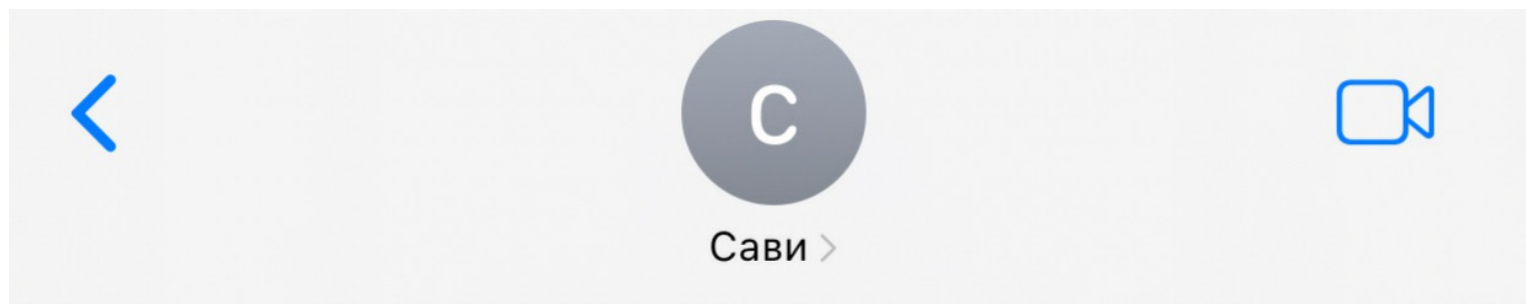

Доброе утро, красотка! Ты можешь поверить, что прошел год с тех пор, как я целовал тебя в последний раз? Я видел тебя вчера в новостях. Ты выглядела такой чертовски красивой, что мне хотелось плакать. Я постоянно вижу тебя на экране, но, детка, меня убивает, что ты никогда не улыбаешься. Я боюсь, Сав, боюсь, что украл твою улыбку. Я верну ее тебе, обещаю. Мне просто нужно, чтобы ты читала мои сообщения. Надеюсь, у тебя будет самый лучший день. Хохо

Отрывок со страницы 6

Наследница и красавица-миллиардерша Саванна Севан сегодня вызвала шок в финансовом районе, когда сделала свой первый шаг к власти после того, как унаследовала миллиарды своего отца Стефана Севана и контрольный пакет акций корпорации «Sevan». Ее первым шагом в роли девушки-босса стало смещение всего совета директоров и назначение Марка Хэнсона исполняющим обязанности генерального директора. Несмотря на то, что господин Хэнсон находился в доверительном управлении корпорации «Sevan» после смерти отца мисс Севан и до ее совершеннолетия, его полномочия были ограничены решением совета директоров. Многие затаили дыхание, чтобы узнать, какие еще планы появятся у мисс Севан в ближайшие дни.

2 года спустя

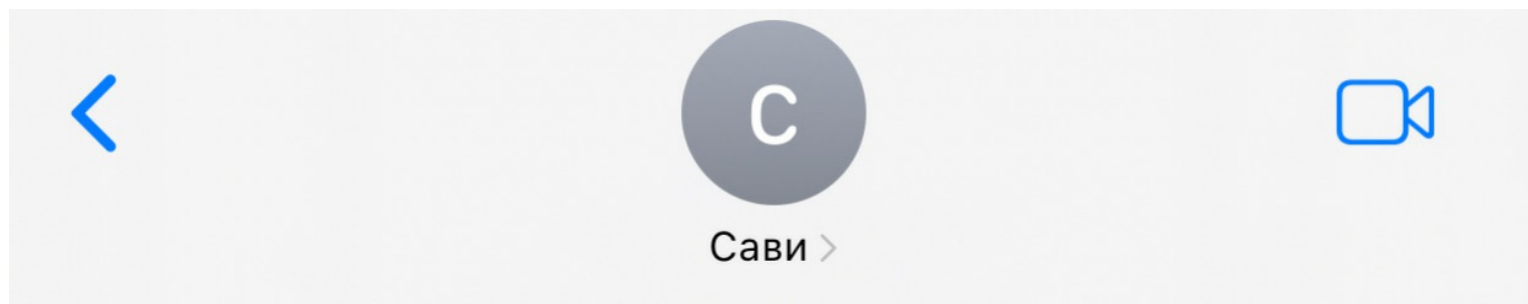

Два гребаных года, куколка! Прошло 2 года и ты не прочитала ни одного моего сообщения. Неважно, я не собираюсь останавливаться. Однажды я открою диалог, и твоя фотография будет рядом с каждым сообщением вместо синей галочки. Я не сдаюсь. Надеюсь, у тебя будет отличный день и произойдет что-то, что заставит тебя улыбнуться. Я скучаю по твоей улыбке, куколка. Хохо

Отрывок со страницы 6

Миллиардерша Саванна Севан была замечена на «Gallagher Gala» вчера вечером, и снова в своем фирменном образе. Ее гладкий темный хвост и черное платье от Версаче прекрасно контрастировали с ее фирменной красной помадой, и снова ни одной улыбки. Самым завидным холостякам Нью-Йорка придется приложить все усилия, чтобы разбить стоический лик мисс Севан.

3 года спустя

Встретились сегодня с ребятами, куколка. Давно не виделись. Мы напились и придумали план. В нем много составляющих деталей и потребуется некоторое время, но думаю, что у нас все получится. Мы идем, куколка. Я иду за тобой. Спокойной ночи, милая. Хохо

Отрывок со страницы 6

Стоическая красавица-миллиардерша Саванна Севан остается загадкой после трех лет пребывания на сцене. Неуловимая мисс Севан хорошо известна своей острой деловой тактикой во главе корпорации, но о ее личной жизни известно немного, так как ее конфиденциальность тщательно охраняется. Таинственная красавица до сих пор не была замечена с эскортом ни на одном мероприятии и отказывается от любых интервью о своей личной жизни. Все нью-йоркское общество заморожено ею, и многие достойные холостяки не смогли разбить ее маску безразличия. Существует длинная очередь из нетерпеливых джентльменов, надеющихся получить от нее первую улыбку.

4 года спустя

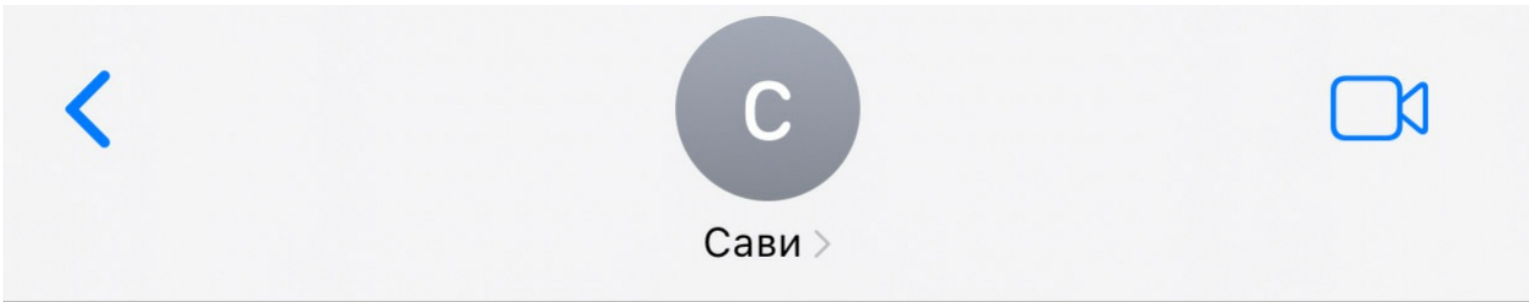

Сави >

Доброе утро, ангел. Ты выглядела потрясающе в этом платье, но в голубом ты мне нравилась больше. Я знаю, что черный цвет теперь твой фирменный, но помню, как хорошо ты выглядела только в розовом. Скоро, куколка, скоро. План сработал. Мы увидимся с тобой чертовски скоро. Надеюсь, ты готова. Хохо

4 года и 5 месяцев спустя

Доброе утро, куколка. Время пришло.
Увидимся вечером. Хохо

Отрывок со страницы 6

Все нью-йоркское общество выкупают билеты на сегодняшнее VIP-открытие новейшей горячей точки города «Маски». Светские львицы, знаменитости и звезды спорта набиваются в позолоченный список гостей.

Ходят слухи, что некая неулыбчивая красавица-миллиардерша сотрудничает с владелицей клуба Стеллой Бэнкс в этом предприятии. Любопытные умы хотят знать, будет ли мисс Севан носить новую маску на мероприятии или останется с той, которую она носит каждый день.

Я смотрю на экран телефона, вижу синюю галочку, означающую, что мое ежедневное сообщение ей доставлено, и жду несколько минут, но, как обычно, оно не прочитано. Ухмыляюсь, бросаю телефон на стойку и поворачиваюсь к остальным. Эш настороженно встречает мой взгляд. Мы все еще не вернулись к тому, что было до того, как он нас всех поимел, но если сегодняшний вечер пройдет хорошо, то я, наконец, смогу его полностью простить.

Бек осушает последний стакан кофе и со вздохом ставит свою чашку на стойку.

— Все еще ничего? — спрашивает он, и я качаю головой, заставляя его снова вздохнуть. — Я имею в виду, что мы сейчас в драме, но ты уверен, Джуд? Это слишком большая вера, чтобы после четырех лет, в течение которых она не прочитала ни одного из твоих сообщений. Все письма и подарки, которые мы посылали все эти годы? Возможно, она пошла дальше, чувак.

Я скрещиваю руки и ухмыляюсь.

— В последний раз, когда я позволил своей вере в нее ослабнуть, мы потеряли ее. Теперь я не сдамся. Да, она не читала мои сообщения и не отвечала на все, что мы посылали, но подумайте об этом. Каждый день на протяжении более четырех лет на ее телефоне появляется уведомление, и она должна смахнуть его. Она делала это более пятисот раз. Почему? Почему бы просто не заблокировать меня? Почему не сменить номер? Нет, каждый день Сави видит мое имя на своем телефоне. Она никуда не двинулась дальше. Кроме того, с тех пор как она перешла на работу в корпорации, она почти так же часто появляется в СМИ, как и мы. Они следят за ней и восхищаются ею, потому что она не ходит на свидания, не улыбается и является полной загадкой. Мы бы узнали, что она двинулась дальше. Сегодняшний вечер. Это первый шаг к тому, чтобы вернуть ее.

Бек потирает рот, смотрит на Тейта и Эша, которые кивают, а затем достает из-под пиджака тонкую папку и бросает ее на стойку.

— Хорошо, вот билеты. Машина заберет нас здесь в девять. Убедитесь, что вы все с масками.

Мы слышим, как открывается входная дверь, и громкий смех заставляет Бека повернуться в ту сторону с покорным видом. Когда он снова смотрит в мою сторону, он кивает еще раз.

— Удачи. Надеюсь, ты вернешь свою девушку.

— Нашу девушку, Бек. Мы вернем нашу девушку. — Я говорю ему с убежденностью, но он только улыбается мне, а затем направляется к входу в дом.

На мгновение меня охватывает сомнение, но я отгоняю его. Я знаю свою девочку, даже спустя четыре года. Она не может так сильно измениться. Ее милое сердце откроется для меня, для всех нас. Нам просто нужно приоткрыть его, чтобы войти обратно.

Мой большой палец навис над уведомлением предварительного просмотра сообщения на моем телефоне.

Доброе утро, куколка...

Это больная, извращенная зависимость, которую я позволяю себе. Я вижу его первые слова, обращенные ко мне, а потом, как и каждый день, смахиваю сообщение. Я должна была заблокировать его номер много лет назад вместо того, чтобы мучить себя подобным образом, но не могу отпустить его, и, видимо, Джуд тоже.

Вздыхаю, кладу телефон обратно в сумку и откидываю голову назад, чтобы рассмотреть шесть открытых уровней над собой в новом клубе Стеллы. Я держусь подальше от занятых сотрудников, которые двигаются со всех сторон, заполняя бар и расставляя столы, готовясь к сегодняшнему открытию. Мой взгляд устремлен на все подвесные клетки, в которых будут выступать танцовщицы в масках, и воспоминания о грубых, нефритово-зеленых глазах омывают меня.

— Ты уверена, что не хочешь пристегнуть крылья по старой памяти, детка?

Вскидываю бровь на свою лучшую подругу и качаю головой.

— Я представляю, как это будет выглядеть в прессе. Нет, спасибо.

Стелла проводит рукой по своему остроугольному белокурому бобу, а ее глаза нервно перебегают с места на место.

— Не надо, — говорю я ей. — Прекрати сомневаться, Стелла. Я бы никогда не стала вкладывать в это деньги, если бы не верила, что это будет иметь большой успех. — Она полусогласно хмыкает, прежде чем остановить проходящего мимо человека, чтобы проверить подносы с бокалами, которые он несет.

Стелла переехала в Нью-Йорк в прошлом году, когда владелец клуба, в котором мы работали, закрыл его, чтобы уехать на пенсию во Флориду. Хорошо, что она рядом со мной, так как она выталкивает меня из маленькой тесной коробочки, в которой я жила с тех пор, как бросила университет. Она работала помощником менеджера в одном из популярных городских ночных клубов, но была расстроена тем, что ни одно из ее предложений, как сделать клуб лучше, не было принято во внимание. Однажды вечером, выпив слишком много вина, я сказала ей, что буду финансировать новый клуб и что она должна использовать ту же концепцию и название клуба, в котором мы впервые встретились. Я знала, что это название хорошо переключается из студенческого городка в город, и после тщательного исследования родился «Маски 2.0».

— Боже, я сойду с ума еще до того, как откроются двери! Тебе нужно отвлечь меня, Сав. Что с тобой происходит? У тебя есть платье для сегодняшнего вечера?

Поднимаю на нее бровь и медленно киваю, учитывая, что это она его выбрала. Стелла одобряет почти все мои наряды, чтобы не допустить возрождения ужасного вельвета в моем гардеробе. Она вздыхает и снова поправляет волосы, а на меня бросает настороженный взгляд.

— Я не хотела поднимать эту тему, но... ты видела новости?

Мои плечи напрягаются, и я позволяю своей безразличной маске опуститься на мои

черты, заставляя ее охнуть.

— Прекрати! Ты знаешь, что не можешь носить маску наследницы Севана со мной.

Закатываю глаза и отворачиваюсь.

— Конечно, я видела. Как я могла не видеть? Она была расклеена повсюду последние несколько недель.

— Ты нервничаешь? Поскольку их обоих обменяли в «Кингз», есть шанс, что ты столкнешься хотя бы с одним из них.

Скрепчиваю руки на своем атласном, сшитом на заказ черном пиджаке и поднимаю подбородок.

— Очень сомнительно. Не похоже, что мы будем вращаться в одних и тех же социальных кругах.

Стелла закусывает губу и придвигается ближе, понижая голос.

— Может быть, это было бы не так уж плохо, если бы ты это сделала. Это могло бы дать тебе некоторое завершение. Позволит тебе, наконец, двигаться дальше? — Я опускаю глаза от ее знающего взгляда. — Детка, прошло уже больше четырех лет. Тебе нужно попытаться жить другой жизнью, кроме работы. Ты молода, богата и красива. Ты должна заводить отношения и жить по полной!

— Я двигаюсь дальше и не хочу отношений. Меня вполне устраивает мужчина в моей жизни, спасибо тебе большое.

Она ухмыляется, но затем кладет руку на мою руку.

— Он все еще шлет тебе сообщения каждый день?

Пожимаю плечами, но киваю.

— Сави, тебе никогда не приходило в голову, что, возможно, их обменяли сюда, чтобы быть ближе к тебе?

У меня пересохло во рту, поэтому трудно глотать, но я все равно качаю головой.

— Не смейся. Как ты сказала, прошло уже больше четырех лет. Я была просто глупой девчонкой, с которой они возились в университете и которая, по их мнению, их обманула. Не знаю, почему Джуд до сих пор пишет мне сообщения, но я не прочитала ни одного из них, так что не похоже, чтобы он думал, что все еще что-то есть. — Отталкиваюсь от стены, нахмурившись. — Это все равно не имеет значения. Даже если по какой-то безумной причине они здесь из-за меня, этого не случится. Я больше никогда не позволю никому причинить мне боль так, как это сделали они. Мне нужно идти. У меня сегодня несколько встреч подряд. Увидимся вечером, Стелл. Обещаю, это будет грандиозное открытие. Тебе не о чем беспокоиться.

Быстро сжимаю ее руку и выхожу из клуба на улицу. У обочины меня ждет мой водитель. Устраиваюсь на прохладном кожаном сиденье, надеваю свои любимые огромные черные солнцезащитные очки и расправляю свой гладкий хвост, пока машина прокладывает себе путь через пробки к моему зданию. Приходится приложить немало усилий, чтобы не думать о том, что Джуд Диксон и Тейт Вэлор впервые за четыре года оказались в одном городе со мной. Даже когда я достаю свой телефон и начинаю отвечать на электронные письма, в глубине сознания мигает маленький красный огонек, что Стелла может быть права, что они могут быть здесь ради меня.

Спустя несколько часов я потираю растущую боль между глазами, в разочаровании закрывая папку. Я специально сказала Марку, что мы не будем двигаться в этом направлении. Он был отличным генеральным директором в течение последних четырех лет,

пока я вникала во все аспекты деятельности компании, но я все еще имею право окончательного утверждения основных решений. Направление, в котором он хочет нас развивать, не соответствует новому имиджу и брендингу, к которому я подталкивала нас в течение последних двух лет, но даже после того, как я сказала ему об этом, он двинулся вперед. Взглянув на время, я вздохнула и потянулась к интеркому.

— Мэнди, принеси, пожалуйста, мой обед и узнай, есть ли у Марка в расписании время для встречи сегодня днем.

— Сию минуту, мисс Севан, — отвечает мне динамик.

Достаю другую папку и начинаю просматривать документы внутри. Через некоторое время из-за придушенного звука я поднимаю голову.

— Ох! Я бы заплатила за то, чтобы быть котлетой в сэндвиче с этими людьми!

Вскидываю брови от такого странного, неуместного для моей помощницы высказывания. Она смеется и поспешно кладет мой обед на угол стола.

— Извините! Я просто не ожидала, что меня так встретят, когда я вошла сюда.

— Простите? Как встретят?

Она снова смеется и указывает мне за спину, так что я поворачиваю свой стул и подавляю вздох.

В моем кабинете окна от пола до потолка, что дает мне прекрасный вид на башню напротив. Часто рекламодатели платят за то, чтобы изображения были размещены на одной стороне здания из огромных дисплеев. То, на что я смотрю сейчас, прямо напротив меня — изображение двух новых игроков «Нью-Йорк Кингз», Джуда Диксона и Тейта Вэлора, размером со здание. Мое сердцебиение учащается, когда я смотрю на этих двух мужчин, которые когда-то так много значили для меня. Не то чтобы я не видела их последние четыре года. Google — это благословение и проклятие, когда нужно найти бывших... кем бы они ни были для меня.

Они выглядят одинаково, но по-разному. Они старше и выглядят немного строже. Дикая грива беспорядочных волос Джуда стала короче и плотнее, но все еще белый блонд, и я вижу новые чернила, ползущие по его шее под майкой. Тейт по-прежнему выглядит как футбольный бог, которым он и является. Его темные волосы и квадратная челюсть придают ему всеамериканский вид, когда он сжимает в руках мяч. Я вздыхаю и медленно поворачиваю свой стул обратно, к ним спиной.

— Мэнди, мне нужно, чтобы ты разыскала руководство этого здания. Скажи им, что я заплачу за то, чтобы это изображение убрали на другую сторону здания. Я не могу смотреть на это каждый день.

Брови моей помощницы удивленно приподнимаются, но она быстро кивает, и я благодарна, что она не задает других вопросов.

— Мистер Хэнсон сегодня недоступен. Он уехал на выходные за город. Хотите, я запишу вас к нему на понедельник?

Стону от разочарования, но киваю и отпускаю ее. Быстро отправляю электронное письмо Марку, сообщая ему, что нам нужно поговорить в понедельник, а затем бросаю взгляд на обед, лежащий на углу моего стола, но оставляю его там. Трудно испытывать аппетит, когда чувствуешь, что два взгляда уперлись тебе в затылок. Я стараюсь игнорировать все мысли о них и тянусь к другой папке. Это будет очень длинный день.

К тому времени, как я добираюсь до дома, у меня остается меньше часа, чтобы подготовиться к открытию Стеллы. Мой водитель, Патрик, поднимается за мной по

ступенькам к дому, неся сумку с платьем и несколькими другими пакетами. Он ждет позади меня, пока я отпираю дверь и ввожу код сигнализации, прежде чем войти следом за мной. Его встречает глубокий угрожающий рык, но он привык к реакции Мо за два года, поэтому он стоит спокойно, пока мой малыш рычит и обнажает зубы.

— Хватит, Мо! — дразню я здоровяка. Он делает шаг назад и опускает свой красивый пузень размером с Кардашьян на мраморный пол, его язык высунут, а в больших карих глазах плавает безумная любовь ко мне. Бросаю свою сумку и протягиваю руку, чтобы забрать все у Патрика.

— Я выйду через час, можешь пойти перекусить. Убедись, что списал деньги со счета компании.

Он кивает мне и, выходя, подмигивает Мо, который приподнимает одну сторону рта, чтобы показать клыки. Как только за ним закрывается дверь, я позволяю своей маске соскользнуть и впервые за несколько часов улыбаюсь, падая на колени и зарываясь лицом в длинный лохматый коричнево-белый мех Мо.

— А вот и мой большой мальчик! Кто у нас хороший мальчик? Ты ходил с Сарой на прогулку? Ты гонялся за всеми белками и наводил ужас на всех мужчин города? Да, да, не так ли? Мой большой свирепый малыш!

Позволяю стрессу дня скатиться с меня, пока я глажу и воркую с ним, а он снова прижимается ко мне с любовной атакой. Вот этот мужчина все, что мне нужно в жизни. Я смеюсь, когда он проводит по моей шее своим огромным языком, и вспоминаю, как я сопротивлялась, когда Стелла подбросила его два года назад. Он смешанная порода с примесью сенбернара и мареммы, и он идеален во всех отношениях. Несмотря на то, что теперь мне приходится покупать клейкие валики для одежды оптом, я бы не отдала его ни за что на свете. В то время Стелла была в городе в гостях, и ей не нравилось, что я живу в этом большом доме одна, поэтому она удивила меня Мо, когда я однажды вечером вернулась с работы, и она была права. То, что он принес, облегчило боль внутри меня, от которой я страдала последние 4 года. Тот факт, что Мо ненавидит всех мужчин, был просто дополнительным плюсом, который меня постоянно забавляет.

Поднимаюсь на ноги, собираю все, что уронила, и направляюсь вглубь огромного дома к задней двери, чтобы выпустить его. Пока он занимается своими делами, я наполняю его миску с едой и водой, а себе быстро разогреваю замороженную еду. Мы едим вместе, пока я рассказываю ему о своем дне и извиняюсь за то, что снова оставляю его одного, чтобы пойти куда-то вечером. Я очень редко провожу вечера где-то, кроме как здесь, с ним на коленях, но открытие Стеллы не то, что я могу пропустить. Мо поднимается по лестнице впереди меня на третий этаж, где находится спальня, и запрыгивает на мою кровать, чтобы поваляться и скомкать покрывала, пока я раздеваюсь и иду в душ.

Я быстро собираюсь, мне не нужно много чего делать, только провести горячим выпрямителем по волосам, чтобы мой хвост был гладким. Подкрашиваюсь в тон платью и несколько раз хмуро смотрю на свое отражение. Прошло уже более трех лет с тех пор, как я сделала лазерную операцию на глаза, и я все еще чувствую себя уязвимой без своих больших очков, за которыми можно спрятаться. Вздохнув, я крашу губы красной матовой помадой, которая продержится весь вечер, и достаю платье из сумки. Приподнимаю его и делаю глубокий вдох. Оно короче и более облегающее, чем я предпочитаю, но для открытия ночного клуба оно подходит как нельзя лучше. Это черная металлическая сетка поверх боди-слипа, который обтягивает все изгибы. Спереди оно спускается ниже, демонстрируя

выпуклость груди, а клейкая лента удерживает его на месте, чтобы ничего не выскользнуло во время танца. Передняя и задняя части образуют треугольник между бедрами, а боковые части подняты выше. Вырез спины опускается до самой поясницы и имеет бретели шириной в дюйм, пересекающиеся посередине спины.

Я добавляю дополнительную ленту по бокам, чтобы платье держалось на месте и не было видно татуировок на правом боку, которые выросли из одной маленькой бабочки, которая раньше была только на бедре. Это не для всеобщего обозрения, это личное.

Я влезаю в серебристые туфли на шпильках и застегиваю их, прежде чем несколько раз подпрыгнуть и опуститься перед зеркалом, чтобы убедиться, что все осталось на месте. Я наклоняю голову в сторону, чтобы изучить образ с подходящей маской в руках и выдыхаю небольшой смешок, что все, что мне нужно, это добавить крылья, и я смогу отмотать время на четыре года назад. Вот только мне больше не нужна маска из ткани, за которой можно спрятаться, чтобы выглядеть так. Та девушка, которую я создала для публичных выступлений, теперь держит всех на расстоянии вытянутой руки.

Наполняю серебристый клатч всем необходимым и отправляю Саре смс, чтобы напомнить, что через несколько часов ей нужно заехать и выпустить Мо, а затем засовываю в сумочку свой мобильный. Я уже чувствую, как нарастает беспокойство, поэтому по пути к двери я останавливаюсь на кухне и опрокидываю в себя две рюмки «Patron» для храбрости. Может, я и не прячусь так часто, как раньше, но мужество мне все еще иногда трудно найти. Я накидываю на руку черную атласную накидку, останавливаюсь у зеркала в прихожей, чтобы поправить маску, и выхожу из дома. Патрик ждет у входа и распахивает для меня заднюю дверь внедорожника, предлагая свою руку, чтобы помочь мне забраться в него.

Камеры вспыхивают без остановки, когда я выхожу на красную дорожку перед клубом. Останавливаюсь и позирую с рукой на бедре и пустым, безразличным выражением лица, пока они получают свою порцию фото, игнорируя все вопросы, брошенные в мою сторону. Я просто держу слова Стеллы в центре внимания, подавляя нервы и тревогу, которые все еще вызывают у меня эти слова. Я была в ужасе, когда мне впервые пришлось идти на мероприятие после принятия наследства.

« — Детка, пожалуйста! Ты провела более двух лет, тряся своей едва прикрытой задницей перед гораздо худшими толпами. Сейчас ты возвращаешь Бабочку. Ты пройдешь по ковру в ее маске с глазами, щелкающими на все камеры. Сави, они не могут тронуть Бабочку, так что будь ею, когда тебе это нужно.»

Когда с меня было достаточно, я вошла в новый и улучшенный клуб, и Стелла встретила меня у двери с нервной улыбкой. Мы гладим друг друга по плечам, а после она берет меня за руку и ведет вглубь уже танцующей толпы. Музыка бьет ключом, огни мигают, и алкоголь начинает меня раскрепощать. Она наклоняется ближе, чтобы я слышала ее сквозь шум.

— У меня есть столик на четвертом уровне VIP, но мне нужно немного потанцевать, чтобы снять нервное напряжение. Ты согласна?

Вскидываю на нее бровь, не снимая маску на публики, поскольку по всему клубу разбросаны фотографии, и тяну ее на середину танцпола. Она берет мою сумочку, отдает ее официантке, чтобы та отнесла за столик, а потом мы начинаем двигаться, и это чертовски приятно. Я уже целую вечность не танцевала на публике и забыла, как это здорово потеряться в ритме и огнях. Стеллу отзывают после нескольких песен, но я уже втянулась, поэтому отмахиваюсь от нее и продолжаю танцевать одна, пока другие танцоры то приближаются, то удаляются.

Я теряюсь в этом, подняв руки над головой и покачивая бедрами, когда кто-то подходит ко мне сзади. Я прижимаюсь к нему, даже когда большая теплая рука скользит по моему животу, чтобы прижать меня ближе. Мне хочется ухмыльнуться тому, как приятно чувствовать горячее тело, прижатое к моей спине, но я приучила себя никак не реагировать, поэтому просто откидываюсь назад и упираюсь головой в твердую грудь. Я делаю глубокий вдох и прикусываю покрашенную красной краской губу, когда тепло заполняет мое ядро от твердости, которую я чувствую на своей спине. Прошло так чертовски много времени с тех пор, как мужчина держал свои руки на моем теле, что я почти забыла, как хорошо это может быть.

Тот, с кем я танцую, повторяет за мной движения за движениями, но когда его рука скользит вверх между моих грудей и ласкает шею, то я пытаюсь отстраниться. Я не делаю этого на публике... никогда. Я поворачиваю голову, чтобы сказать ему, чтобы он отпустил меня, и улавливаю запах цитрусовых и чего-то еще, что я узнаю где угодно. Это уникальный аромат, который я никогда не забуду. Это все Джуд. Мое тело замирает, когда я застываю на месте, не в силах произнести слова, не в силах ничего сказать. Он знает, в какую секунду это происходит, потому что хихикает рядом с моим ухом.

— Ты все еще умеешь двигаться, куколка.

Мне приходится бороться за то, чтобы сохранить лицо без эмоций, когда я пытаюсь отстраниться. Его пальцы по-хозяйски сжимаются вокруг моего горла и прижимают меня

ближе.

— Теперь тебе некуда бежать, куколка. Я закончил преследование.

Втягиваю воздух и выдавливаю:

— Отпусти... меня...

Его пальцы скользят к моему подбородку, и он наклоняет мою голову вверх и назад, так что я вынуждена смотреть на него. Наши рты находятся на расстоянии дыхания друг от друга, а его золотые глаза наполнены таким количеством эмоций, что текила вспыхивает в моем желудке, а сердце делает лишний удар.

— Никогда. Я сказал тебе в последний раз, когда был глубоко внутри тебя, что ты моя, и я, блядь, имел в виду именно это.

Мои брови опускаются вниз, и я слегка качаю головой, отрицая. Заставляю свой тон быть жестким, когда отвечаю.

— Ты превратил все шансы на это в пепел. Отпусти меня, Джуд, сейчас же.

В его глазах пляшет веселье, когда его пальцы снова скользят по моему горлу в ласках, от которых мурашки бегут по коже.

— Мы еще не закончили, куколка. Я отпущу тебя на время, но приготовься, потому что я приду за тобой.

Он отпускает руку, и я, пошатываясь, отхожу на несколько шагов, пытаюсь всеми силами сохранить безучастное лицо и не смотреть на него. Скольжу между другими танцорами, а мое сердце бешено колотится. Меня отбрасывает в другую сторону, и я почти теряю равновесие на своих высоченных каблуках, но сильные руки обхватывают меня и притягивают к другой твердой груди. Я несколько раз моргаю глазами, чтобы сбросить оцепенение от того, что снова вижу Джуда, и смотрю прямо в полные желания нефритово-зеленые глаза. Я сдерживаю быстрый вздох, и моя голова кружится.

— Привет, Бабочка. Так чертовски приятно снова смотреть, как ты танцуешь.

Пытаюсь отпрянуть назад, но сзади ко мне приближается еще одно тело, и грубые руки хватают меня за бедра.

— Малышка, от тебя все еще захватывает дух. — шепчет он мне прямо в ухо. Я начинаю дрожать и с трудом втягиваю воздух. Почему они здесь? Что они хотят от меня? Это какая-то извращенная месть, потому что они решили, что я играла с ними из-за лжи Ванессы?

Из меня вырывается прерывистое «С-стоп!», и их руки падают, позволяя мне отступить в сторону и броситься к лестнице. Мне нужно пространство, мне нужна минута, чтобы... Последний из них делает шаг передо мной, преграждая мне путь к лестнице, и я откидываю голову назад, чтобы посмотреть в его ледяные голубые глаза, когда всхлип пытается вырваться наружу.

— Персик, пожалуйста, дай нам шанс все объяснить.

Я так сильно дергаю головой в знак отрицания, что мой конский хвост хлещет по лицу, а затем я оббегаю его и несусь вверх по лестнице, держась за перила, так как мои ноги шатаются на каблуках. Я не могу этого сделать! Не здесь, не на людях. На меня смотрит слишком много глаз. Слишком много камер и сплетен. Я не позволю им украсть мою маску и выставить меня на всеобщее обозрение.

Когда я добираюсь до своего столика, вместо того чтобы достать сумочку и бежать, моя трясущаяся рука тянется к стеклянному подносу с рюмками, которые наполнил и оставил обслуживающий персонал. Опрокидываю две одну за другой в надежде, что алкоголь приглушит бушующие во мне эмоции. Когда рука ложится мне на плечо, я так сильно

шарахаюсь в сторону, что чуть не падаю. К счастью, Стелла хватает меня за локоть, чтобы удержать.

— Вау! Ты уверена, что тебе стоит так пить, детка? Здесь еще много прессы.

Молча смотрю на нее, и она читает страдание в моих глазах, потому что ее улыбка исчезает, и она придвигается ближе ко мне с озабоченным видом.

— Что? Что случилось?

Мне удастся выдохнуть:

— Они... здесь.

На ее лице появляется понимание, и она поворачивает голову, чтобы посмотреть, ее рука крепко сжимает мой локоть, и ее тело напрягается рядом со мной.

— Я запретила вам посещать последний клуб. Не думайте, что я не сделаю этого снова, независимо от того, насколько вы, блядь, особенные сейчас, — жестко рычит она.

Медленно двигаю головой и рассматриваю четырех мужчин, которые последовали за мной по лестнице. Они все в масках, как и остальные посетители клуба, но это не мешает мне ощущать на себе всю тяжесть всех четырех взглядов.

— Спокойно, мы просто хотим поговорить с ней. Мы не ищем неприятностей. — говорит Тейт, протягивая руку в мою сторону.

Стелла резко смеется.

— Я не думаю, что Сави волнует, чего вы хотите. — Она поворачивается ко мне и спрашивает: — Сави, тебе есть кого трахать?

Встречаюсь взглядом с каждым из них и вижу эмоции, которых не должно быть после того, как мы расстались. Я не понимаю, почему они здесь, почему они хотят поговорить со мной после всего этого времени, поэтому я медленно начинаю качать головой и говорю:

— Пойдём подцепим кого-нибудь.

Уголок губ Джуда подергивается, и он преодолевает несколько шагов между нами, пока его запах не заполняет мой нос, а затем он опускается на одно колено, заставляя все мое тело отпрянуть назад. Его теплые руки обхватывают одну из моих лодыжек, и его лицо оказывается прямо напротив стыка моих ног, которые начинают пульсировать от того, что его руки снова находятся на моем теле.

— Твой ремешок развязался. Не могу допустить, чтобы моя куколка упала и испортила все свое совершенство.

Он поднимается на ноги и подносит мою руку ко рту, его губы касаются костяшек, а затем делает полшага назад. Дыхание, которое я не знала, что задерживаю, вырывается из меня. Его глаза прожигают меня, когда он наклоняет голову в сторону.

— Наслаждайся своей ночью, куколка. Мы скоро увидимся.

Еще раз ухмыльнувшись, он отворачивается, и трое остальных один за другим уходят вслед за ним. Я застываю на месте, следя глазами за их продвижением вниз по лестнице, уровень за уровнем, а затем в вестибюль, где они исчезают.

Рука Стеллы переплетается с моей и сжимает ее.

— О, детка. Ты в полной заднице.

— Ты играешь со мной, куколка?

Эта фраза преследует меня во снах снова и снова, во время того небольшого количества сна, которое удастся урвать. Мо переваливается через мои ноги и прижимает их к кровати, словно пытаюсь заставить меня оставаться неподвижной после всех моих метаний и ворочаний. Я сдаюсь, как только начинает рассветать, и тянусь к пульта, переключая каналы, чтобы найти что-нибудь, что отвлечет от мыслей о четырех мужчинах, которые снова вошли в мою жизнь. У меня вырывается сдавленный стон, когда Джуд и Тейт мелькают на экране телевизора. Как бы я ни хотела перейти на следующий канал, я не могу заставить себя это сделать. Пока спортивные телеведущие обсуждают, чем обернутся трейды для «Нью-Йорк Кингз» в следующем сезоне, мои мысли возвращаются к месяцам после того, как я покинула их.

— Ты уверена, что хочешь смотреть это, детка? — спрашивает меня Стелла.

Выглядываю из-под плюшевого пледа, который Джуд купил для меня, и пытаюсь унять боль от зуда распухших глаз, вызванного столькими слезами. Прошло почти три недели с той ночи, а боль все еще пульсирует во мне, хотя я пообещала себе в том холодном гараже выжечь ее, их, все из моего разума и сердца. Смотрю на телевизор и наблюдаю, как истекают минуты в последней четверти матча национального чемпионата. Все игроки выбегают на поле за победой и поднимают Тейта, а затем Джуда на плечи. Они оба провели потрясающую игру. Камеры часто фокусировались на них, показывая мне напряженность в их глазах и мрачные выражения. Даже после того, как были набраны очки, они толкались грудью и давали друг другу пять, но ни разу не улыбнулись, и я знаю, что это потому, что они в ярости от меня и того, что, по их мнению, я сделала.

Их обоих отводят к прессе, задают стандартные вопросы, и они дают стандартные ответы, пока симпатичная блондинка-репортер не спрашивает:

— Сегодня вы оба выглядели невероятно сосредоточенными и особенно яростными. Что стало для вас движущей силой, которая принесла победу?

Джуд переводит взгляд с нее на камеру и поднимает голову с жестким выражением лица.

— Мы выиграли его для нашей девочки, и мы хотели бы, чтобы она была здесь, чтобы увидеть это.

Я захлебываюсь шокированным всхлипом и хватаюсь за пульт, чтобы выключить телевизор, так как слезы снова наворачиваются на глаза.

— Что это значит? — Стелла практически кричит, но я просто качаю головой.

— Это ничего не значит. Они... ничего не значат.

Она со вздохом опускается рядом со мной на диван.

— Сав, может, тебе стоит прочитать сообщения, которые они прислали? Может, это все было недоразумением. Они только что сказали по национальному телевидению, что...

— Нет! Они могут говорить все, что хотят. Уже слишком поздно, я видела их глаза. Я слышала ненавистные слова, которые Эш кричал мне, и была потрясена тем, что Джуд не

верил в меня. Все кончено! Все кончено!

Она обнимает меня за плечи и сжимает.

— Ладно, детка, тогда давай поднимем тебя с этого дивана и составим план твоего будущего.

Сдерживаю слезы и вздыхаю.

— Боже, Стелла, я в таком беспорядке.

Она убирает волосы с моего лица и кивает.

— Да, это так. Но гусеницы должны раствориться в отвратительной куче слизи, прежде чем станут бабочками. — Она проводит пальцем вверх и вниз по мне. — Так что, знаешь, просто продолжай идти, и в конце концов мы найдем твои крылья.

Я фыркаю от смеха и позволяю ей стянуть меня с дивана.

И у нас получилось. Это заняло некоторое время, но с ее помощью я обрела свои крылья. Я знала, что мне нужны перемены. Я не могла снова стать тем слабым книжным червем, как называл меня Эш. Я не собиралась возвращаться в университет, чтобы посещать занятия. Я собиралась закончить обучение дистанционно и начать работать тенью у Марка в офисе, чтобы узнать все, что смогу, о массивной корпорации «Sevan», которую я унаследовала. Это означало, что я буду на виду у всех, поэтому Стелла помогла мне впервые в жизни собрать гардероб из дизайнерских марок. Почти все, на что я согласилась, в итоге оказалось черным. Она возражала против этого, но цвет соответствовал моему душевному состоянию, поэтому она превратила его в фирменный стиль, который я ношу до сих пор. Пучок, который я всегда носила, превратился в гладкий конский хвост, и я согласилась на лазерную операцию для глаз, когда она настаивала, что мне придется носить линзы каждый день, чтобы соответствовать стилю.

Никогда не улыбаться не было в планах. Просто в первый год после окончания университета я была в мрачном состоянии, и пресса подхватила и понесла, так что я добавила это к публичной маске, которую ношу, и приберегла все свои улыбки для Мо и Стеллы наедине. Весь этот образ работает на меня, так как держит почти всех на расстоянии. Стелла говорит мне, что большинство людей и парней пугаются этого, что я считаю уморительным. Я никого никогда не пугала... никогда. Я всегда боялась других, но, опять же, это работает, чтобы держать большинство людей на расстоянии. После того, что случилось с парнями, я не хочу иметь ничего общего с мужчинами, и точка. Я опустила свои стены и начала открывать им свое сердце, и они сломали меня. Никому и никогда больше не представится шанс сделать это со мной снова.

Устав от своих депрессивных мыслей, я выключаю телевизор и отбрасываю пульт в сторону, откидываю одеяло и встаю с кровати. Натягиваю выцветшую оранжевую толстовку на молнии, чтобы надеть ее поверх одежды для сна, и беру телефон. Мои пальцы ненадолго сжимаются вокруг него, когда я хмуро смотрю на него, прикусив губу. Я качаю головой, выводя эту глупую штуку из спящего режима и вздыхаю от... разочарования... облегчения? От Джуда нет никакого сообщения. Я потираю болезненное место между глазами. Неужели он наконец-то послушал? Сдался ли он? Это сделает меня... счастливой?

Издаю небольшой стон разочарования от своей нелепости, засовываю телефон в карман и следую за Мо вниз по лестнице к задней двери. Я выключаю сигнализацию и открываю дверь, чтобы он выбежал с рычащим лаем, гоняясь за птицами, а затем иду к входной двери, чтобы забрать утренние газеты. Я ставлю кофе и, пока он варится, пролистываю первую

газету и выкрикиваю проклятие, когда вижу фотографию с прошлой ночи.

Кто-то, должно быть, сделал снимок, когда Джуд стоял на коленях у моих ног, чтобы поправить ремешок на шпильке. Выражение на его лице почти такое же ужасное, как на моем собственном, и пресса в полной мере использовала это с подписью: *«Футбольный феномен, Джуд Диксон взломал ворота миллиардерши-красавицы, Саванны Севан, с помощью...»*

Я не утруждаю себя чтением остального, но я потратила еще минуту на изучение наших выражений. Джуд смотрит на меня с тем, что можно описать только как обожающий взгляд, а я смотрю на него сверху вниз с открытым от удивления ртом, но именно выражение чистой тоски на лице заставляет выбросить листок бумаги в мусор. Будь он проклят за то, что появился и заставил меня почувствовать это! Будь они все прокляты за то, что сорвали с меня маску на людях.

Хватаю кружку из шкафчика и с грохотом ставлю ее на стойку, прежде чем выплеснуть горячий кофе себе на руку, наливая его из кофейника и шиплю очередное проклятие. Заставляю себя сделать несколько глубоких вдохов, откидываю волосы с лица и несую чашку к задней двери, чтобы попытаться насладиться одним из немногих дней утренней свободы. На заднем дворе у меня есть оазис с удобными креслами, окруженный горшками с цветами. Воскресенье единственный день, когда я заставляю себя не работать. Я сижу на улице, играю с Мо и иногда позволяю себе почитать книгу. Мой выбор книг то, что тоже сильно изменилось за последние четыре года. Я придерживаюсь классики или нехудожественной литературы. За четыре года я не прочла ни одного романа. Я больше в это не верю, поэтому отказываюсь читать о любви. В моей библиотеке лежит целая стопка непрочитанных книг такого рода, которые Джуд присылал мне на протяжении многих лет. Возможно, он все еще верит в романтику, но я точно не верю, поэтому они так и останутся непрочитанными.

Толкаю заднюю дверь бедром, выходя боком, кофе в одной руке, остаток газеты в другой.

— Мо! Ты готов...

Моя чашка падает на каменные плиты, выплескивая весь кофе, но, к счастью, не разбивается вдребезги и скользит к столу, за которым с ухмылкой сидит неожиданный посетитель.

— Доброе утро, куколка.

Я произношу какую-то бессмыслицу, пока мои блестящие глаза следят за большой головой, лежащей на его коленях. Глаза Мо закатились назад, а его язык высунулся в экстазе, пока татуированные пальцы Джуда копаются в шерсти между его ушами и теребят.

— Ты предатель! — хриплю я, заставляя Мо глянуть одним глазом в мою сторону со стоном, но он не делает никаких движений, чтобы освободиться из-под ласк Джуда. И это мой пушистый малыш, который ненавидит всех мужчин.

— Извини за кофе, куколка, но я принес тебе один, так что, справедливый обмен?

Смотрю на него, огибая беспорядок вокруг кофе и делая шаг к нему.

— Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал? — Практически рычу на него.

Он только пожимает мускулистым плечом и подталкивает кофе на вынос в мою сторону.

— Было не так уж сложно перелезть через твою заднюю стену, я здесь, потому что ты не читаешь мои сообщения, и я решил пожелать тебе доброго утра лично, чтобы ты больше не могла меня игнорировать.

Его ухмылка смягчается, и я улавливаю намек на уязвимость, промелькнувший в его глазах, когда он мягко говорит:

— Доброе утро, красавица.

Прикусываю зубами нижнюю губу, чтобы не поддаться ему, и вместо этого отворачиваюсь, чтобы вернуться в дом. Я слышу, как скребут ножки стула, на котором он сидит, а затем его рука оказывается на моей, и он осторожно тянет меня назад.

— Детка, остановись, пожалуйста? Прошло уже больше четырех лет, Сави. Пожалуйста поговори со мной.

В его тоне и в его золотых глазах столько эмоций, что мой желудок делает медленное сальто, а сердце болезненно сжимается, даже когда я качаю головой.

— Почему? Почему, Джуд? Как ты сказал, прошло уже больше четырех лет! Здесь не о чем говорить. — Я выдергиваю свою руку из его и провожу рукой по волосам, понимая, что не уложила их сегодня утром. Моя вторая рука поднимается, чтобы собрать их, но Джуд делает шаг ко мне и легонько хватает меня за запястья, останавливая.

— Оставь это, куколка. Тебе не нужно прятаться от меня, ты никогда этого не делала.

— С-стоп. Прекрати все это! Здесь нет ничего для тебя, ни для кого из вас. Это было всего лишь несколько месяцев веселья много лет назад, и вы все сделали свой выбор, чтобы положить этому конец, когда поверили в дерьмо Ванессы. Почему ты не можешь отпустить это, Джуд?

Он берет меня за запястья и притягивает ближе, так что моя грудь прижимается к его груди.

— По той же чертовой причине, по которой ты не можешь отпустить это, куколка. Я, блядь, люблю тебя. Это никогда не менялось!

Пытаюсь отстраниться, но он рычит и обхватывает меня руками, чтобы удержать, поэтому я качаю головой в знак отрицания и лгу ему, лгу себе.

— Я действительно отпустила это. Я отпустила всех вас, когда села в самолет и не вернулась. Я построила здесь новую жизнь, и в ней нет места ни для кого из вас.

Его губы растягивает небольшая улыбка, а пальцы впиваются в мою поясницу.

— Я мог бы поверить тебе, куколка, но ты надела мою гребаную футболку.

Опускаю подбородок и смотрю на мягкую, выцветшую футболку, в которой я сплю, и пытаюсь придумать причину, почему сплю в его одежде после стольких лет, но ничего не получается. Он усмехается и начинает поглаживать мою спину, отчего по мне пробегает дрожь.

— Это толстовка Тейта, не так ли? Ты не забыла о нас, куколка. Ни о ком из нас. Ты можешь не читать мои сообщения, но каждое утро ты видишь мое имя, и ты никогда не блокировала меня, не меняла свой номер. Сави, никто из нас никогда не отпустит это. Мы принадлежим друг другу. Прочитай все сообщения, Сави. Догони остальных.

Глотаю слезы, которые начинают забивать мое горло.

— Отпусти меня, Джуд.

Он смотрит в мои глаза, а затем медленно начинает кивать.

— Окей, я отпущу тебя сегодня, но я буду продолжать взбираться на любые стены, которые ты воздвигнешь между нами, детка. Мне надоело ждать, так что держи себя в руках. Это все равно произойдет.

Он наклоняется ко мне и проводит губами по моему лбу, а затем опускает руки и отходит от меня. Он берет кофе на вынос и втискивает его мне в руки.

— Извини за кофе. Прочитай сообщения, Сави.

Стою, потеряв дар речи, пока он поворачивается и идет к моей задней стене, делая паузу, чтобы погладить Мо по голове. Он тянется вверх и одним мощным движением перебрасывает свое тело через кирпичную стену. Я стою там, пока Мо не подходит и не ударяется головой о мое бедро. Опустившись на землю, я обхватываю его толстую шею и зарываюсь лицом в его шерсть.

Джуд Диксон только что признался мне в любви, и я понятия не имею, что с этим делать.

Остаток дня я провела в постели с накинутыми на голову простынями, пытаюсь сделать вид, что этого никогда не было. Но мой разум не останавливается. Он возвращает меня назад, чтобы проанализировать все моменты, которые мы впятером провели вместе. Каждый разговор, каждое прикосновение прокручиваются в моей беспорядочной голове снова и снова, но все всегда заканчивается одинаково. Тот ужасный день, та чертова ночь, когда все рухнуло, и они не выбрали меня, нас. Я беру телефон, открываю приложение, где все их непрочитанные сообщения ждут своего часа, и просто смотрю на экран в течение минуты, прежде чем бросить этот чертов телефон через всю комнату.

Заставляю себя вспомнить боль той ночи и всех последующих ночей. Я не могу сделать это снова. Я едва справилась в первый раз. Нет, я сделала свой выбор. Никаких мужчин, никакой романтики, никакой боли. У меня есть курс на будущее. Я собираюсь продолжать работать над тем, что начал мой отец с корпорацией. Здесь нет места ни для чего другого.

К тому времени, когда я вхожу на свой этаж в понедельник утром, я уже вымотана, но мое решение принято, и моя маска снова на месте. Прохожу мимо пустого стола своей помощницы, удивляясь, потому что обычно она успевает раньше меня, протискиваюсь в свой угловой кабинет и сразу же чувствую, как у меня подсакивает давление.

— Что ты делаешь в моем кабинете? — рычу я на Тейта, чье лицо наполнено очаровательной улыбкой для Мэнди. Она краснеет, глядя на него обожающим взглядом, но поворачивается в мою сторону с улыбкой.

— О! Это Татум Вэлор. Он...

Прерываю ее взглядом.

— Я знаю, кто он, Мэнди. Я спрашиваю, что он делает в моем офисе? — Огрызаюсь заставив нахмуриться и ее, и Тейта.

— Я... он... эм... — Она заикается, но Тейт делает шаг ко мне.

— Не злись на нее, Сави. Я вроде как нахамил. Надеялся пригласить тебя на обед позже.

Крепко сжимаю пальцы на ручке портфеля и сдерживаю миллион проклятий, которые хочу выпустить на волю. Прохожу мимо них обоих и бросаю портфель на свой стол, ставя его между нами, а затем пригвождаю свою помощницу жестким взглядом, даже когда ее широко раскрытые глаза метаются туда-сюда между мной и Тейтом.

— Мэнди! Быть незначительной знаменитостью не дает свободного прохода в мой офис. Пожалуйста, помни об этом в будущем.

Ее взгляд мечется туда-сюда еще несколько раз, а затем она взволнованно спрашивает:

— Вы двое знаете друг друга?

Я качаю головой в отчаянии, глядя на ее удивленный взгляд, даже когда Тейт хихикает.

— Сейчас самое время тебе уйти. Не забудь просмотреть соглашение о неразглашении, которое ты подписала при приеме на работу.

Говорю это достаточно жестким тоном, чтобы она вздрогнула и бросилась к двери. Поворачиваю голову, уже чувствуя напряжение в шее и в плечах. Восемь утра, а я уже хочу, чтобы этот день закончился.

Перевожу взгляд на Тейта, но не говорю, а просто рассматриваю изменения, произошедшие с ним с тех пор, как я в последний раз видела его так близко при свете дня. Он располнел... везде. Если уж на то пошло, его челюсть стала еще более квадратной, но

теперь ее прикрывает подстриженная светлая борода, которая не скрывает ямочки, которые он демонстрирует мне, когда улыбается. На нем темно-синяя рубашка, которая обтягивает его широкую грудь. Она расстегнута на воротнике, а рукава закатаны, обнажая его мускулистые предплечья. Темно-серые брюки облегают его толстые бедра, и, увидев его снова так близко, я изо всех сил пытаюсь удержать маску на месте.

— Чего ты хочешь, Тейт?

Никаких преамбул, никаких попыток вести светскую беседу, и никаких колебаний, когда он отвечает.

— Тебя.

Издаю беззлобный смешок и отворачиваюсь от него, чтобы посмотреть в окно, но затем стону, когда он и Джуд смотрят на меня со здания напротив. Слышу его тихий смех, а затем чувствую его тепло на своей спине. Он не прикасается ко мне, но он так близко, что нас разделяет всего дюйм.

— Детка, я так чертовски по тебе скучал. Я так рад тебя видеть. — Его дыхание рядом с моим ухом.

Мое ядро сжимается, заставляя мои пальцы сжаться в кулак. Ненавижу то, что он все еще способен заставить мое тело реагировать на него. Отгоняю эту мысль и отступаю от него, пока нас не разделяет половина офиса.

— У тебя неплохой вид из окна. Это хорошее напоминание о том, с кем ты должна быть. — Он говорит мне, в его тоне слышится веселье.

Качаю головой.

— Не могу согласиться. К сожалению, я не смогу пообедать сегодня или в любой другой день. Тебе лучше уйти.

Скрещиваю руки на груди и смотрю на него еще грубее, но он только кивает и опускается на стул для посетителей.

— Хорошо, тогда давай поговорим здесь.

Желание закричать от разочарования прорывается во мне, но вместо этого я подавляю его и отхожу за свой стол, используя его как щит, и медленно сажусь в кресло.

— Я сказала Джуду и скажу тебе то же самое, и, пожалуйста, поделись этим с двумя другими, если у них есть планы устроить мне засаду. Нам... не о чем... говорить...! У нас была короткая интрижка много лет назад в университете, которая закончилась плохо. Конец истории. Я не знаю, почему вы все вдруг решили попытаться вернуть меня обратно, но этого не случится. Так что вам всем нужно двигаться дальше!

Вспышка гнева в конце заставляет меня выругаться, и я ненавижу, что начинаю терять контроль, который так старательно пытаюсь сохранить. Тейт наклоняется, опирается своими твердыми, мускулистыми руками на стол и смотрит на меня напряженным взглядом.

— Не внезапно, Сави. Это никогда не проходило. Мы облажались в ту ночь, на сто процентов, но мы поняли это почти сразу после того, как это произошло. Мы погнались за тобой, но не успели на несколько минут, а ты уже села в самолет. Мы ничего не могли сделать в тот момент. У нас был плей-офф, а потом национальные соревнования. Все мы писали тебе, звонили, оставляли сообщения, пытаюсь объяснить.

Качаю головой и насмехаюсь, отворачивая лицо, чтобы не смотреть на него.

— Не все, — невольно срывается с моих губ, и я сильно прикусываю язык, пока не чувствую вкус крови. Тейт вздыхает и откидывается на спинку стула.

— Это он должен исправить. Но ты не можешь обвинять остальных в его ошибках. Сави,

мы думали, что ты вернешься, когда снова начнется учеба. Мы думали, что у нас есть время все исправить, показать тебе, как сильно мы тебя хотим и как сожалеем о том моменте сомнения, который все разрушил. Но ты не вернулась, а потом случился драфт, и нас с Джудом отправили в разные концы страны.

Он проводит рукой по волосам, его брови хмурятся над ореховыми глазами, в которых плещется сожаление.

— Знаешь, когда я впервые вышел на поле в качестве профессионального футболиста, я всегда думал, что это будет лучший день в моей жизни. Я стоял там, слышал, как толпа приветствует меня, и сканировал столько лиц, сколько мог, но это был не лучший день... потому что тебя там не было. Единственного человека, который, как я знал, гордился бы мной. Это должен был быть лучший день в моей жизни, но он не был таким, потому что тебя не было рядом, я был совсем один. — Он говорит мне это мягким тоном, и я вздрагиваю, когда воспоминания берут верх.

Когда команда выходит на поле, я еще больше съеживаюсь в своем кресле и натягиваю бейсболку, пока она не врежется в мои огромные солнцезащитные очки. Когда объявляют имя Тейта, и он поворачивается, чтобы посмотреть на толпу, скандирующую его имя, мое сердце ненадолго забывает о боли, которую он причинил мне, и раздувается от гордости за него. То же самое было на прошлой неделе, когда я пошла на первую игру Джуда. Эти беспечные мальчишки причинили мне такую боль, но я должна была прийти. Я знала, что у них не будет семьи на трибунах, чтобы поддержать их в такой важный момент, и, хотя они никогда не узнают, что я была здесь, я не могла вынести мысли о том, что они начнут свою карьеру без присутствия тех, кто их любит.

Широкая ухмылка Тейта начинает тускнеть, он продолжает смотреть сквозь толпу, пока его губы не становятся ровными, а затем он поднимает руку в коротком взмахе и бежит к своей команде. Я проклинаяю его дерьмовых родителей за то, что их не было здесь и из-за этого радость Тейта померкла. Я сижу и смотрю остаток игры, гадая, сколько времени пройдет, прежде чем я смогу наконец отпустить этих людей и двигаться дальше.

Я снова сосредотачиваюсь на нем, сворачиваю губы и прикусываю их, а затем отвожу взгляд, чтобы не сказать ему, что я была рядом, что он был не один, теперь, когда я знаю, что он искал именно меня, а не своих родителей.

— Малыш, посмотри на меня.

Как бы мне этого не хотелось, мои глаза возвращаются к нему, как магниты.

— Я буду первым, кто признает, что я лажал с тобой снова и снова, но я больше не тот парень. Все мы были просто кучкой тупых двадцатилетних юнцов с головой, засунутой в задницу. Мы все выросли с тех пор. Пожалуйста, дай нам... мне... еще один шанс доказать это.

Пристально смотрю в его глаза, эмоции нахлынули на меня, но главная из них боль. Я не могу этого сделать. Не позволю ни ему, ни Джуду, ни кому-либо из них вернуться. Это было доказано снова и снова, что все, кого я люблю, бросают меня. Ни за что не позволю этому случиться снова, поэтому делаю укрепляющий вдох и поднимаюсь на ноги.

— Прости, Тейт, но больше нет шансов. У меня встреча, так что тебе нужно идти.

Он встает, но не двигается несколько мгновений, просто смотрит на меня, а затем кивает.

— Я понимаю, что использовал все свои шансы с тобой, но, пожалуйста, Сави, не закрывайся от Джуда. Он... нуждается в тебе. Он никогда не переставал верить и любить тебя.

Еще раз кивнув, Тейт выходит из моего кабинета и тихонько закрывает за собой дверь.

Я падаю обратно в кресло, обхватываю руками живот и просто пытаюсь сдержать боль, которую вновь вызвала встреча с ними и их слова.

— Мисс Севан? У вас встреча с мистером Хэнсоном через пять минут.

Голос Мэнди через интерком напоминает мне, что у меня здесь есть обязанности, поэтому я втягиваю боль обратно и закапываю ее глубоко. Поднимаюсь на ноги, на мгновение закрываю глаза и позволяю своей маске улечься на место, затем хватаю стопку папок и направляюсь в кабинет Марка. Я улавливаю вспышку раздражения, промелькнувшую на его лице, прежде чем его очаровательная улыбка стирает ее.

— Саванна, надеюсь, ты хорошо провела выходные. Фотография, которую я увидел на открытии Стеллы, стала для меня сюрпризом. Я не знал, что ты начала с кем-то встречаться.

Посылаю ему натянутую улыбку, качаю головой и отмахиваюсь от него.

— Нет. Ты же знаешь, как пресса может все перевернуть. Послушай, нам нужно поговорить об этих сделках, которые ты заключаешь. — Поднимаю стопку папок и опускаюсь на стул напротив него. — Мы говорили об этом и договорились, что не будем двигаться в этом направлении. Марк, я не понимаю, зачем ты вообще их подписываешь. Ни одна из этих сделок не продвигает корпорацию «Sevan» в том направлении, в котором мы хотим двигаться. Если что и происходит, то это отбрасывает нас назад.

Он откинулся в кресле и с мягкой улыбкой развел руки в стороны.

— Принцесса, за последние четыре года ты прошла долгий путь, но ты еще так молода. Люди, с которыми я заключил эти сделки, имеют долгую историю с «Sevan». Есть ожидания, которые нужно оправдать. Так работает бизнес. Услуга за услугу. Со временем ты научишься этому.

Мои пальцы сжались на стопке папок от снисходительности в его тоне.

— Это не что иное, как жадность! Эти сделки не приносят ничего, кроме кругооборота богатства среди тех же старых семей, которым больше ничего не нужно. Это именно та цель корпорации «Sevan», над изменением которой мы работали. Мне жаль, но я не могу подписать их.

На его лице появляется жесткий взгляд, прежде чем он отводит глаза.

— Я понимаю твоё разочарование, но, как я уже сказал, так делается бизнес. Мы даем им, а они возвращают. Так мы наполняем казну, чтобы деньги просачивались к тем, кто в них нуждается. Если ты не подпишешь бумаги, которые я передал, это поставит под угрозу многие наши программы. Саванна, ты должна доверять мне, чтобы знать, что лучше для корпорации «Sevan».

Стараюсь не зарычать от разочарования и делаю глубокий вдох.

— Я доверяю тебе, Марк, но я с этим совершенно не согласна. Наша казна, как ты выразился, более чем наполнена. Она переполнена. Есть и другие, более чистые пути, которыми мы можем пойти. Я не собираюсь подписывать сделки, которые делают и без того неприлично богатых людей еще богаче, в то время как нуждающиеся получают «струйку» того, что им нужно. Когда я уволила совет директоров и назначила тебя генеральным директором, у нас был план, как все это изменить. Так почему же теперь ты отступаешь?

Марк поднимается на ноги, заставляя меня посмотреть на него, и это вызывает у меня

кислый привкус во рту. По его выражению лица я вижу, что он не собирается уступать, поэтому я протягиваю оливковую ветвь лучшему другу моего отца и единственной семье, которая у меня осталась. Я протягиваю ему папки, пока он не берет их.

— Если ты выбрал этот курс, ты должен показать мне, почему. «Так ведется бизнес» — этого недостаточно. Составь отчет с подробным описанием того, как это выгодно корпорации, кроме того, что добавит больше нулей на наш банковский счет, и каковы будут последствия, если эти сделки будут отменены. В противном случае я не подпишу.

Его брови сходятся вместе, и он рявкает:

— Я уже давно управляю этой корпорацией!

Я огрызаюсь в ответ.

— А я ею владею!

Втягиваю воздух и запускаю руку в свой хвост, пытаюсь успокоиться. Я несправедлива к нему. То, что парни устроили засаду, вывело меня из себя, и я вымещаю это на Марке. Посылаю ему более мягкую улыбку и пытаюсь снова.

— Прости меня за это, Марк. Я действительно пытаюсь понять, почему мы заключили эти сделки. Я просто прошу тебя помочь мне разобраться в этом, чтобы мы могли понять друг друга. Ты не мог бы мне помочь?

Весь гнев исчезает с его лица, когда он кивком кладет папки на стол.

— Конечно, принцесса. Мне тоже очень жаль. В ближайшие несколько недель я подготовлю для тебя отчет, и мы просмотрим его строчку за строчкой, пока ты не будешь удовлетворена.

Мы обмениваемся натянутыми улыбками, но когда я покидаю его кабинет, то улыбка полностью исчезает и сменяется хмурым выражением лица.

Ввожу код на калитке ворот, когда мое дыхание начинает замедляться после шестимильной пробежки, которую я только что закончил. Иду по длинной подъездной дорожке к дому, в который мы все заселились, когда переехали сюда месяц назад. Осматриваю особняк, когда он появляется в поле зрения, и смеюсь над тем, насколько он отличается от последнего дома, который мы все делили. Он отличается примерно на одиннадцать тысяч квадратных футов, и на ценнике гораздо больше нулей. Я думал, что, когда мы снова будем все вместе, мы станем семьей, которой были раньше, но это не так. Чего-то не хватает, из-за чего я чувствую, что мы все затаили дыхание, и я знаю без сомнения, что это Сави. Пока она не будет здесь, с нами, мы не будем чувствовать себя как дома.

Нам нужно, чтобы она вернулась к нам и сгладила все неровности, которые возникли между нами. Эш и Джуд все еще не вернулись к тому, что было раньше, а Бек, ну Бек нуждается в ее прощении больше, чем все мы, чтобы двигаться дальше. С ней или без нее.

Нахожу Джуда на огромной поварской кухне, он готовит жаркое, подпевая песне Lizzo, и это заставляет меня остановиться в дверях с ухмылкой. Это первый раз, когда я вижу прежнего игривого Джуда, каким он не был с тех пор, как она покинула нас. Когда Сави не вернулась, она как будто украла все безумное веселье, которое было в Джуде. На какое-то время он стал очень мрачным, пока год назад он не сосредоточился на том, чтобы вернуть ее.

— Сделай мне прическу, проверь мои...

Он визжит, притворяясь, что перекидывает длинные волосы через плечо, и останавливается, когда видит, что я за ним наблюдаю.

— Привет, Ти, не видел тебя сегодня утром. Чем занимался?

Подхожу к холодильнику, беру бутылку с водой, открываю и выпиваю половину, прежде чем ответить ему.

— Я ездил в город. Ходил к ней.

Лопатка в его руке замирает на мгновение, прежде чем он еще раз подбрасывает жареное мясо, затем выключает нагрев и поворачивается ко мне с настороженными глазами.

— Как все прошло? Как она?

Закрываю крышку и провожу прохладной бутылкой по шее.

— Она... тверже... чем была раньше. Физически, как будто вся мягкость, которая у нее была раньше, была выжжена, но это делает ее еще красивее. Честно говоря, она выглядела уставшей.

— Хм, если она не спит, значит, ее что-то тяготит. Или кто-то тяготит.

Киваю.

— Да, она быстро меня отшила. Сказала, что больше нет шансов. Также сказала, чтобы я передал остальным, чтобы они не пытались устроить ей засаду, потому что она в этом не заинтересована.

Джуд прислоняется к стойке и трет рот, но, когда снова смотрит на меня, на его лице появилась ухмылка.

— Жаль, что куколка больше не управляет этим шоу. Она может сколько угодно говорить, что ей неинтересно, но она лжет. Сави покончила с нами так же, как и мы с ней.

Откидываю назад свои потные волосы, когда сомнения переполняют меня.

— Я не знаю, чувак. Она была довольно ясна сегодня утром.

Он смеется, поворачивается и вываливает свой обед на тарелку.

— Хочешь знать, в чем я уверен? — Я поднимаю бровь, и он говорит мне. —

Оранжевый и синий. Вчера утром, когда я перепрыгнул через ее забор, на ней не было черного. На ней была моя старая синяя футболка Cannon's и твоя оранжевая толстовка Hennessy Academy. Если бы наша девочка отпустила нас, она бы не спала в нашей одежде. Мы не сдадимся, Ти. Это был только первый выстрел.

Мысль о том, что Сави носит мою толстовку после всего этого времени, наполняет мою грудь теплым светом, поэтому я киваю.

— Хорошо, тогда мы наращиваем темп. — Оглядываю комнату и спрашиваю: — Где Эш и Бек?

— Эш сегодня начал обмен с ортопедическим отделением больницы. Он будет работать там в течение следующей недели. Бек пошел в зоопарк.

Быстрым движением выхватываю кусок брокколи из его тарелки.

— Я пойду в душ. Давай составим план, что делать дальше, позже, когда остальные вернутся.

Джуд машет мне вилкой в знак согласия в перерывах между засовыванием в рот жареной картошки.

Когда я захожу под горячую воду, откидываю голову назад и позволяю себе погрузиться в фантазии о том, на что будет похожа жизнь, когда моя малышка наконец-то вернется в мои объятия.

Стою у задней двери, сердито нахмурившись. Мо дрожит у моих ног, чтобы его выпустили, и я подумываю о том, чтобы обменять его на собаку злой породы, которая разорвет на части незваного гостя, поджидающего меня на заднем дворе. Джуд уже третье утро подряд поджидает меня на улице, и я начинаю понемногу сходить с ума. Первые два дня я просто выпускала Мо и захлопывала за ним дверь, а потом пряталась в комнате наверху, выходящей на задний двор, и целый час наблюдала, как он бросает мяч, играя с Мо, пока наконец не сдавался, перепрыгивал через забор и уходил. Я загуглила компании, которые устанавливают шипы или осколки стекла поверх забора, но до сих пор не могу заставить себя позвонить, чтобы они это сделали.

Несколько мгновений я грызу ноготь большого пальца, глядя на Джуда и его взгляд, которым он смотрит в ответ, но когда Мо скулит и шаркает, давая мне понять, что ему надо скорее выйти или он устроит беспорядок на моем полу, то я уступаю с рычанием. Распахиваю дверь и топаю наружу. Мо бросается к ближайшей лужайке, а Джуд приветливо смотрит на меня.

— Доброе утро, куколка. Снова в черном?

Игнорирую его приветствие и комментарий по поводу черной шелковой пижамы, которую я заставила себя надеть вместо его футболки, и начинаю свою тираду.

— Хватит! Хватит приходить сюда, Джуд! Ты мне не нужен, и, если ты будешь навязываться мне, я усилю охрану, чтобы тебя не пускать.

Он наклоняет голову и поднимает кофе, которое принес мне.

— Еще не пила кофе, да?

Топаю ногой и издаю небольшой вопль.

— Какого хрена тебе от меня надо?

Он поднимается на ноги, ухмылка сменяется напряженным взглядом.

— Все... блядь... все. Я хочу от тебя всего, куколка, и я не сдамся, пока ты не дашь мне это.

Насмехаюсь и отбрасываю волосы назад, раздраженная, что не уложила их перед тем, как спуститься вниз сегодня утром.

— Я уже дала тебе это, а ты и остальные все изгадили! Пошел ты, Джуд. Мне нечего дать тебе или кому бы то ни было! — кричу я на него.

Он приближается ко мне, как охотник, преследующий свою добычу, и по моей спине пробегает дрожь, а дыхание учащается.

Он подходит прямо к моему лицу и говорит:

— Чушь собачья. Дерьмо, Сави. Ты не дала мне все. Ты дала мне чертову возможность заглянуть за стену, за которой ты прячешься. Маленький проблеск того, кто ты есть на самом деле, и это заставило меня влюбиться в тебя с головой. — Он показывает пальцем на стену заднего сада. — Это только первая стена, которую мне пришлось преодолеть, чтобы добраться до тебя. Я знаю, что настоящая стена та, которую ты обернула вокруг себя, и ее будет гораздо труднее преодолеть, но, куколка, это может занять десять долбанных лет, но я все равно продолжу карабкаться, чтобы добраться до того проблеска, который видел тогда.

Делаю мучительный вздох, и его глаза опускаются к моему рту, прежде чем он притягивает меня к своей груди и прижимается своими губами к моим. Четыре с половиной

года сдерживаемых эмоций, боли и желания выплескиваются наружу, когда наши языки сталкиваются и сражаются. Мои пальцы вцепились в его футболку, а его в спину и бедра, достаточно сильно, чтобы оставить синяки, но этого все еще недостаточно. Он рычит и покусывает мою нижнюю губу, а я стону и дергаю его за футболку, но тут в нас врзается большая голова Мо, заставляя меня пошатнуться в сторону. Он роняет слюнявый мячик у ног Джуда и смотрит на него большими карими умоляющими глазами.

Делаю два шага назад и провожу руками по своим длинным волосам, пока мозг проясняется от бомбы Джуда, которая только что взорвалась во мне. Он тянется вниз, чтобы подобрать мяч, и бросает его в другой конец двора, а затем ругается, оглядываясь на меня.

— Нет, не надо, детка. Оставайся со мной.

Но я уже качаю головой и закрываюсь от него.

— Тебе нужно уйти. Я ничего не могу тебе дать, Джуд. Четыре года, десять лет, это не будет иметь значения. Тебе нечего предложить, нечего увидеть. Ты мне не нужен.

Мо возвращается и роняет мяч, поэтому он бросает его снова.

— Этот поцелуй не показался мне пустяком, куколка.

Закатываю глаза.

— Это просто физический контакт, ничего больше.

Он снова подходит ко мне и поднимает мой подбородок вверх.

— Тогда я, блядь, возьму это.

— Я... что?

Он мрачно усмехается.

— Мы оба это чувствовали. Потребность, проходящую через наши тела? Это лес без дождя в течение четырех долгих лет, который только и ждет искры, чтобы воспламениться. Ты хочешь держать свою стену? Хранить свое сердце от меня? Хорошо, я приму это сейчас, но я, блядь, говорил тебе, куколка. Это тело, оно мое. Я также сказал тебе, что я никуда не уйду, так что ты отдашь его мне. Ты позволишь мне делать с ним все те злые, грязные вещи, о которых я мечтал последние четыре года, потому что, детка, это нужно тебе так же сильно, как и мне.

Сжимаю свои бедра вместе, когда киска сильно напрягается в знак согласия. Пытаюсь держать взгляд жестким и полным отрицания, но медленная улыбка пересекает его лицо, он поднимает руку и костяшками пальцев проводит по одному из пиков сосков, который сильно давит на шелк моей ночнушки, показывая, насколько сильно я нуждаюсь.

— И я собираюсь дать это тебе.

Он молниеносно опускается, чтобы подхватить мяч и бросить его снова, подмигивает мне, а затем поднимается и перепрыгивает через стену сада. Я поворачиваюсь и иду обратно к дому, изо всех сил стараясь не обращать внимания на промокший шелк между ног.

Час спустя Патрик провожает меня до дверей моего офисного здания. Моя голова все еще настолько заполнена Джудом, что я иду прямо на твердое тело, но прежде, чем я успеваю отскочить, сильные руки хватают меня за локти и поддерживают на каблуках. От легкого смешка я вскидываю голову.

— Доброе утро, малышка. Я бы сказал тебе смотреть, куда идешь, но мне нравятся результаты, когда ты этого не делаешь.

— Ради любви к... Чего ты хочешь, Тейт? — выдавливаю я из себя и отталкиваю от него. Он улыбается с мягким взглядом, качает головой и делает шаг назад.

— Я уже все получил, малышка. Просто хотел начать свой день, увидев твое прекрасное

лицо. Приятного тебе дня.

Стою посреди оживленного вестибюля, а люди проходят мимо и вокруг меня, и смотрю, как он, не оглядываясь, пробирается сквозь толпу и выходит через вращающиеся двери. Я в полной растерянности, что делать дальше. Черт.

Весь оставшийся день я практически бесполезна. Каждый раз, когда я пытаюсь сосредоточиться на работе, мои мысли возвращаются к Тейту и Джуду. То, что они сказали, рикошетит в моей голове, как шарики в пинбольной машине. Мое тело сжимается от жажды ласк другого человека. Никто, кроме меня самой, не прикасался ко мне в этом плане с тех пор, как я ушла от них, и мое либидо бьется в ответ. Отталкиваюсь от стола, когда стены начинают словно смыкаться вокруг меня, и вылетаю из кабинета, чтобы побродить по коридорам. Мэнди бросает на меня любопытный взгляд, но я игнорирую ее и продолжаю идти, желая сжечь немного этого разочарования. Заглядываю в несколько отделов, но нигде не задерживаюсь надолго и, наконец, решаю зайти в комнату для руководящего состава, чтобы выпить и перекусить, чтобы успокоить раздражение в моем желудке.

Я поворачиваю по коридору в сторону комнаты персонала, но как только я прохожу мимо шкафа с запасами, дверь открывается, и чья-то рука вцепляется в мою руку, втаскивая меня в темноту. Другая рука зажимает мне рот, когда я пытаюсь закричать, а затем дверь с щелчком закрывается, оставляя меня в полной темноте. Я начинаю биться, но низкий смех заставляет меня замереть на месте. Сильные руки крутят меня, и я прижимаюсь грудью к полкам, а его грудь прижимается к спине.

Его рот скользит по шее, горячее дыхание заставляет дрожать все тело.

— Каждую чертову ночь с тех пор, как ты ушла, я сжимал в кулаке свой ноющий член и гладил его, вспоминая твои изгибы и горячее тело, куколка. Те вещи, которые я делал с тобой в своей голове, чтобы наказать тебя за то, что ты оставила меня? Я не мог прожить и дня без твоего вкуса на моем языке.

Его рука соскальзывает с моего рта вниз и обхватывает мое горло. Я хочу закричать, закричать, потребовать рассказать, как он поднялся на мой этаж, минуя охрану, но его другая рука обхватывает одно из моих бедер и начинает скользить вверх, крадя любые слова, которые я могла бы произнести.

— Положи руки на полки, детка, и держись чертовски крепко.

Мои руки поднимаются вверх и хватаются за металл, даже когда мой разум кричит о том, какая я слабая, жалкая женщина, но мое тело отменяет все мысли, когда эти твердые, грубые пальцы скользят под мою юбку. Он стонет мне в шею, когда они перебирают кружевную ленту моих чулок и касаются голой кожи. Впиваюсь зубами в нижнюю губу, чтобы остановить стон, рвущийся на волю, но моя задница отталкивается от прижимающегося ко мне твердого тела. Он отодвигает клочок шелка, прикрывающий мой бугорок, в сторону и слегка касается моей щели. Его сдавленный стон обжигает кожу моей шеи от того, что он обнаружил.

— Чертовски промокла, детка. Все еще так, блядь, отзывчива на прикосновения. Я заставлю эту киску плакать так сильно, что она забудет прикосновения любого другого мужчины, кроме меня. — Он проводит зубами по моей шее, чтобы прикусить мочку уха. — Теперь ни один мужчина не сможет прикоснуться к этому, куколка. Эта киска моя, моя и моих братьев, и больше ничья. Скажи это! — Он рычит мне в ухо.

Я знаю, чего он на самом деле хочет. Он хочет, чтобы я сказала ему, что никогда не было никого другого. Ну и хрен с ним. Он хочет поиграть? Я могу, блядь, сыграть в ответ.

Пожимаю плечами, заставляя его пальцы проникать в мои складочки именно там, где я хочу. Он наказывает меня за то, что я не сказала, чего он хочет, самым лучшим, блядь, способом. Два из этих пальцев проникают глубоко внутрь моей пульсирующей киски. Я сжимаю их, пытаюсь засосать еще глубже, и он выплевывает придушенное «Блядь!»

Он использует эти пальцы внутри меня, чтобы сильнее притянуть меня к своему члену, сильно вдавливая его в мою задницу, и я смеюсь. Я смеюсь, потому что он думает, что контролирует мое тело, но правда в том, что у меня есть ошейник и поводок на нем. Смех переходит в стон, когда он снова и снова вонзает в меня скрюченные пальцы, а основанием ладони проводит по моему клитору. Волна, которую он создал, начинает нарастать, и моя киска начинает пульсировать, так чертовски близко к пику, а затем он отстраняется и отходит от меня, заставляя вырваться из моих задыхающихся губ стон недовольства.

— Увидимся очень скоро, куколка. — Он рычит, а затем на меня падает свет, дверь закрывается, и я снова оказываюсь в темноте.

Мой клитор пульсирует, а пальцы сжимают металлические полки, но по моему лицу расползается широкая ухмылка. Он и понятия не имеет, что я уже не та маленькая невинная девочка, какой была, когда он впервые положил на меня свои руки. Возможно, я навсегда заперла свое сердце, но у девушки есть потребности, и после многих лет экспериментов с игрушками я точно знаю, как мне это нравится, поэтому я быстро кончаю без его помощи. Выпрямляюсь, опускаю юбку, сдвигая белье на место, и поднимаю подбородок. Мой разум больше не затуманен и не сбит с толку. Я никогда не позволю ему или другим причинить мне еще больший эмоциональный ущерб, но секс? Если Джуд думает, что может контролировать меня, манипулировать мной, разогревая меня и оставляя меня без оргазма? Он даже не представляет, насколько горячим я могу сделать все для него. Вопрос в том, сможет ли он пережить мой ожог.

Черт, у куколки выросли зубки. Моя милая маленькая девочка уже не такая, как раньше. Я снова и снова бью кулаком по боксерской груше, но это не отвлекает меня от боли в члене и сердце. Я сказал ей, что пройду медосмотр, когда она не отвергла меня, надеясь, что это будет путь к разрушению этой гребаной стены, за которой она прячется, но вместо этого она залила ров вокруг напалмом.

Она, блядь, смеялась! Как будто она знала, что именно я хочу от нее услышать, и это маленькое пожатие плечами вместо ответа заставило меня быть с ней грубее, чем следовало. Но моя куколка от этого стала еще горячее и мокрее. Моя девочка любит грубость, и мне интересно, кто, блядь, научил ее этому. Сави тогда была такой охуенной. Все, что я с ней делал, чему учил, она принимала как ангел. Я едва коснулся ее поверхности, когда все пошло наперекосяк. Четыре гребаных года долгий срок для девушки, так чутко реагирующей на прикосновения, чтобы остаться без них. Я был бы дураком, если бы думал, что у нее не было никакого опыта на этом пути. То, что я никогда не позволял другой женщине прикасаться ко мне, не означает, что она никогда не позволяла другому мужчине прикасаться к ней. От этого мне хочется выкрасить нож кровью любого ублюдка, который наложил свои руки на то, что принадлежит мне.

— Блядь!

Ударяю по груше еще раз со всем накопившимся внутри меня гневом и разочарованием, затем иду в душ, чтобы выплеснуть другое разочарование, от которого я не могу избавиться с тех пор, как оставил ее в той комнате. Я представляю, как ее розовые губы обхватывают мой член, пока она смотрит на меня наполненными слезами голубыми глазами, и разрисовываю кафель своей разрядкой. Делаю шаг под горячие брызги и откидываю голову назад, когда на моем лице появляется ухмылка.

Хорошо, хорошо, хорошо. Мне просто придется еще немного поддать жару. Я буду разрушать фундамент ее гребаной стены кирпичик за кирпичиком, пока все не рухнет. Она любила меня когда-то, я знаю. Я могу заставить ее снова пасть.

Не знаю, облегчение это или нет, когда в пятницу утром я выглядываю в заднее окно и не вижу Джуда на его обычном месте за столиком во внутреннем дворике. Выдыхаю и зову Мо следовать за мной вниз, чтобы его выпустили. Его большие ноги стучат по полу, когда он сползает с кровати, а затем скачет мимо меня по лестнице, как маленький пони. Я открываю заднюю дверь, чтобы выпустить его, и улыбаюсь, когда он проносится через нее с глубоким предупреждающим лаем на всех птиц, которые осмелились войти в его царство. Собираюсь закрыть дверь, но ручка вырывается у меня из рук, когда Джуд обходит ее. Он проходит, оттесняя меня назад, и закрывает дверь за собой. Его золотые глаза горят желанием, я отступаю от него, но он хватается шелк моей футболки и притягивает меня обратно.

— Я так и не почувствовал тот вкус, который хотел, куколка. Я здесь, чтобы исправить это, — говорит он грубо, а затем его колени опускаются на пол передо мной, и мои свободные пижамные штаны спадают. Он поднимает одну мою ногу, затем другую и отбрасывает их в сторону, оставляя меня в одних черных трусиках, выглядывающих из-под футболки. Трусики, которые уже стали влажными. Он смотрит на меня с выражением, которое не позволяет сказать ему остановиться, поэтому я просто вскидываю бровь со своим собственным взглядом «продолжай в том же духе».

В его глазах загорается веселье, когда он принимает вызов, а затем его грубые руки скользят по моим бедрам, так что его большие пальцы проводят по моему центру.

Стягиваю футболку на животе, чтобы посмотреть, что он собирается со мной делать, чем вызываю его хмыкающий смех. Он придвигается ближе, а затем его язык вырывается наружу и дразнит линию моих трусиков. Мой клитор начинает пульсировать в предвкушении, но он продолжает лизать через трусики, не находя того места, которое мне больше всего нужно. Тогда я понимаю, что он здесь для того, чтобы наказать, подразнить, снова завести меня и оставить в отчаянии от желания получить от него больше, а я этого не потерплю. Сейчас моя очередь играть.

Скольжу пальцами вверх по его темени к длинным белокурым волосам на макушке и дергаю, пытаюсь наклонить его туда, куда я хочу, но он крепко держится за меня, заставляя сдерживать смех. Поэтому вместо этого я поднимаю одну ногу, словно собираюсь закинуть ее ему на плечо, но вместо этого упираюсь в него коленом и сильно толкаю, в результате чего он оказывается на заднице у моих ног. Я следую за ним вниз, прижимаю его плечи обоими коленями и ухмыляюсь в ответ. В таком положении промокшее нижнее белье находится в дюймах от его лица, но не настолько близко, чтобы он мог поднять голову и взять в рот. Я продолжаю давить на плечи, чтобы удержать его на месте, и провожу рукой по его прикрытому футболкой прессу, пока не проскальзываю прямо под пояс его джоггеров и боксеров, а затем обхватываю пальцами его горячий, пульсирующий член. Джуд замирает подо мной, его рот открывается, глаза закрываются, и из них вырывается резкое:

— Детка?

Провожу пальцами по каждой вене, пронзающих твердый ствол, а затем снова сжимаю. Свободной рукой провожу вниз между грудей, отодвигая хвосты рубашки в сторону, а затем просовываю их под трусики, фиксируя, и проникаю во влажное тепло между ног. Джуд поднимает голову, и его глаза отслеживают движение, скрытое за хлопком. Он отчаянно стонет, и я начинаю поглаживать член в устойчивом ритме, который соответствует тому, что

я делаю со своей киской.

— Блядь, куколка. Дай мне сделать... дай мне, блядь, хотя бы увидеть это.

Откидываю голову назад, стону, когда попадаю в идеальную точку. После четырех лет я точно знаю, как заставить мое тело петь, быстро или очень медленно. Судя по теплой сперме, стекающей по моим пальцам, это должно быть быстро.

— Заткнись, я здесь работаю, — говорю я ему.

Он подавленно смеется, когда кончики его пальцев касаются внешней стороны моих бедер единственного места, до которого он может дотянуться, будучи прижатым. Он шипит в разочаровании, а затем начинает выгибать бедра, чтобы трахнуть мою руку, поэтому я крепче сжимаю его тяжелый вес и ввожу пальцы глубже в свою киску, сдерживая крик, когда все вокруг напрягается и начинает пульсировать. Как раз вовремя, потому что Джуд набухает в моей руке. Наши стоны смешиваются, и мы оба кончаем вместе. Он поднимает бедра выше, а я прижимаюсь к его груди, чтобы пережить удовольствие от моих пальцев. Когда моя голова наконец падает вперед и встречается с его глазами, благоговение и любовь в них заставляют меня выдернуть руку из его штанов. Я протягиваю ее вперед, вынимая другую из своей киски, и показываю ему, какая она мокрая, на мгновение приближая свои влажные пальцы к его губам. Но отдергиваю их и смешиваю с его спермой на другой руке, а затем показываю язык и провожу им, чтобы слизать наши совместные вкусы. Его голова со стоном отскакивает назад к деревянному полу.

— Ебанный Христос, детка.

Качаю головой.

— Нет. Это был не Христос и не ты. Это я трахнула... детка.

Подворачиваю ноги под себя и отталкиваюсь, чтобы подняться с него и отойти, но он обхватывает свободной рукой мою лодыжку, останавливая меня, и я смотрю на него с пустым выражением лица, маска твердо стоит на месте.

— Куколка... Сави, я так чертовски сильно тебя люблю.

Сила в его глазах говорит мне, что это правда, но это не имеет значения, поэтому я вскидываю бровь.

— Ты должен быть осторожен с этим. Есть большая разница между обжечься и получить ожог, Джуд. Ты можешь идти, мне пора на работу.

Слышу, как его голова снова стучается об пол, но не оглядываясь, поднимаясь по лестнице.

К тому времени, как я спускаюсь вниз, приняв душ и одевшись для работы, Джуд уже ушел, а Мо уплетает свой завтрак так, будто это его последний прием пищи. Как только он заканчивает, я чешу и тискаю в знак любви, прокатываю ворсистый валик по своему платью и пиджаку и обещаю ему обнимашки, когда вернусь домой вечером.

Вхожу в здание с поднятым подбородком и Джудом Диксоном, крепко запрятанным на задворках сознания, только чтобы споткнуться и остановиться, Тейт вышагивает передо мной уже второе утро подряд. На этот раз я не пытаюсь заговорить, а просто жду его и получаю вспышку ямочек, когда он ухмыляется и наклоняет голову. Он протягивает мне небольшую коробку, и моя рука, не задумываясь, поднимается, чтобы взять ее.

— Что это? — спрашиваю я.

Его рука поднимается и приглаживает мой хвост, свисающий через плечо.

— Просто что-то сладкое для моей любимой. Ты сегодня прекрасно выглядишь. Надеюсь, у тебя будет отличный день.

А потом он обходит меня и проходит мимо. Пытаюсь остановить себя, но мои каблуки вращаются, я слежу за тем, как он идет через вестибюль к двери, но на этот раз он оглядывается, прежде чем выйти, и подмигивает. Впервые за многие годы я чувствую, как горячий румянец пробирается по шее к щекам. Разворачиваюсь и бегу к лифту, вся уверенность и развязность, которую я чувствовала, когда несколько минут назад вошла в здание, исчезла.

Не могу перестать смотреть на розовую коробку в моей руке, пока еду вверх, и почти мну ее от того, что крепко держу. Наконец я открываю ее и смотрю на идеально глазированный кекс внутри с шоколадным сердечком на кончике. Когда мои ноги проносят меня мимо стола Мэнди, она поднимает голову и хмурится, останавливая меня.

— Что? Что такое?

Она бросает на меня сочувственный взгляд, прежде чем сказать:

— Звонили адвокаты. Ты нужна им в их офисе в два часа для встречи.

Мои брови сдвигаются в замешательстве. Наши адвокаты приходят к нам. Зачем им понадобилось, чтобы я пришла в их здание?

— Мне очень жаль, мисс Севан. Это касается вашей мачехи и сестры.

Никогда еще не было так трудно держать маску на месте, давление подскакивает, а в животе начинается тошнота. Отрывисто киваю ей и собираюсь пройти мимо, но останавливаюсь и протягиваю ей руку. Она берет у меня розовую коробку с небольшой любопытной улыбкой.

— Для твоего перерыва. Наслаждайся, Мэнди.

И затем тихо закрываю за собой дверь кабинета.

Вытесняю из головы все мысли о Джуде, Тейте, предстоящей встрече и погружаюсь в работу, выпивая три таблетки обезболивающего, чтобы попытаться заглушить головную боль, вызванную стрессом. Она вновь вспыхивает, когда я выхожу из внедорожника перед небоскребом, заполненным этаж за этажом юридическими офисами. В голове крутятся мысли о том, чего могут хотеть эти женщины после того, как я порвала с ними все связи четыре года назад. Когда я вхожу в лифт, я насмехаюсь. Чего бы они ни хотели, это будет связано с деньгами. Это все, чем я была для них после смерти отца. Банкоматом, который можно использовать, и нежеланным ребенком, над которым можно издеваться. Я впииваюсь ногтями в ладони, пока моя голова пульсирует, желудок сводит от тревоги, а воспоминания о том, как я в последний раз сидела с ними за столом заседаний, нахлынули на меня.

— Я действительно не понимаю, почему мы должны быть здесь для этого! — хнычет Селеста, когда они с Ванессой занимают свои места напротив команды юристов, которая вела дела моего отца после его смерти. Я стою возле окна и смотрю на улицу, скрестив руки на животе, пытаясь сдержать боль внутри. Я не могу даже смотреть на Ванессу, не вспоминая ту ночь неделю назад, когда она разрушила все мои шансы на счастье.

— Это просто смешно! Мы с Ванессой должны были быть сейчас в самолете на Мальдивы на праздники. Нет абсолютно никакой причины, по которой мы должны быть здесь, чтобы Саванна подписала эти бумаги.

Один из адвокатов прочистил горло.

— Да, но это больше, чем просто вступление мисс Севан во владение своим наследством. Есть вопросы, которые нужно обсудить с вами обоими. Мисс Севан? Если вы можете присоединиться к нам, мы начнем.

Делаю глубокий вдох, расправляю плечи и присаживаюсь на стул напротив Селесты, но не поднимаю глаз.

— Как вы знаете, мисс Севан исполнился двадцать один год, и теперь она контролирует все владения Севан. На момент смерти ее отца вы и ваша дочь не были указаны в его завещании. Вы взяли на себя опеку над его несовершеннолетней дочерью, договорившись, что все ваши расходы будут покрыты на время. Теперь этому пришел конец, и мисс Севан полностью вступила в наследство.

Селеста резко вдыхает, и я краем глаза замечаю, как она наклонилась вперед в своем кресле.

— Подождите! Что вы имеете в виду, когда говорите, что все закончилось? В смысле, наши расходы больше не будут покрываться? Не говорите ерунды!

Адвокат продолжает, как будто она его только что не перебивала.

— Было оговорено, что вы получите большую сумму за то, что было оговорено в вашем брачном контракте. Однако после того, как был проведен аудит ваших расходов с момента установления опеки над мисс Севан, было установлено, что ваши личные расходы более чем вдвое превысили эту сумму.

Селеста начинает трясти руками и брызгать слюной.

— Эти расходы были направлены на то, чтобы Саванна продолжала жить той жизнью, к которой она привыкла!

И снова адвокат прерывает ее.

— Детальный аудит показал, что деньги не были потрачены на мисс Севан. Вся ее одежда, еда и предметы первой необходимости были покрыты из уже существующего бюджета семьи. Нет, деньги, которые вы потратили, пошли исключительно на ваши с дочерью путешествия, одежду, покупку предметов искусства и другие экстравагантные вещи. Аудиторы не смогли найти ни одного расхода, который непосредственно относился бы к мисс Севан. Короче говоря, вы обманули наследство.

— Саванна! Как ты можешь позволять им говорить такие вещи? — пронзительно вопит она. — После всего, что я для тебя сделала? Я могла бы оставить тебя совсем одну, но вместо этого я приняла тебя как свою собственную дочь!

Я наконец-то поднимаю голову, глубоко нахмурившись.

— Ты взяла меня к себе? Как только меня выписали из больницы, вы с Ванессой улетели на Багамы. Вы оставили сломленного, травмированного, убитого горем ребенка одного, и о нем некому было позаботиться, кроме персонала. — Я качаю головой. — Вы не взяли меня к себе. Ты просто взяла деньги. Вы никогда не делали для меня ничего, кроме как заставляли чувствовать себя обузой... как будто я никогда не была достаточно хороша для вас или для кого-либо, чтобы любить.

Селеста вскочила на ноги.

— Как ты можешь так говорить? Мы — твоя семья!

Мои глаза скользят к Ванессе, которая смотрит на меня.

— Нет, вы не семья, вы никогда ею не были, а твоя дочь отняла у меня все шансы иметь семью.

Ванесса горько смеется, отбрасывая свои светлые волосы.

— Ты должна благодарить меня! Этот парень психопат, — выплевывает она. — Он приставил нож к моему горлу и угрожал меня убить!

Хмурю брови, услышав это. Если бы это действительно произошло, то по какой-то причине это сделал бы Джуд. Сейчас это уже не имеет значения, поэтому мой взгляд скользит по ее безупречно чистой коже, и я пожимаю плечами.

— Ты умерла?

Ее лицо становится темно-красным.

— Ты чертова пизда! Я...

— Что ты сделала? — кричит на нее Селеста.

— Я попрошу охрану убрать вас! — кричит один из моих адвокатов.

А я просто потираю между глаз и щелкаю:

— Дайте ей чек, и пусть все закончится.

Ванесса и Селеста прервали свою речь на полуслове, и их глаза вернулись к адвокату.

— Мисс Севан, вопреки совету адвоката, великодушно решила выплатить вам сумму первоначального брачного контракта и не выдвигать против вас обвинения в мошенничестве, что является ее правом. Однако есть условия. Вы должны передать все банковские и кредитные карты. Вы должны покинуть ее собственность и подписать соглашение о неразглашении. Вы никогда и никому не будете публично говорить о мисс Севан, иначе мы вернемся к обвинениям в мошенничестве и отсудим у вас обоих каждый потраченный пенни. Никто из вас не должен больше ни при каких обстоятельствах связываться с мисс Севан, а если вы встретитесь на публичном мероприятии, вы должны держаться на расстоянии.

Ванесса и Селеста смотрят на меня, но я выдерживаю их взгляд с пустым выражением лица, пока Селеста не срыгается.

— Отлично! И снова ты меня разочаровываешь, Саванна. Твоему отцу было бы стыдно за тебя, если бы он знал, как ты с нами обращаешься.

Не могу удержаться, чтобы не закатить глаза на это, пока не выпроваживаю их из комнаты. Я должна верить, что мой отец увидел бы эту гадюку насквозь и развелся бы с ней еще до того, как они дожили до третьей годовщины свадьбы. Половина команды выводит женщин из комнаты, но мужчина рядом со мной кладет руку на мою, когда я начинаю подниматься.

— Мисс Севан, есть еще кое-что. Теперь, когда все бумаги подписаны, мне было поручено передать вам это.

Он протягивает мне конверт. Я узнаю на лицевой стороне мое имя, написанное петлистым почерком моего отца, и задыхаюсь.

— Что... что это? — спрашиваю я, проводя пальцами по своему имени.

— Я думаю, это письмо от вашего отца. Он отдал его нам вскоре после того, как женился на вашей мачехе, с указаниями передать его вам на двадцать первый день рождения, если он скончается до того, как вы его достигнете.

Беру его и прижимаю к груди, но знаю, что не смогу прочитать, как и те послания от мужчин, которые, как я думала, могут любить меня.

Выхожу из лифта с маской на лице, скрывающей все волнения внутри меня, и следую за секретарем вглубь этажа, к счастью, в другую комнату для совещаний, а не ту, в которой я была в прошлый раз.

Селеста сидит одна на конце большого стола с четырьмя адвокатами напротив нее, и небольшое напряжение уходит, когда я понимаю, что мне не придется видеть Ванессу. Мне бы хотелось сказать, что она не имеет надо мной власти, но даже спустя столько времени боль от того, что она сделала той ночью, все еще преследует меня. Сажусь и поднимаю бровь на Селесту.

— У нас было соглашение о том, что мы не будем контактировать. Что может заставить тебя рисковать последствиями нарушения этого соглашения, Селеста?

Вижу, как она тяжело сглатывает и бросает взгляд на адвокатов, прежде чем ее глаза снова останавливаются на мне.

— Будет лучше, если мы поговорим об этом наедине, Саванна.

— Нет. Говори, что хотела. — отвечаю ей ровным тоном.

Она сжимает пальцы и кивает.

— Во-первых, я... у меня было время подумать о том, как я... мы... обращались с тобой все эти годы, и я почувствовала необходимость извиниться перед тобой. Когда умер твой отец, я была так расстроена, что...

Прерываю ее резким ударом по столу. Она не имеет права оправдываться за то, как обращалась со мной в детстве или все последующие годы.

— Если ты из-за этого прервала мой день, то наша встреча окончена.

Начинаю подниматься со стула, но она вскидывает руку, чтобы остановить меня. Извиняющееся выражение лица исчезает, а ее губы поджались так, будто она только что пососала лимон.

— Подожди! Хорошо, тогда карты на стол. Есть вещи, о которых ты не знаешь, которые

могут повлиять на твое будущее. Вещи, которые шокируют тебя и изменяют твой дальнейший путь.

Сужаю глаза.

— И? Ты мне об этом расскажешь?

Замечаю, как в ее глазах появляется хитрость, и выдыхаю горький смех.

— За определенную плату, верно? Ты расскажешь мне за деньги.

Качаю головой и собираюсь встать, покончив с этим откровенным вымогательством денег, но она вскакивает на ноги, протягивая руки в мольбе.

— Подожди! Саванна, пожалуйста. У меня действительно есть важная информация, которую ты захочешь узнать. Просто... я сделала несколько неверных шагов... в финансовом плане. Твоя сестренка... Ванесса не облегчила мне жизнь. Пожалуйста, если бы ты могла...

— Нет. Больше ни цента. Я ни на секунду не верю, что тебе есть что мне сказать, что это не ложь. Я тебе безразлична. Так что, нет. Больше не будет никаких денег, ни сейчас, ни когда-либо.

От разочарования она сжимает рот, но когда я снова собираюсь уходить, она вскрикивает:

— Марк! Это из-за Марка.

Щурю на нее глаза и начинаю качать головой. Она не может рассказать мне о Марке ничего такого, чего бы я уже не знала. Именно юристы в этой самой комнате посоветовали мне провести глубокую проверку его биографии, прежде чем я назначила его генеральным директором после увольнения совета директоров. Я знаю о женщинах, с которыми он встречается. Я знаю о мужском клубе, который он любит посещать, и о случайных поездках в Вегас. Все это не является чем-то из ряда вон выходящим для одинокого мужчины его возраста, и это не мое дело. Нет ничего такого, что она могла бы рассказать мне о Марке, за что стоило бы заплатить. Это просто еще один способ, которым она пытается навредить мне, поэтому я смотрю на ведущего адвоката и киваю.

— Пусть охрана выведет ее, если она откажется уходить. Если она снова попытается связаться с вами, продолжайте дело о мошенничестве.

Я не смотрю на Селесту, когда направляюсь к двери, но невозможно не услышать ее прощальные слова.

— Ты пожалеешь об этом, Саванна!

Стою в ожидании лифта на шатких ногах. Как бы я ни старалась оставить в прошлом годы жизни с Селестой и Ванессой, я не могу удержаться от того, чтобы не окунуться в эти воспоминания, как в незаживающую рану. Каждый раз, когда они оставляли меня одну на праздники, каждое грубое слово, каждый способ, которым они заставляли меня чувствовать себя никчемной, вновь поднимает свою уродливую голову. Я просто хотела иметь семью, кого-то, кто бы любил меня. *Что со мной не так, что никто никогда не остается,* спрашиваю я себя, входя в лифт и теряясь в жалких мыслях.

Эмоции, которые я не должна испытывать, слишком близки к поверхности, и я знаю, что это из-за Джуда и Тейта и того, как они морочат мне голову. Одно дело игнорировать текстовые сообщения, письма, которые лежат в ящике стола не распечатанными, и все маленькие подарки и цветы, присланные за эти годы, но видеть их лицом к лицу, быть вынужденной слышать их слова, а теперь еще и руки Джуда на моем теле, все это выбило меня из колеи. Смотрю прямо перед собой, когда двери закрываются, и изо всех сил стараюсь не заплакать обо всем, чего у меня нет. Я закрыла свое сердце для идеи семьи, любви, когда...

Отдергиваю руку, когда что-то теплое и мягкое хватает меня за нее. Мои глаза практически вылезают из головы, когда я смотрю вниз и вижу маленького мальчика, которому не больше трех или четырех лет. Я кручу головой по сторонам, ища в лифте маму или папу, которых я, должно быть, пропустила в своем беспамятстве, но никого не нахожу. Я прижимаю руку ко лбу, проверяя, не нахожусь ли я в горячечном бреде, потому что какого черта крошечный человечек делает один в лифте в здании, полном юристов?

Потянув за юбку, я стряхиваю с себя удивление и приседаю, чтобы оказаться на уровне этого очаровательного человечка. У него мягкие каштановые локоны, красивые светло-голубые глаза, обрамленные темными ресницами, и пухлые розовые щечки, которые так и хочется расцеловать.

— Привет, милый мальчик. Где твоя мама?

Все, что я получаю от него в ответ, это небольшую улыбку. Он, должно быть, находится в здании со своей семьей по какому-то делу и отстал от них. Его мама, должно быть, в сходит с ума от беспокойства.

— Хорошо, не волнуйся, милый, я отведу тебя в службу безопасности, и ты быстро вернешься в объятия своей мамочки. — Я с мягкой улыбкой убираю назад его кудри и спрашиваю: — Можешь сказать, как тебя зовут? Меня зовут Сави.

Его прекрасные глаза загораются, а затем он поднимает свои маленькие ручки в универсальной манере маленького ребенка, прося взять его на руки. Я недолго колеблюсь. Это не мой ребенок, но я знаю, что если бы он был моим, потерялся и остался один, я была бы счастлива, если бы добрый незнакомец позаботился о нем, пока он не вернется ко мне. Осторожно поднимаю его, словно он сделан из стекла, и почти падаю в обморок, когда маленький очаровашка утыкается лицом мне в шею и прижимается ко мне так доверчиво, как могут только маленькие дети.

Лифт останавливается на разных этажах, когда люди входят и выходят, спускаясь вниз, но я совершенно потеряна в шелковистой мягкости его волос на моей щеке и его сладком запахе. Он пахнет травой и солнцем с нотками детского шампуня. Мое сердце болит, когда я

держу чужого ребенка и отчаянно желаю, чтобы он был моим. Хочу иметь собственного ребенка, любить и быть любимой так полно в ответ, мои глаза закрываются, и я нежно, в печали, опускаю голову на то, чего у меня никогда не будет.

Лифт слегка подпрыгивает, останавливаясь на первом этаже, и я остаюсь на месте, оттягивая сон об этом еще на несколько секунд, позволяя другим пассажирам выйти первыми. Я едва заметно целую его мягкие кудри, открываю глаза и собираюсь выйти, но тут же останавливаюсь перед мужчиной, который с бешеным выражением лица держит двери открытыми. Несколько секунд я в недоумении смотрю на Беккета Харта, пока крошечный мальчик на моих руках не выпрямляется с огромной ухмылкой и впервые заговаривает.

— Папа! Са-ви!

Он гладит меня по щеке своей теплой маленькой ручкой и откидывается от меня, протягивая руки к Беккету. Я не знала, что сердце может разбиться во второй раз. Маленький потерянный ангел, сын Беккета. У Бекка есть сын, и это значит...

— Сави? Черт, я могу объяснить...

Во мне падает все, что только может, но я обрываю его, стараясь сохранить голос как можно более ровным, так как запертый всхлип болезненно пульсирует в груди, но он все равно вырывается наружу, разбиваясь на части.

— Я... я нашла... его. Он, он в порядке. Ваша жена, наверное, сейчас в ужасе, но он в порядке.

Пытаюсь проскользнуть мимо него, но он сдвигается, чтобы заблокировать меня.

— Нет, Сави, это не...

Я не могу, не могу! Я собираюсь сломаться, и я не могу сделать это здесь, когда так много людей видят это.

Я быстро качаю головой и шепчу:

— Он такой, такой красивый, Бек. Я... я счастлива за тебя.

А потом я проталкиваюсь мимо него и почти бегу через холл, чтобы выйти, чтобы уйти, так как еще одна часть меня умирает.

— Эй, мужик! Мы можем войти или это твой личный лифт?

Эти слова выводят меня из оцепенения от того, что только что произошло, и я быстро отхожу в сторону с Таннером на руках, чтобы ожидающие могли войти в лифт. Мое сердце все еще колотится от паники, вызванной потерей сына из виду и ужасом от того, что я не знал, где он находится. Мои руки крепко обхватывают маленького беглеца, и я нервно выдыхаю. Все, что потребовалось, это доля секунды. Я обернулся, чтобы ответить на вопрос моего адвоката, а его уже не было. Я успел заметить, как закрываются двери лифта, и его нахальную ухмылку сквозь щель, на секунду опоздав, чтобы помешать этому.

Прижимаюсь губами к его волосам и веду нас туда, где его няня ждет с коляской. Господи, я думаю, что это, возможно, отняло у меня десяток лет жизни. Он отсутствовал только то время, которое потребовалось лифту, чтобы добраться до вестибюля, и слава богу, что тот, в который я запрыгнул, обогнал его, иначе все могло бы пойти совсем по-другому. Я оставил няню, Полу, здесь, в вестибюле, на нашей последней встрече с посредником, желая сохранить в тайне последние детали соглашения, но мне следовало просто попросить ее подняться и подождать в вестибюле юридической фирмы. Это просто еще один способ, которым я облажался как отец, и я опускаюсь на скамейку рядом с Паулой на трясущихся ногах, когда адреналин уходит.

— Сави, папа! Сави!

Таннер кричит своим высоким голосом, и мне хочется заплакать прямо здесь и сейчас, но я не могу сделать это в присутствии сына, поэтому вместо этого я наклеиваю улыбку и киваю.

— Да, ты нашел ее, приятель. Слушай, ты не можешь так убегать, Тан! Это сильно напугало папу. Ты мог потеряться. С тобой могло случиться что-то ужасное.

Он кивает с ухмылкой.

— Да! Сави!

Вздыхаю и позволяю Поле усадить его в коляску. Мой мальчик слышал имя Сави всю свою жизнь, поэтому неудивительно, что он рад наконец-то увидеть ее. Каковы чертовы шансы, что Сави не только окажется в этом здании, но и найдет моего сына, когда тот потеряется? Я хотел, чтобы она узнала о нем совершенно противоположным образом. Черт! Я провел руками по лицу, представляя, что я увидел, когда двери открылись и все вышли.

Последним человеком, которого я ожидал увидеть держащим моего сына, была Сави. Ее глаза были закрыты, она прижалась щекой к голове Таннера, и выражение чистого отчаяния на ее лице, как будто она действительно верит, что у нее никогда не будет своего собственного ребенка, в дополнение к огромному облегчению от того, что мой сын в безопасности, чуть не поставило меня на колени. Никогда не думал, что снова увижу, как она сломается, словно в ту ночь четыре года назад. Мы здесь, чтобы дать ей счастье и любовь, которых она заслуживает, и теперь я знаю, что у меня нет ни единого шанса сделать это. Выражение ее глаз, когда она произнесла слово... жена? Да пошел я.

Завожу Полу и Таннера в гараж, пристегиваю ремни и даже не ругаюсь на поток машин, стоящих стеной, пока слушаю песню снова и снова, пока Таннер поет свою версию с не совпадающими словами. Это не должно было пройти таким образом. У меня должен был

быть шанс объяснить, что произошло, попросить у нее прощения, умолять, если придется. Мне просто нужен был еще один день, сегодня, чтобы суды и адвокаты подписали окончательные документы. Сжимаю пальцы на коже руля, вспоминая худший и лучший день в своей жизни.

Я слышу звонок в дверь, но не обращаю на него внимания, зная, что Эш внизу и откроет. У меня скоро экзамен, и часть его, касающаяся договорного права, выбивает меня из колеи, так что мне нужно все возможное время для учебы, если я хочу сдать его.

— Бек! Тащи свою задницу сюда!

Эш кричит с лестницы, и в его тоне есть что-то такое, от чего у меня по спине пробегает дрожь. Не теряя времени, я выбегаю из комнаты по лестнице и застаю его и женщину, которая кажется мне смутно знакомой, ждущими меня в гостиной. Она сидит на краю дивана с кучей пакетов у ног, один из которых накрыт одеялом. Я рассматриваю ее, пытаюсь понять, откуда я ее знаю, но ничего не получается, пока она не наклоняется, и ее рубашка распахивается, показывая мне большую татуировку в виде розы, расцветающую в ее декольте. В моей голове проносятся смутные, пропитанные алкоголем воспоминания о пьяной ночи почти год назад, и чувство вины обрушивается на меня.

— Э, привет. Прости, я так и не узнал твоего имени в ту ночь. — Говорю ей с гримасой на лице и задаюсь вопросом, какого хрена она здесь делает. Она ухмыляется и пожимает плечами.

— Да, в ту ночь было не так много разговоров. Единственная причина, по которой я вообще знаю твоё... — Она бросает мне что-то, и когда я ловлю это, то вижу, что это мой бумажник, который был украден. Поднимаю на нее бровь, и она снова пожимает плечами с легким смешком.

— Ладно, извини за это, но есть и положительный момент, по крайней мере, я знала, как найти тебя снова.

Бросаю бумажник на журнальный столик и скрещиваю руки, глядя на нее.

— А мой телефон? Он тоже пропал.

Она закатывает глаза и откидывается на спинку дивана.

— Продала его за несколько баксов. Уверена, что такому крутому футболисту, как ты, не составило труда его заменить.

Бросаю взгляд в сторону Эша, и он возвращает взгляд, полный сожаления, поэтому я снова поворачиваюсь к ней.

— Ну, отлично. Спасибо, что вернула бумажник, но у меня такое чувство, что ты здесь не за этим, верно?

— Верно, здоровяк. Слушай, когда я прижимаю какого-нибудь парня на вечеринке, это всегда игра в русскую рулетку, что я могу уйти с чем-то нежелательным. Ну, знаешь, вроде гонореи или синяка под глазом, но я не подписывалась на это дерьмо. Я продержалась месяц, пытаюсь сделать все правильно и все такое прочее дерьмо, но я закончила, так что это все твоё.

Она поднимается на ноги с разъяренным видом, но я протягиваю руку, чтобы не дать ей уйти.

— Леди, я ни хрена не понимаю, о чем вы говорите. Что все мое?

Она поджимает губы, осматривает меня с ног до головы, а затем наклоняется и срысывает одеяло с одной из сумок, и все внутри моего тела замирает. Не могу понять, что я

вижу. Самый маленький ребенок, которого я когда-либо видел, спит в автомобильном кресле у моих ног, а я не могу заставить свой разум собрать все воедино.

— Ну, эмм... удачи! — говорит она со смехом и начинает ходить вокруг меня. К счастью, голова Эша все еще прикреплена к его телу, потому что он хватает ее и толкает обратно на диван.

— Хорошая попытка, сучка. Сядь на свою задницу и начни говорить. Ты не собираешься бросить здесь ребенка и просто уйти. Кто сказал, что он вообще его?

Она смотрит на Эша, а потом достает из кармана смятую пачку сигарет, вытаскивает из нее согнутую сигарету и засовывает ее между губами.

— Отлично. Не возражаешь, если я закурю?

Эш выхватывает сигарету у нее изо рта и с рычанием ломает ее надвое, так что она со стоном откидывается на подушки дивана.

— Пошел ты, чувак! Они дорогие. У меня нет денег, чтобы купить еще, — скулит она. — Чертов ребенок сожрал все мои деньги. Ты должен забрать его, иначе он попадет в детский дом. У меня есть дела, в которые не входит ребенок, висящий у меня на бедре.

Эш опускает руку на мое плечо и сжимает его, но мои глаза возвращаются к ребенку, который мирно спит, пока его мать пытается его отдать.

— Откуда нам знать, что ребенок его?

Она наклоняется вперед, смотрит на ребенка, потом на меня и вскидывает руки вверх.

— Он похож на него. — Она хихикает, когда Эш делает твердый шаг в ее сторону. — Полегче, тигренок. Я просто шучу. Даты совпадают. Можно сказать, что у меня был застой в течение нескольких месяцев, и этот большой мальчик был единственным парнем, с которым я была. Поверь мне, это его ребенок. Но если он тебе не нужен, моя следующая остановка — пожарная часть. У них есть такая штука, как "безопасное убежище", куда можно подбросить ребенка без лишних вопросов.

Эш со стоном проводит рукой по волосам.

— Мы тебе ни хрена не доверяем. Нам понадобится свидетельство о рождении, тест на отцовство и...

Я отгораживаюсь от них и приседаю, чтобы поближе рассмотреть ребенка и увидеть, что он одет в голубой комбинезон с футбольными мячами. Это мальчик. Это мальчик, и она говорит, что он мой. Мой сын, моя семья, мой. Губы ребенка во сне кривятся в улыбке, и две огромные эмоции воюют в моей груди. Любовь захлестывает с яростной потребностью заботиться о нем и защищать его, а горе болезненно пульсирует с другой стороны, зная, что теперь я никогда не смогу вернуть любимую женщину.

Наконец мы выезжаем из центра города и летим по скоростному шоссе по направлению к дому. Таннер спит на заднем сиденье, я выключаю детскую музыку и снова воюю с двумя огромными эмоциями. Облегчение от того, что Таннер наконец-то принадлежит мне, и душевная боль за то, что я причинил боль Сави и потерял шансы все исправить. Не знаю, как я смогу остаться с братьями, если им удастся убедить Сави дать им еще один шанс. Видеть ее с ними, быть рядом с ней и не иметь возможности любить ее, медленно убьет меня.

Поездка, которая должна была занять всего полчаса, но в итоге заняла в три раза больше из-за пробок и стройки, наконец, подходит к концу, я въезжаю в наши ворота и поднимаюсь по дороге. Джуд спускается по лестнице с кулаком, полным воздушных шаров, и широко улыбается, ожидая, пока я открою дверь.

Он любит Таннера так же сильно, как и я, и это была долгая, затяжная битва за то, чтобы наконец убрать от него руки Джастин, хватающие деньги. Джуд был тем, кто в конце концов просто выкинул ей номер, от которого она не смогла отказаться, чтобы заставить ее прекратить угрозы и шантаж. Он даже глазом не моргнул, когда подписал чек, по сути, купив для меня сына. Я никогда не смогу отплатить ему ни за деньги, ни за любовь, которую он проявил к нам обоим. Открываю дверь внедорожника и вылезаю наружу.

— Скажи мне, что она подписала? Твоя рожа не кричит об успехе. Если эта наркоманская шлюха не подписала, я...

— Нет, мужик. Она все подписала и даже ни разу не оглянулась на него. Все кончено. Таннер дома, и нам больше не нужно о ней беспокоиться.

Джуд сжимает мое плечо.

— Тогда почему нет праздника? Ты не можешь чувствовать себя виноватым. Джастин высасывала бы тебя годами, если бы мы наконец не расплатились с ней. Таннеру будет лучше, если она не будет портить ему жизнь. Она никогда даже не пыталась проводить с ним время. Она появляется только для угроз и расплаты.

Я киваю. У меня нет никакого чувства вины за то, что эта женщина никогда не сможет навредить моему сыну. Это другой тип вины, который я несу.

— Дело не в ней. Дело в Сави. Что-то случилось, я... мы... видели ее. Она знает с Таннере и не очень хорошо к этому отнеслась.

Джуд хмурит брови.

— Ладно, не очень хорошо восприняла это... Сави бы не...

Оба наших телефона звонят с разницей в несколько секунд, прерывая его. Он хмурится еще больше, когда мы достаем их. Этот звоночек специальное уведомление для Google alert. Мы установили их много лет назад, чтобы быть в курсе того, что писала пресса о жизни Сави. Джуд опережает меня и открывает телефон, вся кровь схлынула с его лица, когда он снова смотрит на меня.

— Мы должны идти. Мы должны идти, прямо сейчас, блядь!

Я добралась до внедорожника, но как только Патрик закрыл за мной дверь, я сломалась. Сгорбилась, прижав руки ко рту, и захлебываясь рыданиями. Это слишком. Все это слишком. Джуд и Тейт. Селеста, пытающаяся забрать у меня Марка. Прекрасный маленький мальчик, который должен был быть моим, а теперь, я знаю, что Бек нашел кого-то другого, чтобы любить. Это просто разрывает меня на части, разрывает мое едва зажившее сердце. Я не имею права, вообще никакого права чувствовать что-либо к Беку. Конечно, он пошел дальше! Прошли годы, а я была всего лишь глупой девчонкой, с которой он возился какое-то время.

Я пыталась, я так чертовски старалась спрятать все это за стеной, которую я создала, чтобы удержать боль, но сегодня ее слишком много, и она хлынула на меня.

— Мисс Севан? Саванна?

Я задыхаюсь, как тонущая жертва, вспоминаю, что есть свидетель того, что я делаю, и мне удастся выдохнуть слово: «Дом».

Закрываю глаза и зажмуриваюсь так чертовски сильно, чтобы загнать все эти эмоции обратно внутрь, заперев их снова, чтобы я могла восстановить свою маску. Смахиваю слезы, надеваю на лицо солнцезащитные очки и с опаской откидываюсь на сиденье.

— Прости, Патрик. У меня был момент, но теперь все в порядке.

Ловлю его взгляд в зеркале заднего вида, поэтому растягиваю губы, чтобы изобразить улыбку, и его глаза морщатся в уголках.

— Я, конечно, не понимаю, о чем вы, мисс. Движение сейчас интенсивное, но я должен доставить вас домой в течение двадцати минут.

Медленно киваю, пока он не отводит взгляд, невероятно благодарная за его благоразумие. Мне нужно проветрить голову, поэтому я достаю телефон, чтобы прочитать электронную почту, и вижу уведомление от Сары, что она отвезла Мо в парк. Глупые слезы снова обжигают, когда я понимаю, что еду в пустой дом. Мне действительно нужен кто-то, кто любит меня прямо сейчас, а у меня есть только Мо.

— Патрик? Не мог бы ты заскочить в парк вместо этого, пожалуйста? Я думаю, я бы хотела прогуляться. Может быть, покормить уток.

Его глаза снова смотрят в зеркало, и он изучает меня несколько тактов, прежде чем ответить.

— Конечно, мисс. Сегодня прекрасный день, чтобы пойти в парк. У вас есть предпочтения, с какой стороны вы хотите, чтобы вас высадили?

— Подождите секундочку. Позвольте мне узнать у Сары, где они с Мо.

Отправляю сообщение, зная, что никогда не найду их в более чем восьмистах акрах, составляющих Центральный парк, без указания местонахождения.

Когда она перезванивает мне, я сообщаю ему, что они находятся недалеко от оврага, чтобы он мог подбросить меня поближе к ним.

Пытаюсь читать электронную почту, но понимаю, что обманываю себя, когда читаю одну и ту же строчку снова и снова, поэтому засовываю телефон в карман и смотрю в окно, оставляя все мысли, которые пыталась игнорировать, на переднем крае моего сознания.

Мне было хорошо. Может быть, немного одиноко, но хорошо. У меня был план на будущее. Я смирилась с тем, что буду жить одна, за исключением Стеллы и Мо и случайных ужинов с Марком. Так было безопаснее, проще. Никто из них не бросит меня, не обидит, не

сломает так, как это может сделать мужчина... мужчины. И может быть, однажды, если я почувствую себя достаточно сильной, я смогу подумать об усыновлении ребенка или даже о доноре спермы. Возможно, я смогла бы сама создать свою собственную семью. Я даже смогла позаботиться о своих сексуальных потребностях с помощью множества игрушек. Мне не нужен мужчина ни для секса, ни для любви. Я прекрасно справлялась сама.

Отмахиваюсь от Патрика, когда он подъезжает к парку, и говорю ему, что позвоню, когда буду готова ехать домой. Ухожу, все еще поглощенная своими проблемами.

Я оставила в прошлом уродливую историю Селесты и Ванессы. Возможно, я никогда не смогу простить их за ту боль, которую они мне причинили, но я перестала пытаться понять, почему я им не нужна, почему никто не хочет оставаться со мной. Мне нужно это вспомнить. Очистить все от того, что нарушает мою жизнь. Больше ничего. Больше никакого Джуда, никакого Тейта, никого, кроме меня, Мо, Стеллы и Марка. Это все, что мне нужно. Я вызову охрану, если они не послушают и не отстанут. Здесь и во мне нет ничего для них, и они должны оставить меня в покое. Я не могу продолжать кружить вокруг этого. Мне слишком больно видеть их и вспоминать, каково это быть растроганной и любимой. Надеяться, что у меня будет своя семья. Ухожу от солнца под тень высоких деревьев, направляясь туда, где, по словам Сары, они должны быть, и продолжаю работать над укреплением своей решимости.

Я делаю шаг вправо, когда слышу случайное: «Слева!», когда мимо меня проезжают бегуны и велосипедисты, но я их не вижу. Все, что я вижу, это Джуд, который говорит мне, что собирается и дальше карабкаться по моей стене. Тейта в моем кабинете, который говорит, что любит меня, а потом появляется по утрам только для того, чтобы увидеть мое лицо. Бек и самые милые пухлые щечки и то, как я отчаянно хочу, чтобы его сын стал моим, нашим ребенком. Все эти мысли мне нужно стереть. Мне нужно не допускать их, иначе я никогда не смогу вернуться к спокойной, стабильной жизни, которую я построила для себя. Для моего сердца слишком много боли, когда...

Настоящая физическая боль охватывает меня, когда мой хвост злобно дергают вправо, заставляя меня споткнуться на каблуках и вывихнуть лодыжку. Я даже не могу сосредоточиться на мучительной боли, когда рука обхватывает горло, перекрывая дыхательные пути, и меня утаскивают с тропинки в деревья. Чувствую запах застоявшегося никотина, исходящий от его руки, пока я бьюсь руками и ногами, отталкиваясь, а затем пытаюсь ухватиться, чтобы не дать тому, кто меня схватил, увести дальше от тропинки. Темные пятна начинают расцветать в моем зрении, легкие изголодались по воздуху, и я знаю, что потеряю сознание в любую минуту, если не сделаю хоть что-нибудь! Превращаю свои пальцы в когти, тянусь к лицу мужчины сзади и впииваюсь в него изо всех сил, вдавливая ногти.

Слышу хрюканье, проклятие, а затем меня бросают на лесную подстилку, где я с хрипом втягиваю как можно больше воздуха в свои опустошенные легкие, а затем перекачиваюсь, пытаюсь увеличить расстояние между мной и им, отчаянно стараясь набрать достаточно воздуха, чтобы закричать о помощи.

— Чертова пизда! Ты заплатишь за это. — Он плюет в меня, привлекая мои расширенные глаза к себе. Он высокий, отсюда, снизу, он кажется огромным, на нем бейсболка и черная маска на лице, такая, как мы носили во время ковида, которая сползла ему на нос от моих когтей. Под его темными черными глазами зияют провалы, струйка крови стекает вниз и исчезает в черной ткани маски. За долю секунды я успеваю все это

воспринять, а затем набираю полные легкие воздуха и успеваю частично вскрикнуть, прежде чем он снова оказывается на мне.

Его рука широко размахивается и резко опускается, но я подгибаю подбородок, и вместо того, чтобы получить удар по лицу, он попадает в боковую часть моего лба. Я все еще вижу звезды, но продолжаю выгибать бедра и толкать его, пока он обхватывает за талию и наносит еще один удар по другой стороне головы. Мои крики становятся больше похожи на хриплые возгласы, паника замораживает легкие, но они полностью обрываются, когда его руки обхватывают мое горло и сжимают.

Тогда я вижу это в его холодных, жестких глазах. Он не хочет меня ограбить или изнасиловать, он хочет меня убить. Мои руки разлетаются в стороны и мечутся по земле в поисках чего угодно, ветки, камня — всего, что можно использовать в качестве оружия. Моя левая рука натыкается на что-то, и мои пальцы рвут его, чтобы схватить, нащупывая каблук. Это одна из моих туфель, которая, должно быть, слетела, когда он тащил меня. Я поднимаю ее и бью его по голове снова и снова, но это не приносит достаточного вреда, чтобы он остановился.

Черные крылья начинают вытеснять свет из глаз, так как недостаток кислорода начинает забирать меня под землю, а в голове мелькает все то, чего у меня никогда не будет, все то, к чему я слишком боялась стремиться. Когда мои руки опускаются на землю, слишком слабые, чтобы продолжать борьбу, я вижу их лица, закрываю глаза и отпускаю их.

Человек надо мной рычит, как дикий зверь, как животное с острыми зубами, которые будут кусать и рвать мою плоть, а затем тяжесть, прижимающая меня к земле, исчезает, и маленькая струйка воздуха проникает в мое больное горло, как огонь. Я слышу только рваные, резкие вдохи, когда мои легкие вдыхают воздух крошечными глотками. Вес возвращается, и тогда он лижет широкую дорожку по моей щеке, заставляя хныкать от ужаса, вырываясь из губ. В ответ раздается ответный вой, заставляющий глаза распахнуться и встретиться с большими, теплыми карими глазами. Крики, которые я пыталась выдавить из себя, наконец, прорываются наружу и раздаются, когда мои тяжелые руки поднимаются и обхватывают толстую мохнатую шею моего героя.

— О, Боже мой! Мисс Севан? О Боже, О Боже! Саванна? Мо! Отвали, отвали! Кто-нибудь, позвоните 911!

— Преследуйте этого парня! Он убегает!

— ...нужна скорая помощь возле оврага в Центральном парке.

— Саванна, ты можешь открыть глаза?

— Это Саванна Севан? Ни хрена себе! Сфотографируй это!

— Все назад! Назад, черт возьми! Вы что, не видите, она ранена!

Я слышу все это, но я просто держусь за Мо и продолжаю дышать.

— Вам повезло, что это был не сложный перелом. Мы направим вас в спортивную клинику, и там вам подберут программу, которая поможет вам вернуться на корт, как только снимут гипс.

Отхожу, пока ортопед изучает инструкции по уходу за подростком, который пытался бросить баскетбольный мяч, промахнулся и угодил в столб. Я несколько дней работаю тенью в ортопедическом отделении по программе, которой команда сотрудничает с этой больницей, и я уже многому научился. Мне бы хотелось получить степень доктора медицины, чтобы в итоге стать врачом команды, но десять лет учебы, интернатуры, а затем ординатуры — прежде чем я смогу вернуться в спортивную медицину было слишком. Мне очень повезло, что Тейт потянул за ниточки и взял меня в тренерский штаб своей команды, когда я окончил университет. Когда он и Джуд совершили обмен в "Кингз", они сделали мою работу частью сделки, чтобы мы могли наконец-то быть вместе.

Было здорово, что мы все вернулись под одну крышу, а еще лучше, что у меня появилась возможность восстановить дружбу с Джудом. Личная встреча с Сави на прошлой неделе сняла огромный груз с моих плеч, хотя я еще не набрался смелости подойти к ней снова. Я стараюсь пока держаться в стороне, чтобы дать Джуду и Тейту время завоевать ее обратно. По их словам, она сопротивляется всем нам, но Джуд настаивает на том, что добиться успеха. Когда наконец придет моя очередь, я собираюсь отдать все, что у меня есть, чтобы она поняла, как мне жаль и что мы тоже заслуживаем шанса быть вместе.

— Мистер Джеймс, мы закончили. Сделайте одолжение, отнесите эту карту медсестрам на центральном посту, а потом возвращайтесь на наш этаж. У меня есть несколько исследовательских работ по реабилитации ACL, которые, я думаю, будут вам интересны. Как вы знаете, это довольно распространенная спортивная травма, с которой сталкиваются ваши игроки.

Забираю у него карту и киваю, когда мы выходим из кабинета неотложной помощи и расходимся в разные стороны. Три медсестры в отделении ведут беседу, поэтому я жду по другую сторону стойки, чтобы передать карту.

— Теперь она не такая равнодушная, да?

— Ай, Дана, ты такая сука, — смеется одна из них. — То, что она знаменитость, не значит, что она это заслужила.

— Знаю, но она просто всегда такая заносчивая. Я имею в виду, почему бы ей не улыбаться? Она богата. Эта женщина может купить все, что ей нужно, чтобы улыбаться до конца жизни. Я просто не понимаю.

Одна из них замечает меня и протягивает руку за картой с кокетливой улыбкой, я передаю ей ее и поворачиваюсь, чтобы уйти, не желая слушать их мелкие сплетни. Успеваю сделать всего несколько шагов, как мой телефон выдает уведомление Google о любом упоминании Сави в новостях. Достаю его из темно-синего халата, который на мне, пока иду к лифту, но заголовок, который я вижу на экране, заставляет меня остановиться.

Наследница Севан доставлена в больницу после жестокого ограбления в парке.

Мой мозг связывает то, о чем сплетничали медсестры, с заголовком, и ноги сами собой

заставляют меня бежать обратно. Я хлопаю рукой по стойке, чтобы привлечь их внимание.

— Саванна Севан, это та, о ком вы говорили? Она здесь? Ее привезли?

Все трое тут же замирают, обмениваясь настороженными взглядами.

— Мне плевать на ваши сплетни! Она здесь? Скажите мне!

Одна из них медленно качает головой.

— Извини, мы не можем разглашать эту информацию. Частная жизнь пациента и все такое.

Моя рука на стойке сжимается в кулак, и все трое делают шаг назад.

— Она для меня не пациентка, а моя гребаная девушка, — выдавил я сквозь стиснутые зубы. — Если она здесь, я должен знать!

Их брови удивленно поднимаются, но одна из них жалеет меня и показывает пальцем.

— Она на шестой кровати и, э-э, прости за то, что я сказала...

Я не задерживаюсь, чтобы выслушать извинения, которые она попытается принести за то, что нагрубилась незнакомой женщине. Я просто мчусь к занавеске, на которую она указала. Моя рука дрожит, когда я протягиваю руку и осторожно отодвигаю ее, чтобы увидеть Сави, сидящую на кровати с врачом, который осматривает ее. Мое колотящееся сердце слегка замирает, когда я вижу, что она очнулась и встала, даже когда мои глаза замечают все более глубокий синяк на ее лице и красные пятна на шее. Больничный халат, в который она одета, скрывает все остальные повреждения, но медицинской бригады нет, так что случившееся не должно быть опасным для жизни.

Ее руки лежат на коленях, и я вижу ярко-белые костяшки пальцев, так крепко она сжимает их. Но то, что я вижу на ее лице, показывает, что она едва держится. Я изучал это лицо в течение двух лет лично, а затем еще четыре года через СМИ, и я знаю, как близка она к тому, чтобы потерять контроль и разбить свою маску.

Она не хотела бы, чтобы кто-то это видел, поэтому я кричу:

— Ей нужна минута! Уходите!

Оба доктора и Сави вскидывают головы в мою сторону, он с раздражением, которое быстро переходит в возмущение, а у нее, клянусь, перед тем как глаза зажмурились, промелькнуло облегчение.

— Кто ты, черт возьми, такой? Как ты смеешь вмешиваться в лечение пациента? — рычит на меня доктор. Его грудь вздымается, когда он готовится разорвать меня, но я прерываю его прежде, чем он успевает начать.

Мои глаза не отрываются от лица Сави, когда я говорю:

— Я мужчина, который любил ее последние шесть лет, и ей нужна чертова минута.

Доктор брызжет слюной, но тихая, задыхающаяся мольба Сави: «По-пожалуйста» заставляет его убрать руки с ее тела и отступить назад.

— О, эм, да, конечно, мисс Севан. Я позабочусь о том, чтобы вас перевезли на наш VIP-этаж.

Он двигается вокруг кровати, посылая мне презренный взгляд, а затем выскальзывает и плотно закрывает за собой занавеску. Я просто стою там, застыв, глядя на нее, пока она не издает малейший писк, и тогда я пересекаю комнату, сажусь на кровать и поднимаю ее на колени, обнимая. Она прижимается лицом к моей шее, ее колени поднимаются, как будто она пытается свернуться в самый маленький клубок, чтобы совсем исчезнуть. Я обхватываю ее и прижимаю к себе так крепко, как только могу, не причиняя ей боли.

Зарываюсь лицом в ее волосы и шепчу:

— Все хорошо. Я держу тебя. Теперь ты можешь все отпустить.

И она отпускает. От боли, которую я слышу в ее рыданиях, когда она прижимается к моей груди, у меня самого на глаза наворачиваются слезы. Эта девушка, эта милая, идеальная девушка так чертовски сломлена внутри, и я знаю, это не только от того, что случилось с ней сегодня. По тому, как она всхлипывает, я могу сказать, что это намного больше. Боль, накатывающая на нее, годы накопленной душевной боли, и меня чертовски убивает осознание того, что я приложил руку к большей части.

В конце концов, ее рыдания затихают, и она начинает шепотом рассказывать о том, что произошло.

— Он, он схватил... меня! Прямо с тропинки. Я не была, не была достаточно сильной, чтобы остановить его.

Зачесываю назад ее волосы, кто-то распустил ее обычный хвост, и стараюсь не вздрогнуть, когда чувствую шишку на ее черепе, размером с гусиное яйцо.

— Шшш, все хорошо, все хорошо, милая. Теперь ты в безопасности. Все закончилось.

Ее голова трясется под моей рукой.

— Почему? Почему он это сделал? Почему со мной продолжают происходить плохие вещи? Что, что я сделала?

Целую ее волосы, а затем наклоняю ее подбородок вверх.

— Нет, нет, нет, ангел. Ты ничего не сделала. Это не твоя вина. Ни в чем, что произошло, нет твоей вины. Сави, ты не заслужила этого, и ты не заслужила того, что я сделал с тобой. Мне чертовски жаль, ангел.

Она застывает в моих объятиях и пытается оттолкнуться от меня, но я крепко сжимаю руки, чтобы прижать ее к себе. Я ни за что не отпущу ее сейчас.

— Знаю, что ты не хочешь этого слышать. Знаю, что ты не хочешь мне верить, но это так. Я был последним идиотом с тобой. Так чертовски боялся полюбить кого-то без барьеров между нами, что делал все неправильно. Но я обещаю тебе, я сделаю все, что в моих силах, чтобы доказать тебе, что я больше не идиот. Ангел, я влюбился в тебя, когда ты пряталась за своей маской и решеткой, а потом влюбился в настоящую тебя, ругающуюся, как моряк в увольнении, в моем доме. Я так облажался и все испортил. Я все исправлю, Сави. Сделаю все, если ты только позволишь мне полюбить всю тебя на этот раз.

Ее очаровательные глаза наполняются слезами, но она не успевает ответить, когда занавес отдергивается и раздается горловой голос. Я удерживаю ее взгляд своим еще несколько ударов, прежде чем наконец поднять глаза на доктора, стоящего у края кровати.

— Простите, что прерываю, но собирается пресса, поэтому мы должны перевести мисс Севан на VIP-этаж. Там лучше охрана, и она сможет отдохнуть там более комфортно.

Мне чертовски не нравится, что я должен выпустить ее из своих объятий, но он прав. Это не то место, где она должна быть сейчас. Я киваю, осторожно кладу Сави обратно на кровать и спрыгиваю вниз.

— Пойдем.

Джуд, Бек и я выходим из лифта на VIP-этаж больницы с мрачным выражением лица. Охранник приветствует нас и сверяет наши документы со списком, который он держит в руках, после чего отходит в сторону, чтобы пропустить нас. Слава Богу, что Эш был здесь, иначе никого из нас не пустили бы к ней. Это был уже третий раз, когда нам пришлось предъявлять удостоверение личности, чтобы пройти так далеко. Толпа журналистов снаружи — это толпа стервятников, которые только и ждут своего шанса пробраться внутрь и получить информацию о самой молодой и самой интригующей женщине-миллиардере Нью-Йорка.

Когда Джуд ворвался в дом через несколько минут после того, как я получил сообщение о нападении на Сави, я уже бежал к двери. Слава богу, Пола отвлекла Таннера и махнула нам рукой, чтобы мы сразу же уезжали. Всю дорогу мы читали сообщения и смотрели в Твиттере видеоролики очевидцев, как Сави грузят в машину скорой помощи. На всех видео она была в сознании и сидела, но только когда Эш прислал нам сообщение в групповом чате, мы впервые вздохнули с облегчением, зная, что с ней все будет в порядке.

Мы попытались проскользнуть в больницу через автостоянку, но даже там стояли журналисты, а после фотографии Джуда у ног Сави на открытии клуба они связали все точки и стали задавать нам слишком личные вопросы.

Когда мы втроем входим в комнату Сави, ее глаза ненадолго поднимаются, чтобы окинуть всех нас хмурым взглядом, но она лишь качает головой и снова опускает глаза на свои колени. Эш сидит на стуле рядом с ее кроватью и пристально смотрит на нее.

— Какого хрена ты на нее пялишься? — Джуд огрызается на него, заслужив право притянуть на него этот взгляд.

— Потому что она отказывается оставаться! Врачи хотят оставить ее здесь на ночь, чтобы понаблюдать за ней, но она настаивает на выписке.

Джуд подходит к противоположному краю кровати и осторожно наклоняет ее голову так, чтобы она встретила с ним взглядом.

— Мы должны перестать так встречаться, куколка. Мое сердце не выдержит, если ты снова окажешься на больничной койке.

— Я в порядке. Это всего лишь несколько шишек, синяков и вывих лодыжки, — хрипит она. Я смотрю на ее горло и вижу распухшую красно-фиолетовую кожу. Хриплость ее голоса и синяки говорят о том, что тот ублюдок, который пытался ее ограбить, также пытался ее задушить. Во мне поднимается ярость от того, что кто-то приложил к ней руки, причинил ей боль. Хочу накричать на нее и потребовать объяснить, о чем она думала, когда шла через этот парк без охраны, но я подавляю это желание и смягчаю выражение лица, когда подхожу к Джуду и беру ее за руку.

— Малышка, я рад, что с тобой все в порядке, но Джуд прав. Видеть тебя снова в больнице чертовски страшно. Нам придется завернуть тебя в пузырчатую пленку, чтобы убедиться, что с тобой больше ничего не случится. Господи, детка, ты уже в четвертый раз чуть не умерла.

Пытаюсь пошутить, но при слове «чуть» у меня сжимается горло, и я вижу, как Сави отступает назад, когда в ее глазах мелькает что-то, чего я не могу разобрать.

— Что? Что это?

Она гримасничает, сглатывая, но качает головой.

— Не тебе об этом беспокоиться. Это не твое место. Я даже не знаю, почему вы все здесь. — Ее глаза проносятся мимо нас и ненадолго останавливаются на Беке, а затем снова опускаются на колени.

Поворачиваю голову и бросаю на него пристальный взгляд. Он рассказал нам по дороге, что произошло с Сави и Таннером, и ему нужно разобраться с этим дерьмом прямо сейчас. Он нервно смотрит на нее, но все равно подходит к краю кровати.

— Сави, нет никакой жены. И никогда не было. Была только ты, персик.

Она хмурит брови, глядя на свои колени, но, когда она ничего не отвечает, Эш откидывается в кресле.

— Тейт прав. Мы должны оградить тебя от всего этого безумного дерьма, которое, кажется, постоянно... — Он прерывается, его глаза щурятся, а затем он встает со стула и усаживается на край кровати с напряженным взглядом.

— Ангел? Мне нужно, чтобы ты мне кое-что сказала. Если ты умрешь, кто унаследует твое состояние?

Его вопрос заставляет меня напрячься, и я мгновенно прокручиваю в памяти все, через что она прошла. Автокатастрофа, в которой погиб ее отец и чуть не погибла она сама. Клубничное шампанское. Взрыв ее квартиры, уничтоживший весь этаж дома, в котором она жила, и теперь это нападение, которое, возможно, вовсе не было ограблением.

Она поднимает голову, чтобы встретиться с его глазами, и я вижу по их выражению, что она уже согласна с ним, но она все равно качает головой.

— Нет, просто нет. Он мой крестный отец, лучший друг моего отца. Все это просто череда досадных случайностей.

Эш прижимается к ее щеке.

— Но что, если это не так?

Ее лицо на мгновение морщится, но затем вновь приобретает упрямый вид.

— Ты ошибаешься. Откуда он или кто-либо другой мог знать, что я буду сегодня в парке? Я редко туда хожу. Сара, выгуливающая собаку Мо, водит его туда, а не я. Я пошла сегодня только потому, что не могла вернуться в пустой... — Она прерывает себя, бросив быстрый взгляд на Бека. — Никто не знал, что я там буду. — Она твердо говорит, а затем тянется за чашкой воды. Джуд опережает ее и протягивает ей соломинку, чтобы она сделала глоток, но выражение его лица громоподобно от того, что сказал Эш.

— Как ты туда добралась? У тебя ведь есть водитель, верно? Он мог сказать кому угодно, где он тебя высадил. Или кто-то мог неделями следить за тобой и ждать удобного случая, чтобы добраться до тебя. Это серьезное дерьмо, куколка!

Сажусь рядом с ее ногами на кровать и нежно поглаживаю ту, что ближе ко мне.

— Хорошо, детка, я буду играть в адвоката дьявола. Случалось ли что-нибудь за последние четыре года? Что-нибудь близкое? — Она качает головой. — Итак, предположим, как бы тяжело это ни было слышать, что в тот день ты должна была умереть вместе с отцом, но ты выжила. Твое наследство перешло в траст, верно? Так кто же управлял трастом до твоего совершеннолетия? — Она делает гримасу и отказывается отвечать, поэтому я киваю, глядя на остальных. — Твой крестный отец контролировал его и компанию, верно? Но как раз перед тем, как тебе исполнился двадцать один год, и ты собирались полностью взять все в свои руки, произошли две вещи. В твоей квартире взрыв, и кто-то подсыпал клубнику в твой напиток, что могло привести к твоей смерти.

Эш переходит к делу и спрашивает:

— Что произошло за последнее время? Что происходит с работой?

Она быстро качает головой, но я вижу, как ее глаза что-то перебирают в уме.

— Извините, мисс Севан, но если вы не против, то полиция пришла взять у вас показания. — Медсестра говорит сзади нас, заставляя Сави дернуться. Она смотрит на каждого из нас, затем кивает медсестре.

— Проводите, пожалуйста, моих посетителей, а потом пришлите полицию.

Джуд рычит:

— Куколка!

Я сжимаю ее ногу и встаю.

— Скажи им, Сави, — говорю ей, но встречаю пустой взгляд.

— Черт, не будь слепой к этому, ангел. Речь идет о твоей жизни.

Она огрызается в ответ, и это еще хуже из-за ее хрипоты.

— Вот именно! Моя жизнь. Не твоя, не их. Это моя жизнь, в которую вы все ворвались. Пожалуйста, уходите.

Эш смотрит на нее, поднимаясь, но отвечает ей Джуд.

— Только ненадолго, куколка. Если ты хоть на секунду думаешь, что мы уйдем, то ты ошибаешься. Ты наша гребаная жизнь, и была ею с того момента, как переступила порог нашего дома все эти годы назад. Я же говорил тебе, четыре года, десять лет, ни хрена не значат. Ты наша, так что привыкай, блядь, к этому!

Джуд прорывается мимо медсестры, которая стоит с широко раскрытыми глазами, и мы все движемся за ним.

Слышу, как медсестра спрашивает:

— Вы хотите, чтобы я вызвала охрану и попросила их убрать?

Замираю в дверях, пока Сави шепчет:

— Какой в этом смысл? Они просто найдут способ вернуться, даже если вы это сделаете.

Выдыхаю, с моих плеч свалилась тяжесть. Теперь она все поняла.

Общение с полицией утомляет своими повторяющимися вопросами, требующими ответов, которые я уже давала. Не понимаю, почему они продолжают ходить по кругу с одними и теми же вопросами, когда мои ответы не меняются, но я стараюсь быть терпеливой. К тому времени, когда они, кажется, удовлетворены тем, что моя история не изменится, я уже полностью истощена и измотана. Единственный раз я даже засомневалась, когда они спросили меня, знаю ли я хоть одну причину, по которой кто-то может захотеть причинить мне вред. Мне все равно, что сказали Эш и остальные, Марк никогда бы не причинил мне вреда.

Смотрю в окно и вижу, что наконец-то наступила ночь, и день, который, кажется, длился целую вечность закончился. Ощущения, что прошло уже несколько недель, как я встретила с адвокатами, а потом у меня на руках появился маленький мальчик. Достаяю телефон, лежащий на прикроватной тумбочке, и вздрагиваю от того, как все болит. В горле першит, голова раскалывается, правое бедро ноет, лицо болит. Мне хочется принять горячую ванну и выпить полбутылки обезболивающего, прежде чем лечь в постель, прижав к себе Мо.

Еще раз успокаиваю Стеллу по смс, что со мной все в порядке, и сообщаю ей, что она может навестить меня завтра. Не хочу, чтобы она находилась здесь, когда вокруг этого места собралась пресса. Я уже говорила с Марком по телефону, и он подготовил заявление, которое, надеюсь, успокоит прессу. Поэтому я быстро прочитала то, что он прислал по электронной почте, и одобрила его. Я также попросила его не приезжать. Они заронили в мою голову тень сомнения, и я не хочу смотреть в глаза своему крестному отцу и сомневаться, искренна ли его забота. Я как раз собиралась написать Патрику, чтобы он забрал меня, когда четверо разочаровывающих мужчин, вторгшихся в мою жизнь, снова вошли. Я сразу же перехожу в оборону, когда все они занимают места вокруг кровати на принесенных стульях.

— Я еду домой. Если не считать ноющей боли, я в порядке. Мне незачем здесь находиться.

Джуд хмурится, его золотистые глаза наполнились беспокойством, а прежний гнев исчез.

— Врачи хотят наблюдать за тобой на случай сотрясения мозга. Мы думаем, что тебе стоит пожить у нас.

Я разразилась смехом, от которого у меня заболело горло.

— Нет, черт возьми! Мы все уже разыгрывали эту пьесу. Я не хочу играть на бис или повторять трагический финал.

Эш вскакивает.

— Сави, даже если ты не веришь в это, кто-то может попытаться причинить тебе вред. Остаться одной в доме даже с супер-собакой глупо. Ты должна изменить свой распорядок дня. Поменять обстановку, чтобы не быть предсказуемой, и тебе нужно, чтобы кто-то остался с тобой на несколько дней, чтобы присматривать. Ты получила два удара по голове. Сотрясение мозга не всегда проявляется сразу.

Зажмуриваю глаза от досады, так как голова болит, и думаю о том, чтобы позвонить в колокольчик, чтобы медсестра принесла мне еще одно обезболивающее. Осторожно

потираю виски, но открываю глаза, когда чувствую, как что-то задевает мою руку. Джуд склоняется надо мной, нажимая на кнопку вызова, и я вздыхаю с облегчением, но все равно не могу этого сделать. В последний раз, когда я вернулась домой из больницы с этими людьми, мое сердце было разбито.

— Разве у тебя нет дел по футболу?

Тейт улыбается мне так, будто уже добился своего.

— Нет. Мы проводим ежедневные тренировки, но до начала летнего лагеря у нас еще месяц перерыва. Нам нечем заняться, кроме как заботиться о тебе, малышка.

Джуд встречает медсестру у двери, говорит ей, что у меня что-то болит, и возвращается с маленьким бумажным стаканчиком, в котором лежат две белые таблетки. Я запиваю их несколькими болезненными глотками воды, а он садится рядом со мной на кровать, берет мою свободную руку и начинает играть с моими пальцами.

— Твой дом, наш неважно, куколка. Мы будем держаться вместе, пока ты не выздоровеешь и пока мы не будем уверены, что ты в безопасности. Думаю, нам стоит нанять частного детектива, чтобы он проверил твоего дядю.

Я пытаюсь выразить свое разочарование, но получается скорее хныканье.

— Это... было... ограбление! В этом городе такое случается каждый день!

Большие руки Бека резко опускаются на спинку в конце кровати, толкая ее. Он пристально смотрит на меня ледяными голубыми глазами.

— Он пытался забрать твою сумочку? Он пытался тебя изнасиловать? Или он просто хотел тебя убить, Сави?

Чувствую, как кровь оттекает от моего лица, когда в голове проносятся вспышки холодных черных глаз. Мое тело начинает дрожать, когда я вспоминаю все детали произошедшего в ярких красках. Он не просил у меня денег, не тянулся к пряжке ремня и не пытался сорвать с меня одежду. Он просто ударил меня и попытался задушить. Ужасный шум заставляет меня вернуться в настоящее, и я понимаю, что шум исходит от меня. Я сползаю с кровати и снова оказываюсь в объятиях Эша, он гладит меня по затылку и шепчет в волосы обещания, что со мной все в порядке. Я медленно разжимаю пальцы, которые когтями, цепляются за его рубашку, как за спасательный круг, и отталкиваюсь от его груди, чтобы встретиться с грустными нефритово-зелеными глазами.

— Мы ни за что на свете не выпустим тебя из виду, ангел. Мы не потеряем тебя снова.

Чувствую, как все мое тело дрожит, когда я пытаюсь сформулировать аргумент, чтобы он понял, что я не их, чтобы потерять, но прежде, чем я успеваю что-то придумать, кто-то произносит мое имя, и все мое тело замирает.

— Саванна? Что здесь происходит?

Поворачиваю голову, встречаю обеспокоенный взгляд дяди и вздыхаю.

— Привет, Марк. — Оборачиваюсь к Эшу и шепчу: — Положи меня обратно на кровать, пожалуйста.

Он сужает глаза и крепко обхватывает меня руками.

— Нет.

— Кто вы все такие? Что вы делаете в ее палате? — спрашивает Марк.

Джуд быстро отвечает.

— Мы ее мужчины, и именно здесь наше место.

Марк в шоке произносит несколько неоконченных фраз.

— Ее... мужчины, как... все вы... ее?

Тейт встает и делает шаг между мной и Марком, за ним быстро следует Бек, пока между нами не возникает стена мускулов.

— Я не знаю, что здесь происходит, но я думаю, что мне нужно поговорить с Саванной... наедине.

В голосе Бека звучит угроза:

— Нет, — и почти в то же время Джуд говорит:

— Тебе чертовски не повезло.

Марк перемещается, чтобы видеть меня, и вскидывает брови.

— Во-первых, ты в порядке? — Я устало киваю ему, и он продолжает. — Хорошо, а то я уж было забеспокоился. Я отправил заявление, которое ты подписала, по электронной почте, но пресса все еще в сборе. Кроме того, я привез тебе кое-что из одежды и туалетных принадлежностей из твоего дома. — Он оглядывает хмурых мужчин, стоящих перед ним, а затем снова смотрит на меня. — Кстати, о прессе, ты подумала о том, как... — он махает рукой в сторону мужчин в комнате, — ...это отразится на них? Они уже много лет слюной исходят от желания поставить тебя в пару с мужчиной, но с несколькими мужчинами? Ты думаешь, это разумно?

— К черту прессу и к черту тебя! — Джуд огрызается, и я делаю единственное, что могу сейчас сделать. Кладу голову на грудь Эша, закрываю глаза и позволяю ему гладить мои волосы. У меня больше нет сил спорить или бороться. Мне больно, и я слишком устала.

— Сейчас 2023 год, пресса — это просто пиздец. Посмотри! Кроме того, это не их дело, с кем она, и не твое.

— Если ее зовут Севан и то, что она делает, влияет на наш бренд, то это мое гребаное дело. А ты кто такой, черт возьми? — Марк огрызается, а я еще глубже зарываюсь в грудь Эша, желая, чтобы они все ушли, и я могла бы побыть в тишине и покое.

— Нет проблем. Я женюсь на ней завтра, и тогда ты сможешь оставить себе эту гребаную фамилию, потому что у нее будет моя. Хочешь знать, кто я такой? Я тот ублюдок, который прирежет любого, кто попытается снова обидеть мою куколку. В том числе и тебя!

Я стону:

— Джуд! Пожалуйста! У меня голова раскалывается. Марк, спасибо, что заглянул ко мне, но, пожалуйста, уходи. Я позвоню тебе завтра и все объясню.

Эш наклоняет нас вперед, но это только для того, чтобы он мог взять с кровати одеяло и накрыть нас им. Я не успеваю больше ничего сказать, как обезболивающие таблетки начинают действовать, и тепло Эша уносит меня прочь.

— Сэр! По правилам больницы она должна уезжать в инвалидном кресле.

— Нет, — бурчит Бек у меня под щекой, и я прищуриваю глаз, но быстро закрываю его от яркого флуоресцентного света, мелькающего мимо.

— Что происходит? Который час? — бормочу я.

Чувствую, как его губы касаются макушки моей головы.

— Мы тебя вывозим отсюда, дорогая. Сейчас четыре утра, и большая часть прессы уже ушла, так что мы сможем сделать это незаметно.

— Ммм, хорошо. Домой?

— Конечно. Держись крепче, мы быстро уложим тебя в постель.

Голова все еще болит, и я знаю, что должна бороться с этим, сказать ему, чтобы он положил меня и оставил в покое, но прошло много времени с тех пор, как кто-то заботился обо мне, и это просто чертовски приятно, поэтому я позволяю ему. Буду спорить завтра.

— Мы можем спорить до конца наших дней, персик. Я все равно буду заботиться о тебе. — Он говорит мне это с весельем, так что, похоже, я сказала это вслух. Мне нужно перестать находиться под действием лекарств рядом с этими парнями.

Мы останавливаемся, и я подумываю снова открыть глаза, но решаю, что не стоит, пока не слышу женский голос.

— Попробуйте разбудить ее, чтобы она приняла это. Они помогут при переезде, вот бутылка. Пусть она не борется за болью, а опережает ее. По крайней мере, несколько дней, а потом переведите ее на безрецептурные препараты.

Голова мучительно болит, и я решаю, что к черту все, завтра я перестану принимать таблетки, и поднимаю руку ладонью наружу, вызывая у Бека усмешку. Я чувствую, как в нее падают две таблетки, подношу их ко рту, затем беру зажатую в пальцах чашку с водой и, поморщившись, проглатываю их. Кажется, я бормочу слова благодарности, но мы снова движемся, а затем меня передают в другие руки, и меня окутывает цитрусовый аромат Джуда.

— Держу тебя, куколка. Засыпай. Я тебя держу.

Я так и делаю, и впервые за много лет чувствую, что нахожусь именно там, где должна быть.

Открываю глаза: к моей груди прижимается мохнатая голова, а дыхание собаки сильно загрязняет мое воздушное пространство. У меня все болит, но я все равно поднимаю руки и роюсь в его шерсти, чтобы почесать и погладить моего самого большого героя. Я коротко поговорила с Сарой, когда медики выносили меня из-под деревьев к машине скорой помощи, и она рассказала мне, что в одну секунду Мо спокойно шел рядом с ней, а в другую, вырвал поводок из ее руки и помчался галопом. Она сказала, что они были не так далеко от того места, где нашли меня, но она не слышала, как я звала на помощь. Каким-то образом мой большой зверь услышал меня и пришел на помощь.

Однажды я прочитала, что собака — это Бог, никогда не верила в это так сильно, как сейчас, когда он приоткрыл один глаз и смотрит на меня, а на моей груди образовалась лужа слюны. На груди, обтянутой футболкой, которую я не узнаю. Я натягиваю ее на нос, чтобы отвлечься от собачьей вони, и тут на меня обрушивается запах цитрусовых. Я пытаюсь досадовать на то, что Джуд, должно быть, раздевал меня, чтобы надеть на меня свою футболку, но... это же чертов Джуд. Он ураган, который дует, куда хочет.

Стягиваю футболку обратно, и мои глаза пересекаются, когда маленький синий грузовичок из спичек, зажатый в крошечных пальчиках, приближается, чтобы ударить меня по носу. Смещаю взгляд в сторону и вижу, что на меня смотрит ухмыляющееся лицо ангела.

— Сави! Тебе нравятся грузовики?

Смотрю мимо него и вижу, что я НЕ в своей спальне, поэтому вздыхаю и говорю единственное, что я могу сказать серьезным тоном:

— Я люблю грузовики, и машины, и автобусы, и поезда. Я люблю все, что имеет колеса. Мой голос звучит как голос умирающей лягушки, что заставляет милашку хихикать.

— Как тебя зовут, красавчик?

Он водит своим маленьким грузовичком по моему лицу над моими губами и запускает его, чтобы тот приземлился на большую голову Мо, с криком:

— Таннер!

Мо издает вокальный стон одновременно с тем, как один из них доносится от двери.

— Тан! Мы же просили тебя подождать, пока она проснется.

Джуд подходит к кровати и берет мальчика на руки, отчего тот снова вскрикивает.

— Моя Сави!

Джуд подмигивает мне и говорит ему:

— Вставай в очередь, приятель. Вставай в очередь.

Он подбрасывает его в воздух идя до двери и ставит возле нее.

— Иди поиграй. С Сави ты сможешь повидаться позже.

Таннер кричит: «Щенок!» Я удивляюсь, что это его единственный уровень громкости, а затем стону, когда Мо сползает с меня, надавливая на мое больное тело, и спрыгивает с кровати, чтобы погнаться за маленьким мальчиком с вертолетным вилянием хвоста.

Джуд возвращается на кровать и протягивает две белые таблетки. Я бросаю на него взгляд, когда выхватываю одну из них, а не обе. Мне больно, но теперь, когда я знаю, что нахожусь не дома, мне нужно быть начеку. Прошлой ночью я ослабила бдительность перед всеми ними, потому что чувствовала себя уязвимой и испытывала боль после того, что произошло, но моя стена и маска снова на месте.

— Вы меня похитили.

Он с ухмылкой протягивает мне стакан с водой.

— Можешь не сомневаться. Ты ранена и, возможно, в опасности. Что, по-твоему, я собирался сделать?

Возвращаю ему стакан и откидываюсь на подушки.

— Ты мог бы сделать, как я сказала, и отвезти меня домой. Ты не можешь держать меня здесь вечно, Джуд.

Он забирается на кровать и садится лицом ко мне.

— К черту это. Вечность начинается прямо сейчас, куколка. Я буду повторять тебе это снова и снова, пока ты не вдолбишь это в свою великолепную голову. Ты моя, наша, и мы тебя не отпустим. Я люблю тебя, куколка. Не могу прожить без тебя ни минуты.

Снова запускаю руки в волосы и морщусь, когда дотрагиваюсь до набухшего бугорка.

— Почему сейчас? У тебя были годы, чтобы приехать за мной, если ты действительно это имеешь в виду. Не то чтобы ты не мог меня найти! Ты послал достаточно дерьма ко мне домой и в мой офис. Нет, для вас всех это какая-то игра. Вы не верили в меня четыре года назад, а теперь я не верю в вас. Хотите поиздеваться? Отделаться? Отлично, давайте. Пара хороших трахов выжжет меня из вашего организма, но все остальное не обсуждается. Ты... никто из вас, не имеет права голоса или контроля в моей жизни. Нет никаких «мы», и уж точно нет никакой «вечности», так что вбей это в свою бредовую голову!

Он смотрит на меня глазами, которые я не могу прочесть, почти целую минуту, заставляя меня начать жевать нижнюю губу в тревоге, прежде чем на его лице появится широкая ухмылка.

— Хм, ты еще не в той форме, чтобы я макал свою палку в твою варежку, но я могу послать тебе фото пениса, чтобы составил компанию, пока тебе не станет лучше, если хочешь. Конечно, тебе придется читать мои сообщения, если я так поступлю, верно? Тебе придется просмотреть все сообщения за четыре года, чтобы понять, в какую игру я играю. — Он соскальзывает с кровати и поднимается на ноги. — Поскольку секс сейчас не обсуждается, тебе придется довольствоваться тем, что мы позаботимся о тебе. — Он идет к двери и оглядывается. — Тейт готовит тебе завтрак. Ты должна выйти и съесть что-нибудь. Тебе станет легче.

Отвечаю ему тем, что заползаю обратно на кровать и поворачиваюсь на бок, чтобы повернуться к нему спиной. Я слышу, как тихо закрывается дверь, и облегченно выдыхаю. Он... они... не смогут этого сделать, больше не смогут. У них было больше четырех лет, чтобы попытаться исправить то, что они сломали, но ни один из них даже не попытался. Я не считаю сообщений, писем, подарков и цветов, которые они присылали. Если они хотели исправить то, что сломали, они должны были, блядь, прийти, посмотреть мне в глаза и сделать это лично. К черту их второй, нет, третий шанс!

Мой взгляд падает на телефон, лежащий на тумбочке. Мобильник, полный сотен, если не больше, текстовых сообщений и голосовых писем, которые я так и не прослушала, но и не смогла заставить себя удалить. Сужаю глаза, глядя на эту чертову штуку, а потом закрываю их, чтобы не смотреть на нее и не думать о том, что могут содержать эти сообщения.

Напрягаюсь, когда дверь снова открывается, и слышу, как Тейт произносит мое имя.

— Сави? Я принес тебе завтрак и кофе. Ты будешь есть? Не стоит принимать эти таблетки на голодный желудок.

Когда я не отвечаю, он вздыхает, и я слышу, как он ставит что-то на другую

прикроватную тумбочку и уходит. Как только дверь закрывается, я сажусь и тянусь за тарелкой. Он приготовил мне два яйца-пашот, тосты и небольшую тарелку свежих фруктов, мой живот урчит от желания поесть, поскольку последний раз я обедала накануне.

Пока я ем и пью кофе, мучительно глотая его, я осматриваю комнату, в которой нахожусь. Это явно гостевая комната, оформленная в нейтральных тонах, без каких-либо личных штрихов. Я немного удивлена, что Джуд не последовал своему стандартному плану и не положил меня в свою кровать. Закатываю глаза при мысли о том, что, возможно, он немного повзрослел и услышал мои слова, предоставив мне хотя бы собственное пространство. А может, и нет. Я здесь вместо своего собственного дома.

Здесь три двери и стеклянные французские двери, которые, как я предполагаю, ведут на улицу. Я уже знаю, какая дверь ведет в остальную часть дома, поэтому я медленно сползаю с кровати, осторожно потягиваясь, но, когда пытаюсь подняться на ноги, у меня вырывается небольшой крик боли. Опускаю взгляд и вижу, что моя правая лодыжка распухла и обмотана тензорной повязкой. Ковыляю к первой двери и нахожу шкаф. Вздыхаю от досады, обнаружив, что в нем висит какая-то моя одежда, и вспоминаю, как Марк сказал, что привез мне некоторые вещи в больницу. За следующей дверью ванная комната с отдельной душевой кабиной и большой гидромассажной ванной. Все мои туалетные принадлежности разложены на тумбочке, но меня поражает мое отражение в зеркале.

На одной стороне лица возле виска темный синяк, а руки начинают трястись, когда я вспоминаю тот первый удар нападавшего. Волосы в беспорядке, взлохмаченные, и я замечаю в них несколько мятых листочков. Вдоль линии челюсти темное пятно, похожее на синяк, но при ближайшем рассмотрении оказывающееся грязью. Что действительно заставило мои ноги затрястись и ослабеть, так это следы вокруг горла. Могу различить несколько отчетливых синяков в форме пальцев, и мои глаза горят слезами, я была так близка к смерти от его рук.

Рвано втягиваю воздух, пытаюсь подавить рыдания, зарождающиеся в горле, и отворачиваюсь от зеркала. Не могу позволить себе думать о том, что могло бы случиться. Я жива, и мне нужно сосредоточиться на этом, поэтому я наполняю ванну и выхожу обратно, чтобы взять халат и удобную одежду из шкафа, а затем закрываю за собой дверь ванной.

Опускаюсь под горячую воду и ложусь на спину, чтобы тепло сняло боль. Стараюсь не думать об этом, но все, что произошло за последнюю неделю с тех пор, как они снова появились в моей жизни, вращается по кругу. Разногласия с Марком на работе и мрачные мысли о том, что он может быть виновен в тех событиях, которые со мной произошли, не дают мне покоя. После смерти отца он делал все возможное, чтобы поддержать меня. Раньше я жалела, что он не забрал меня к себе, а оставил на попечение Селесты. Однажды, несколько лет назад, я спросила его, почему он этого не сделал, и он ответил, что юристы посоветовали ему не делать этого. Он был молодым холостяком, который распорядился наследством моего отца, и Селеста грозила устроить скандал, если он попытается забрать меня. Дело было не в том, что она хотела меня, а в том, что я была единственным способом, с помощью которого она могла сохранить денежные потоки. Теперь я сомневаюсь во всех его мотивах и в том, что ему на самом деле нужна не я, а деньги.

На этот раз я не могу сдержать рыданий, когда понимаю, что, возможно, у меня вообще не осталось семьи. Подтягиваю колени к груди в воде и даю волю слезам. Я так чертовски устала. Устала быть одна. Устала от того, что приходится так много работать, чтобы держать всех на расстоянии, чтобы они не могли причинить мне боль, бросить меня. Я просто хочу

заснуть и больше никогда не просыпаться.

Замок на двери ванной вылетает, и в комнату влетает Тейт с озабоченным видом и согнутой скрепкой в руке. Его лицо смягчается, когда он видит меня в ванной, свернувшуюся калачиком и плачущую.

— Ах, детка, мне так жаль. Пожалуйста, не плачь.

Отворачиваю голову, чтобы посмотреть на кафель, и кричу:

— Я не просто так заперла эту дверь. Я хочу побыть одна.

— Извини. Мы очень ловко справляемся со скрепкой, чтобы взломать эти замки. Таннер запирается в комнате по крайней мере раз в неделю. — Он опускается на колени рядом с ванной и откидывает мои мокрые волосы с лица. — И я думаю, что ты и так провела слишком много времени в одиночестве, малышка. Отчасти это наша вина. В чем-то это плохой расклад, которая достался тебе. Можешь ли ты просто позволить мне, нам, позаботиться о тебе прямо сейчас? Ты можешь просто немного опереться на нас, детка? Пожалуйста, Сави?

Не могу заставить себя сказать "нет", поэтому просто опускаю голову на скрещенные руки, лежащие на коленях, и ничего не говорю. Тейт, видимо, воспринимает это как согласие, потому что берет с тумбочки бутылочку с шампунем и начинает нежно мыть мои волосы. Его пальцы сильные, но в то же время нежные, он превращает шампунь в пену, стараясь не слишком сильно надавливать на шишки и синяки на моей коже головы.

— Ты знаешь, у меня в детстве был довольно дерьмовый отец. Он не очень хорошо относился к моей маме. Ждал, что она все сделает для него, не ценил ее и никогда не говорил спасибо. Он был не лучшим примером того, как нужно относиться к женщине. Откинись назад, чтобы я мог все это смыть.

Он протягивает руку, чтобы включить ручную душевую насадку и установить температуру воды. Когда я обхватываю руками колени, он поднимает мой подбородок, чтобы я посмотрела на него.

— Я не в первый раз вижу тебя в ванной, малышка, но обещаю, что не буду подсматривать.

Уверенность в его глазах заставляет меня расслабиться настолько, что я откидываю голову назад. Он смывает мыло с моих волос, а затем берет кондиционер, чтобы помассировать мои волосы. Я закрываю глаза, когда мыльная ткань скользит по моей спине и рукам.

— Когда мы познакомились, я был очень похож на него. Незрелый, и немного задиристый. До этого все давалось мне очень легко. Футбол, девушки, популярность, мне не нужно было стараться, и я просто ожидал, что получу все, что захочу. Ты была первым человеком, который не хотел меня, не давала мне того, что я хотел, и это сделало меня еще большим придурком по отношению к тебе. К тому времени, когда я понял, что хочу тебя, хочу тебя так, как никого не хотел раньше, ты уже в первый раз сказала мне, чтобы я отвалил. Тогда я начал меняться, стараться быть лучше. Ты дала мне второй шанс, и мне показалось, что я сорвал джек-пот, но я все еще учился быть лучшим человеком, поэтому, несмотря на то что я влюбился в тебя, я все равно облажался. Позволил себе сомневаться в тебе. Поверил в ложь, которую Ванесса добавила к правде о тебе. Я снова стал тем самым озабоченным мудаком.

Он осторожно отводит одну мою руку от коленей и проводит по ней намыленной тряпкой.

— Как она посмела не сказать мне своего настоящего имени? Как она смеет скрывать от меня свою работу в качестве Бабочки? Она так же, как и другие женщины, играет, чтобы заполучить меня. Я чувствовал себя преданным, хотя не имел на это никакого права. Джуду потребовалось всего пять минут, чтобы выпытать у нее правду и расставить нас по местам, но это было слишком долго, и мы потеряли тебя.

Он поворачивает меня в большой ванне и моет мою вторую руку, а я не могу удержаться, чтобы не взглянуть на его лицо. На его лице столько грусти и сожаления, что у меня из уголков глаз покатались слезы.

— Это был самый худший день в моей жизни, малышка. Я знал, что у меня в руках было лучшее, что когда-либо случится со мной, и был слишком глуп, чтобы сохранить это. Знал, что тот парень не заслуживает тебя, и с тех пор я каждый день работал над тем, чтобы превратиться в того, кто тебя заслужит.

Он поднимает мою руку и кладет в нее мочалку, встречаясь умоляющими глазами с моими.

— Пожалуйста, Сави, дай мне шанс показать тебе этого мужчину. Будь смелой, и тебе больше никогда не придется быть одной.

Он поднимается на ноги и, бросив последний взгляд, уходит, оставляя меня домываться. Я шепчу его имя, как раз когда он доходит до двери, заставляя его оглянуться.

— Я была там.

Его брови хмурятся в замешательстве.

— В тот день, когда ты впервые вышел на поле в качестве профессионального игрока. Я была там, на трибунах, и чертовски гордилась тобой. Ты был не один.

На его лице отражается целая гамма эмоций, прежде чем он останавливается на чем-то, что заставляет меня подумать, что, возможно, мне следовало держать это в себе. Он с надеждой смотрит на меня, а затем осторожно закрывает дверь, оставляя меня одну.

Они оставляют меня в покое до конца дня, и это приносит облегчение. Все, что сказал Тейт, сильно задело меня и нашло отклик, чувствую себя противоречивой и подавленной. Я не понаслышке знаю, как воспитание может сформировать человека. Оба моих родителя умерли, когда я была совсем маленькой, поэтому я сторонилась мира, пряталась, чтобы не подпустить никого к себе слишком близко, чтобы они тоже не смогли меня бросить. Четыре года назад эти мужчины начали все менять. Я позволила себе влюбиться в них, заботиться, а потом сбежала, как только они меня подвели. Большая часть того, что произошло в ту ночь, была их виной, но я начинаю понимать, что все, что было потом, игнорирование их сообщений, писем и подарков, было моим страхом и желанием наказать их за то, что они меня подвели. Я не готова признать свою роль в этом, поэтому вместо этого использую этот день для того, чтобы обратиться к другим. Я начинаю с того, что звоню своей ассистентке.

— Что значит «Марк убрал мое расписание»? — раздраженно спрашиваю.

Работа единственное, на что я могу рассчитывать, чтобы не думать обо всем, с чем не хочу сталкиваться.

— Извините. Мистер Хэнсон заставил меня перенести все на следующую неделю. Он сказал, что вы будете отсутствовать в офисе, восстанавливаясь. Могу ли я сказать, что мне невероятно жаль, что это случилось с вами, мисс Севан? Все в офисе думают о вас и молятся о скорейшем выздоровлении.

— Спасибо, Мэнди. Я ценю это. Я поговорю с Марком и свяжусь с тобой.

Кладу трубку и сразу же звоню Марку. Я не могу взять на работе отгул на целую неделю!

— Саванна, милая, как ты себя чувствуешь?

— Я в порядке. Несколько шишек, синяков и вывихнутая лодыжка, но это все. Я только что разговаривала с Мэнди, и она сказала, что ты освободил меня от работы на всю следующую неделю. В этом нет необходимости! Я смогу прийти в понедельник.

Слышу, как он глубоко вздыхает по телефону.

— Принцесса, ты не в порядке. Ты пережила нечто ужасное. Тебе нужно взять неделю, отдохнуть, подлечиться и обратиться к своему старому психотерапевту. Дай себе время.

— Мне не нужно время. Мне нужно работать!

— Я не согласен. Саванна, с тех пор как ты начала работать, ты только и делаешь, что выкладываешься по полной. Ты работаешь больше, чем я, а я, черт возьми, генеральный директор! — Его тон суров, но смягчается, когда он продолжает. — Тебе нужен перерыв, малыш. Тебе нужно восстановиться и понять, что происходит с этими твоими мужчинами, которые просто появились из ниоткуда, и как ты собираешься представить это миру. Нравится тебе это или нет, но ты находишься под микроскопом. Я не осуждаю тебя, принцесса, но четверо мужчин не норма. В прессе появятся домыслы и предположения, и многие из них будут некрасивыми, если мы не опередим их и не представим все должным образом. Прошу тебя, Саванна, дай себе время разобраться во всем, прежде чем возвращаться. Ты уже достаточно пережила. Я не хочу, чтобы ты пострадала из-за мелких умов и бульварного мусора.

Хочу сказать ему, что прессе не о чем писать, но знаю, что это лишь желаемое за действительное. Пресса накручивает все, что угодно, лишь бы привлечь внимание, так что в

итоге я соглашаюсь на неделю. По крайней мере, мои синяки к тому времени достаточно сойдут, чтобы их можно было замаскировать. Хмуро смотрю на свою лодыжку, прислоненную к подушке. Пока она не заживет, от высоких каблуков придется отказаться больше чем на неделю.

— Я зайду к тебе завтра, чтобы проведать, принцесса. Дай мне знать, если нужно будет что-нибудь для тебя забрать. — говорит мне Марк.

— Спасибо, Марк, но сейчас я живу не в своем доме, так что не беспокойся об этом. — Он начинает спрашивать, где я, но я поспешно прощаюсь и отключаю звонок.

Презираю свои сомнения по поводу Марка. Я всегда ему полностью доверяла, и мне еще больше не нравится, что слова Селесты намекают на что-то зловещее, что я не принимала во внимание, но теперь вынуждена пересмотреть свое мнение.

Следующий мой звонок Стелле, и она сразу же переходит к обороне.

— Не злись на меня! Что я должна была делать, когда Джуд позвонил мне с твоего телефона и сказал, что кто-то может попытаться тебя убить? Ты знаешь, что я всегда прикрою тебя, когда речь заходит о похождениях, подруга, но мы говорим о твоей жизни! Укрыться за воротами с четырьмя большими сильными мужчинами, которые будут присматривать за тобой, разумная игра.

Закрываю глаза в отчаянии и издаю стон:

— За что именно я должна на тебя не злиться?

Стелла несколько секунд молчит, прежде чем осторожно ответить.

— Я вроде как впустила Джуда в твой дом, чтобы он собрал тебе вещи и забрал Мо. Он сказал, что ты собираешься пожить у них какое-то время.

Медленно киваю, поджав губы, хотя она меня не видит.

— Итак, ты, по сути, стала соучастницей похищения. Понятно.

Она стонет:

— Ах, черт. Ты не пошла добровольно?

— Довольно трудно дать согласие, когда ты под кайфом от обезболивающих больничного уровня. Но я сказала им всем перед тем, как отключиться, что не пойду с ними домой, так что, да, похитили и задобрили собакой.

— Черт, ну ладно... Хочешь, я приду и похищу тебя обратно? Могу привести вышибал из клуба, чтобы они завалили твоих мужчин, пока я помогу тебе вылезти из окна.

— Они... не... мои... мужчины, Стелла!

— Ага, конечно. Послушай, детка, пришло время для жесткой любви. Я знаю, что ты постоянно говоришь об этом, но давай на минуту станем реалистами. Вы пятеро были связаны друг с другом все это время. Я всегда буду в команде Сави, но последние четыре года и они тоже. Я никогда не настаивала на этом, потому что с их стороны это было просто преследование. Но теперь? Теперь, когда они здесь и ведут свою игру? Пора разобраться с этим дерьмом. Это продолжается уже достаточно долго. Тебе нужно либо уладить это дерьмо и жить с ними долго и счастливо, либо покончить с этим, чтобы жить дальше.

Когда я ничего не отвечаю, она разочарованно вздыхает.

— Детка, перестань, ты все еще заиклена на них. За исключением нескольких недель слез и обновления гардероба, ты никогда не делала того, что делают большинство девушек после разрыва. Ты не обрезала челку, не покрасила волосы и не занялась пьяным сексом. Ты просто ушла на работу и закрылась в себе. Сав, ты не порвала с ними, а они не порвали с тобой. Вы просто превратили все, что у вас было, в четырехлетний разрыв на расстоянии.

Они все это время унижались, чтобы вернуть тебя, так что либо поговори с ними и прости их, либо расстанься с ними навсегда.

Жую губу и тру между глаз, ненавидя то, что она права.

— Но разве не следует просить прощения лично? Если бы они действительно хотели все исправить, разве хотя бы один из них не должен был появиться до этого момента?

— Может быть, у них была веская причина не явиться. Ты не узнаешь, если не поговоришь... с ними.

Делаю глубокий вдох и выдох.

— Ненавижу, когда ты играешь со мной в психотерапевта и придумываешь всякие смыслы и прочее дерьмо. Это раздражает.

— Ага, я тоже тебя люблю, детка. Только знай, я обещаю, что если они опять все испортят, то я буду в бешенстве. Я обрушу на них всю свою ярость, если они снова причинят боль моей девочке.

Стелла заставляет меня улыбнуться в первый раз за сегодня.

— Хорошо, люблю тебя, пока.

— Люблю тебя, пока.

Она отвечает эхом на наше стандартное прощание друг с другом, и я роняю телефон на колени.

Джуд находит меня с наступлением вечера, и его терпению, видимо, пришел конец, потому что, не говоря ни слова, он подхватывает меня на руки и выносит из комнаты. Опускаю глаза и молчу, пока он идет на задний двор и опускает меня в кресло у большого стеклянного стола в патио. На столе стоят шесть приборов, готовых к трапезе, и я машинально тянусь к стакану с водой, стоящему рядом с моей тарелкой, и осушаю его длинным глотком. Я игнорирую боль с тех пор, как закончилось действие последней таблетки, и Джуд, словно прочитав мои мысли, меняет пустой стакан на полный и ставит рядом баночку с таблетками. Я снова достаю одну вместо двух и не обращаю внимания на его хмурый взгляд. Завтра я спрошу, есть ли у них что-нибудь безрецептурное.

— Вот она. Надеюсь, ты проголодалась, малышка. Мы приготовили кучу стейков, а также печеный картофель и овощи на гриле.

Тейт улыбается мне, ставя в центр стола поднос с блюдами барбекю. Выходят Эш и Джуд, неся еще блюда с гарниром, а затем выходит Бек с сыном на плечах.

— Сави! Пойдём, поиграем? — кричит он, слегка нахмурившись, но Бек снимает его с плеч и опускает в детское кресло в конце стола.

— Время ужинать, приятель. У Сави кое-что случилось, поэтому ей сегодня нужно отдохнуть. — Он бросает на меня встревоженный взгляд. — Может быть, завтра?

Мой взгляд возвращается к его сыну, который смотрит на меня с надеждой, поэтому я улыбаюсь ему и киваю.

— Да, я с удовольствием поиграю с тобой завтра. Мне нужно осмотреть все твои грузовики и машины. Убедиться, что все они готовы для следующей гонки.

Он подпрыгивает на своем стуле с широкой ухмылкой, показывая мне свои идеальные детские зубки, и кричит:

— Гонки! Папа! Сави будет гонять со мной!

Бек бросает на меня мягкий взгляд благодарности, в котором нет необходимости. Я бы никогда не стала наказывать его сына за то, что происходит между нами. Он начинает нарезать еду на тарелке Таннера, и я отворачиваюсь, как раз когда Мо вваливается и подходит ко мне, чтобы ударить меня головой в бок. Мои руки автоматически тянутся к его голове, чтобы дать ему любовь.

— И где ты был весь день? — спрашиваю я его, а он одаривает меня восторженной собачьей ухмылкой. Оглядываюсь через плечо, мимо массивного бассейна и джакузи, и вижу широкую лужайку с высокой стеной вдалеке.

— Держу пари, тебе нравится, когда вокруг столько места для бега. Правда, мой большой и сильный мальчик? Кто самый красивый мальчик? Ты, не так ли?

Поднимаю голову и вижу, что все их глаза прикованы ко мне, и по моей шее пробегает румянец от того, что они видят, как я глупо веду себя с собакой. Джуд широко ухмыляется, но со смехом отворачивается.

Чувствуя себя защитником, я огрызаюсь:

— Что?

Он вздергивает брови, продолжая ухмыляться.

— Ну, я думаю, ты только что открыла для меня новую изюминку. Я хочу услышать, как ты скажешь это еще раз, но медленнее, и мне. Ты только что заставила мои мальчишеские

части стать больше.

Мне приходится сильно сжать губы, чтобы остановить улыбку и смех, которые хотят появиться, и я чувствую укол в груди. Я скучала по безумию Джуда больше, чем думала. Я отворачиваюсь от него, чтобы он не увидел этого в моих глазах, и смотрю на Эша.

Он смотрит на меня сузившимися глазами.

— Как ты себя чувствуешь? Не говори, что хорошо, Сави. Есть помутнение зрения? Головокружение или тошнота?

Его вопросы напоминают мне, что вчера он был в больнице в медицинской одежде, поэтому я качаю головой в ответ и задаю свой вопрос.

— Ты работаешь в больнице?

— Нет. Я работаю в «Кингз» в тренировочном штабе. У них есть программа обмена с больницей, чтобы наблюдать за работой ортопедического отделения и спортивной клиники. Что с твоей лодыжкой и бедром? Как отеки? Есть резкие боли?

Все они сейчас смотрят на меня, ожидая моих ответов, и мне становится не по себе, поэтому я протягиваю руку, чтобы взять с подноса куриную грудку и посмотреть куда-нибудь не на них.

— Моя лодыжка все еще опухшая и не любит слишком большой нагрузки. Бедро в порядке, только немного болит и ушиблено.

— Это хорошо. Как насчет...

— Дай ей поесть, чувак. Она ничего не ела с завтрака. — Тейт прерывает его и поворачивается ко мне. — Мы приготовили тебе обед, но, когда я принес его тебе, ты разговаривала по телефону, так что я не хотел тебя беспокоить.

Добавляю еще еды в свою тарелку, не поднимая глаз.

— Спасибо, но не волнуйся. Я часто слишком занята для обеда, так что ничего страшного.

Разговоры сведены к минимуму, все погрузились в еду, за исключением Таннера, который поддерживает непрерывный поток болтовни о том, что он делал и видел в парке, на каких грузовиках лучше всего гонять, синих или желтых, и как он собирается позже пойти купаться со своим дядей Чуваком. У него довольно хороший словарный запас для такого маленького ребенка, даже если он все еще испытывает трудности с некоторыми согласными.

Еда и тарелки убраны, и Паула, няня, которую мне представили, уводит Таннера, чтобы он привел себя в порядок и переоделся в комбинезон для плавания. Я машу ему в ответ, когда он машет мне через плечо, и смотрю на Бека.

— Он потрясающий, Бек. Совсем не стесняется меня.

Мягкая улыбка пересекает его лицо.

— Он бы и не стеснялся, только не с тобой. Он всю жизнь слышал твое имя, дорогая.

Это заставляет меня слегка нахмуриться. Конечно, его мать не оценила этого. Бек, должно быть, прочитал по моему лицу, что я думаю, потому что он начинает качать головой.

— Она не участвовала в его жизни с тех пор, как ему исполнился месяц. — Он ждет, что я отвечу на это, но мой хмурый взгляд только усиливается, поэтому он объясняет.

— Мы с биологической матерью Таннера... это был пьяный перепихон, когда я был в довольно мрачном состоянии. Честно говоря, я даже не помню ту ночь. Больше я ее не видел, пока она не появилась через месяц после рождения Таннера и не сказала, что не хочет его. Сказала, что если я не заберу его, то она подбросит его в пожарную часть.

Я не могу сдержать шок и недоверие на своем лице, когда говорю:

— Вот так просто? Она бросила его и больше не оглядывалась?

Джуд разразился горьким смехом.

— О, она оглядывалась, конечно. Каждый раз, когда у нее заканчивались деньги, она возвращалась и угрожала, что заберет его у нас.

Мой взгляд возмущенно перескакивает с Джуда на Бека.

— Она может это сделать? Она может забрать его, даже если он ей не нужен?

Мрачная улыбка растягивает губы Бека.

— Уже нет. Вчера, когда вы с ним встретились? Мы были там на последней встрече с адвокатами и представителем суда. Она наконец подписала бумаги, отказываясь от всех прав на него. Теперь он мой, наш, полностью.

Я не думаю о том, что говорю, слова льются сами собой.

— Не могу поверить, что мать может так поступить. Я бы все отдала, чтобы иметь...

Прерываю себя быстрым, затяжным вдохом и не заканчиваю фразу. Вместо этого я пытаюсь подняться на ноги, балансируя на одной ноге.

— Я... я думаю, что сейчас я хотела бы лечь спать. Спасибо тебе за...

— Сави, это была моя вина. Они не пришли раньше, потому что...

— Джуд! Не мог бы ты помочь мне дойти до моей комнаты? — Я почти умоляю. Не могу здесь оставаться. Не могу слышать, что Бек хочет сказать мне, когда мои эмоции так близко к поверхности. Мне нужна минута, чтобы взять свои чувства под контроль, но тут выходит Паула с Таннером и малыш кричит Джуду, чтобы он залезал в бассейн, поэтому Эш обходит стол и поднимает меня на руки, повторяя то, что он сказал в больнице в последний раз, когда я сломалась.

— Все хорошо. Я тебя держу.

Ожидаю, что он протянет мне плечо, но, как и Джуд, он поднимает меня на руки и несет обратно в дом, в мою комнату.

— Тебе следует выслушать его, Сави. Бек несет на своих плечах много вины. Ему нужно, чтобы ты выслушала то, что он хочет объяснить.

Эш усаживает меня на кровать, поворачивается, идет к комоду и приносит комплект шелковой пижамы. Его большая рука хмуро проводит по шелковистому материалу.

— Никакой пушистой пижамы с мультиками?

Беру у него одежду с пустым выражением лица.

— Я больше не та девушка, Эш. Вы все должны это понять.

Он хмурит брови, подходит ближе и проводит по моей щеке, наклоняя голову так, чтобы я встретила с ним взглядом.

— Да, точно так же как тебе нужно понять, что мы уже не те тупые парни, которые облажались. Мы уже взрослые мужчины, ангел, и мы все знаем, чего хотим.

Его выражение лица недвусмысленно говорит, что это я. Я отстраняю его руку от себя и бормочу напряженное:

— Спокойной ночи.

Он со вздохом опускает руку на бок, отступает назад и выходит, закрыв за собой дверь. Мои пальцы напрягаются, сжимая шелк, мне все это дается чертовски тяжело. Слишком много всего, чтобы разобраться в этом прямо сейчас. Я хочу просто лечь спать и забыть обо всем, поэтому я откладываю шелк в сторону и стягиваю футболку через голову, а затем снимаю лифчик. Только взяла в руки пижамный топ, чтобы надеть его, как дверь распахивается, и входит Эш, снова заставляя меня испуганно прижать ткань к своей

обнаженной груди. Он замирает, глядя на меня горячими нефритовыми глазами, а затем мои глаза вспыхивают, когда он одной рукой тянется через плечо и стягивает с себя футболку.

Я заикаюсь:

— Э-эш... я...

Покрытые чернилами мускулы движутся ко мне. Между моих бедер вспыхивает жар от того, как чертовски красиво его тело, но он лишь стягивает футболку через голову и оттягивает шелковый топ, чтобы я могла просунуть руки в рукава. Его глаза напряженно смотрят на меня, когда он наклоняется ко мне.

— Я никогда не видел тебя в своей одежде, ангел. Я буду спать спокойнее, зная, что сегодня ты носишь мой запах рядом со своим сердцем.

Сдерживаю небольшой вздох, и его руки перемещаются с моих плеч вверх и зарываются в мои волосы.

— Я ждал этого шесть долбанных лет, милая, но не могу ждать больше ни секунды.

Тяжело сглатываю и спрашиваю:

— Чего ты ждал?

Его губы растягивает улыбка.

— Чтобы поцеловать мою Бабочку. Чтобы поцеловать тебя, Сави, женщину, которую я люблю.

Он не дает мне времени протестовать, когда его рот прижимается к моему, а пальцы сжимаются вокруг моей головы. Это не страстный поцелуй. Он разрушает душу. Он вложил в этот поцелуй столько эмоций, что у меня закружилась голова, а руки вцепились в его предплечья, чтобы не дать мне провалиться в яму, из которой я никогда не смогу выбраться. Его язык скользит по моему, углубляясь, и из меня вырывается хныкающий стон. Этот поцелуй уносит в такие глубины, о которых я и не подозревала.

Когда он наконец отстраняется, моя грудь вздымается, и я пытаюсь перевести дыхание. Он проводит большим пальцем по моей нижней губе, провожая этот жест взглядом, но когда эти нефритовые глаза снова находят мои, то от благоговения и любви в них наворачиваются слезы. Он отступает на шаг и кивает мне.

— Это стоило каждой чертовой минуты ожидания. Спокойной ночи, ангел.

Я долго сижу после его ухода, мой мир потрясен до глубины души, а потом наконец сворачиваюсь калачиком посреди кровати, укутавшись в футболку Эша и вдыхая его запах.

Я нахожусь в другом конце комнаты и наблюдаю за самой красивой женщиной, которая лежит на животе и играет с моим сыном, а в нескольких футах от нее спит ее огромный пес. Таннер не переставал хихикать в течение последнего часа, пока Сави строила для него международную гоночную трассу. Она разделила его машины и грузовики на разные группы по тому, на какую национальность, по ее мнению, они похожи, а затем своим скрипучим голосом сделала им смешные голоса с акцентами, и Таннер был очарован этим. Она берет в руки пикап с рогами на капоте и протягивает ему.

— Это определенно ковбойский грузовик, поэтому мы добавим его в американскую группу.

Она покачивает им и делает вид, что говорит за него голосом Йосемитского Сэма.

— Чума! В этой гонке мы устроим им, иностранным аппа-ра-там, американскую взбучку. Йа-ху! Невозможно победить старую добрую американскую сталь!

Таннер забирает грузовик со своим собственным "Йа-ху!", а Сави переходит к машинам с сильно преувеличенным итальянским, а затем французским акцентом. Я так чертовски влюблен в эту женщину, что у меня буквально сердце болит. Когда я вижу, как она играет на полу с моим сыном с таким терпением и неподдельным удовольствием, у меня внутри заполняется дыра. Я так хочу, чтобы она была моей, чтобы она была с Таннером, и чтобы мы создали семью, которой всегда должны были быть.

К тому времени, как они разделили гору игрушек и приготовились к первому заезду, Паула приходит, чтобы взять Таннера на сон. Он начинает капризничать, но Сави садится и усаживает его к себе на колени. Она смотрит на него серьезным взглядом и говорит:

— Да! Это самая большая гонка в истории. Мы должны отдохнуть перед ней, чтобы быть готовыми для лучших результатов! Ты же не будешь стартовать без меня, правда? Мне нужно вздремнуть, чтобы я тоже была готова.

И вот так Таннер начинает кивать головой в знак согласия. Он хватается Сави за щеки, небрежно целует ее прямо в губы и говорит ей самым серьезным тоном,

— Запад должен быть готовым!

Она так же серьезно кивает в ответ и передает его улыбающейся Пауле. Я не могу оторвать от нее глаз, когда она провожает их взглядом до двери с таким тоскливым видом, что мне хочется прижать ее к себе и наполнить ее чрево еще одним моим, нашим ребенком. Хочу дать ей все, что она когда-либо хотела. Хочу подарить ей десять детей, которых она будет любить. Ее взгляд отрывается от двери и встречается с моим на другом конце комнаты, и все это просто выплескивается из меня.

— Я хочу, чтобы он был твоим. Я не могу изменить, кто его родил, да и не хочу, потому что он не стал бы таким, какой он есть, если бы я это сделал, но ты могла бы стать его матерью. Мы могли бы стать семьей, дорогая.

Ее глаза цвета летнего неба тут же наполняются слезами, она отдергивает голову, и я иду через всю комнату, перешагивая через игрушки, и опускаюсь перед ней на колени. Легко взяв ее за подбородок, я заставляю ее встретиться со мной взглядом.

— Я во многом виноват, почему они не пришли за тобой раньше. Его мать... она много угрожала, чтобы вытянуть из нас деньги. Она из тех женщин, которые перейдут любую

черту, чтобы добиться своего. Мы знали, что если мы будем с тобой, то она будет нацелена и на тебя. Ты очень богатая женщина, дорогая, и пресса пристально следит за тобой. Она бы нашла способ использовать это против тебя, против нас, с целью получить еще большую сумму. Мы не могли допустить, чтобы ты пострадала из-за нее.

Она смахивает слезы.

— Она была бы не первой меркантильной сукой, с которой я столкнулась, но если это было так, то что изменилось сейчас?

Я провожу пальцами по ее мягкой щеке и жалею, что ее волосы не распущены. Хочу провести пальцами по их шелку.

— По-прежнему есть опасения, что она будет создавать для нас волны. Джастин не из тех, кто будет заботиться о соглашении о неразглашении, которое она подписала за тот последний чек. Если она считает, что может заработать на продаже истории прессе, она, вероятно, так и поступит, будь то судебный иск или нет. Но теперь она не может забрать его у меня. Она подписала передачу прав, и суды убедительно доказали, что он ей не нужен. Это и обмен команды — все, чего мы ждали, чтобы вернуться за тобой. Мне жаль, что это заняло так много времени. Пожалуйста, не вини в этом других.

Она отводит полные сомнения глаза от меня.

— Это... слишком много, чтобы принять, Бек. Я не виню тебя за Таннера, я бы никогда не стала. Он удивительный подарок миру, но я не могу просто игнорировать то, что произошло между нами, и все прошедшие годы. Ты не можешь просто щелкнуть пальцами и сделать нас семьей. Я не могу просто отдать тебе свое сердце, особенно с Таннером. С ним ставки намного выше. Я едва выстояла, когда ты в последний раз разбил мне сердце. Если я позволю себе полюбить этого ребенка и все это снова взорвется, это убьет меня. Я не смогу пережить и его потерю.

Она отходит назад и неловко встает на ноги с больной лодыжкой, затем ковыляет прочь, но я пока не могу ее отпустить. Мне нужно попытаться объяснить, что произошло, поэтому я снова усаживаю ее к себе на колени, обхватываю руками за талию и прижимаюсь к ее лицу, чтобы заглянуть в эти глаза, которые так долго видел в своих снах.

— Могу я рассказать тебе, что произошло той ночью? Почему мой испорченный мозг автоматически отправился в самое темное место, хотя я знал, что твоя сестра ядовитая стерва?

Глаза Сави становятся грустными и скользят в сторону, но мне нужно, чтобы она слышала и поняла меня, поэтому я продолжаю.

— Это было из-за моей... мамы.

Ее голубые глаза возвращаются к моим и наполняются состраданием, а ее руки поднимаются и накрывают мои, заставляя мое сердце замирать от того, насколько чертовски милой является эта женщина. Даже после того, что я с ней сделал, в ней все еще так много любви, как бы она ни пыталась это скрыть.

— Я ведь рассказывал тебе о ней, да? Как она покончила с собой, когда я был еще ребенком? Я знал, что это меня подкосило, но не понимал, насколько сильно, пока ты не ушла. У меня никогда не было девушки, и я никогда не брал на себя никаких обязательств. Я понял, что в моей голове постоянно крутится мысль о том, что они тоже меня бросят, и я не мог рисковать тем, что это случится снова. Моя мама, человек, который всегда должен был ставить меня на первое место... выбрала смерть вместо меня. И если она так поступила, как я мог доверить кому-то другому выбрать меня? Персик, когда эта сука сказала все эти вещи о

тебе, я сильно вздрогнул. Я высосал всю любовь, которую испытывал к тебе, чтобы, если ты не выбрала меня, я смог выжить. Я был трусом, и ты за это поплатилась.

Выдыхаю всю боль, которую это до сих пор причиняет мне, и прижимаюсь лбом к ее лбу.

— Я больше не хочу бояться. Таннер показал мне, что любовь, настоящая любовь, означает, что ты должен быть храбрее, чем когда-либо прежде. В ней нужно быть героем. Это значит, что нужно быть напуганным до безумия и все равно делать это. Пожалуйста, персик, позволь мне быть твоим героем?

Глаза Сави закрываются, и она издает малейшее хныканье, и я краду его губами. Я вкладываю в этот поцелуй все, что у меня есть, а затем отпускаю ее, чтобы помочь ей подняться, слишком боясь толкнуть ее еще дальше. Она прижимает пальцы к губам, в ее глазах вспыхивают эмоции, которые я не могу прочесть, а затем поворачивается и ковыляет прочь.

Мо переворачивается на спину, здоровается со мной и уходит вслед за ней.

Через несколько минут приходит Джуд и садится со мной на игровой коврик.

— Она хочет его, это ясно как день.

Я бросаю на него взгляд.

— Ты слушал?

Он ухмыляется.

— Конечно, я, блядь, слушал. Не думал, что могу любить ее больше, чем уже люблю, но то, как она играет с Таннером, еще больше подняло ее в моих глазах. — Он мечтательно вздыхает. — Не могу дождаться, когда увижу ее большой и круглый живот с нашим следующим ребенком.

Он так чертовски уверен в этом, и я хотел бы иметь хоть толику его веры в то, что у нас все получится.

— Ты действительно думаешь, что она даст нам еще один шанс?

Его мини улыбка превращается в ухмылку.

— Бек, чувак, у моей куколки есть толстая, блядь, стена вокруг сердца, за которой она прячется, но сейчас она вся в трещинах, которые становятся все больше с каждым мгновением, проведенным с нами. Поверь мне, это всего лишь вопрос времени и еще нескольких удачных выстрелов, которые разрушат эту хреновину.

Я усмехаюсь:

— Ты говоришь об этом как о войне.

Он медленно кивает, поднимаясь на ноги.

— Потому что так оно и есть. Мы ведем войну за ее сердце и наше совместное будущее. Не прекращай сражаться сейчас, брат.

Нахожу Сави на кухне, прислонившуюся к стойке и потягивающую из бутылки воду. Она опять слишком много думает о всякой ерунде, так что пора ударить по ее стене в другой области. Мне нужно, чтобы она чувствовала, а не думала, чтобы добиться прогресса. Она настороженно смотрит на меня, когда я подхожу к ней, обхватываю за талию, поднимаю на стойку и оказываюсь между ее ног.

— Кто бы мог подумать, что плохой ковбойский акцент может быть таким чертовски сексуальным?

Это вызывает у нее легкую улыбку и нежно-розовый румянец, который так и хочется слизать.

— Куколка, скажи мне, что тебе не больно. Скажи мне, что ты чувствуешь себя хорошо, потому что мне отчаянно хочется слизать весь розовый цвет с твоей киски.

Ее зрачки мгновенно расширяются, и она стонет. Это достаточно положительный ответ для меня, поэтому я провожу руками по ее бедрам и под шортами, в которые она одета, и слегка натягиваю их.

— Подними свою сладкую попку, куколка, чтобы я мог добраться до самого интересного.

Ее пальцы смыкаются на моих запястьях, и она полусерьезно качает головой.

— Ты не можешь... не здесь... Таннер, няня!

Моя костяшка тянется к ее уже влажным трусикам, заставляя ее отрицание вырываться с небольшими вздохами.

— Ну-ну, они не выйдут, пока он не проснется. Дай мне то, что я хочу, детка, или я возьму это.

Придвигаюсь и скольжу ртом по гладкому спуску ее шеи, пытаюсь зацеловать каждый синяк и отметину, которые сделал этот ублюдок.

— Я же говорил тебе, что ты позволишь мне делать с твоим телом все, что я захочу, так что позволь мне. Позволь мне просунуть язык в твою киску и попробовать твои сливки. Я хочу сосать твой клитор до тех пор, пока ты не кончишь мне на лицо. Хочу провести языком по твоему телу, чтобы почувствовать, как ты пульсируешь и сжимаешься, когда кончаешь. Дай мне то, что я хочу, куколка.

Ее бедра слегка приподнимаются, а голова откидывается назад, чтобы дать мне лучший доступ к ее шее. Поцелуи легкие и нежные, чтобы не повредить ее раны, я стягиваю с нее шорты и трусики, пока они не соскальзывают с ее ног на пол. Провожу руками вверх по ее телу и задираю футболку, оставляя ее только в черном кружевном лифчике, и мой член болезненно пульсирует при виде ее распростертой и мокрой на моем столе, ожидающей, когда я приготовлю из нее обед.

Наверное, я слишком долго смотрю на нее, потому что она выгибает бровь и поднимает подбородок, как бы спрашивая, чего я жду. Провожу языком по зубам, ухмыляясь. Секс, это когда она снова обретает уверенность в себе. Когда она думает, что снова контролирует ситуацию. Бедная куколка не догадывается, что это еще один способ прорваться к ней, поэтому я опускаюсь на колени и пирую.

Ее спина прогибается, когда я вылизываю каждый дюйм ее жара, а затем обвожу ее клитор, втягивая его между губами, чтобы сосать и нежно покусывать. Ее стоны и крики

музыка для моих ушей, когда я просовываю два пальца глубоко внутрь нее и трахаю ее ими плавно и непрерывно. Когда она задыхается, я смотрю на ее тело и провожаю взглядом Тейта, прислонившегося к дверному проему и пожирающего ее глазами. Идеальное, блядь, время.

— Ммм, куколка, посмотри на это. Посмотри, как он голоден. Хочешь, чтобы Тейт сосал твои соски, пока я буду тебя есть? Два рта на твоём теле всегда лучше, чем один, верно?

Снова погружаюсь в нее и быстро и сильно щелкаю ее клитор, заставляя ее выкрикивать рваное «Д-да!»

Мои пальцы продолжают трахать ее в идеальном ритме, когда к нам присоединяется Тейт. Он откидывает бретельку лифчика в сторону, чтобы она упала на руку, и вылизывает дорожку на выпуклости ее груди, заставляя ее стонать. Этот звук подстегивает его, и лифчик мгновенно исчезает. Я дразняще замедляю темп, ослабляя давление на ее киску, желая затянуть процесс и насладиться видом того, как мой брат лижет и сосет грудь Сави. Ее глаза опускаются к моим, и они затуманены желанием. Она сексуально прикусывает нижнюю губу и приподнимает одно бедро над моим плечом, чтобы заставить меня вернуться к работе. Мой член капает спермой, она так совершенна, и я знаю, что не смогу долго сопротивляться, трахая ее киску.

Чтобы напомнить ей, что она здесь не властна над собой, я хватаю одну из рук Тейта и направляю ее под свой подбородок, вводя его пальцы в нее, чтобы добавить к своим. Она прекрасно растягивается для нас, и я представляю, как она принимает сразу два наших члена, с криками: «Да! Да, еще!»

Когда наши пальцы трахают ее, мой язык ласкает ее клитор, а губы Тейта засасывают ее сосок глубоко в рот, она поднимает руку сзади, хватая меня за затылок и сильнее прижимает мой рот к своему клитору. Она дико бьет бедрами с полувскриком и кончает на нас.

Тейт обхватывает ее рукой, чтобы поддержать ее слабую фигуру, и впивается в нее диким, стонущим поцелуем, а я слизываю с наших пальцев все, что она нам дала. Тейт стонет, когда я обсасываю его пальцы, но затем отстраняется, чтобы я мог подняться на ноги. Его глаза встречаются с моими, и он поворачивает голову в направлении ее комнаты, поэтому я подмигиваю ему в знак благодарности за помощь, беру свою куколку со стола на руки и уношу.

Святые угодники, это был умопомрачительный оргазм. То, что они оба одновременно работали со мной, питало зверя внутри меня, которого я держала на поводке все эти годы. Может быть, я и пытаюсь защитить от них свое сердце, но мое тело и его потребности, нечто совершенно иное. Когда Джуд укладывает меня на кровать, я притягиваю его к себе и прижимаю губами к его губам, чтобы почувствовать вкус меня на его языке. Он отстраняется, щиплет меня за подбородок и смотрит взглядом, который я не хочу сейчас видеть. Не хочу думать о чувствах и эмоциях. Хочу трахаться.

— Я люблю тебя, куколка.

Качаю головой и закатываю глаза.

— Почему бы тебе не снять с себя одежду и не трахнуть меня так, как ты еще не трахал?

Мои внутренности сжимаются, я вижу, как в его глазах проносится вспышка боли, но на смену ей приходит то, что он никогда раньше не направлял в мою сторону, гнев.

— Ты хочешь мой член, куколка? Хочешь, чтобы я вогнал его в тебя? Хочешь, чтобы я расправился с твоей дырочкой? — Он рычит и отступает назад, чтобы сбросить одежду, затем сжимает в кулаке свой пронзенный член татуированными пальцами и несколько раз поглаживает его, глядя на меня горящими глазами. Он поднимает мои колени и широко раздвигает их, затем проводит членом по моей щели до самого входа. Я приподнимаю бедра в знак приветствия, и он злобно рычит, глубоко вонзаясь в меня.

— Я, блядь, люблю тебя.

Вскрикиваю от жжения и растяжения его размеров и от слов, которые он произносит. Его глаза смотрят на меня, держа в плену гнева и напряжения. А потом он отстраняется и снова врывается в меня с очередным рыком.

— Я люблю тебя.

Снова и снова он трахает меня, произнося эти слова.

— Я люблю тебя.

Толчок.

— Я всегда любил тебя.

Толчок.

— Я никогда не перестану любить тебя.

Он говорит это и трахает меня до тех пор, пока я не начинаю всхлипывать, находясь на грани оргазма. Он чувствует, как я сжимаюсь вокруг его ствола, и замирает глубоко внутри меня.

Он кладет раскрытую ладонь на мое сердце и жестко шепчет:

— Я люблю тебя. А теперь скажи мне это в ответ. Скажи мне правду, куколка, и я заставлю тебя кончить.

Мотаю головой в стороны и пытаюсь подергать бедрами в поисках последней капли трения, необходимой мне для того, чтобы преодолеть волну, но он вжимается в меня всем своим весом.

— Скажи это, Сави. Скажи то, что ты заперла за своей стеной. Скажи, блядь!

Что-то ломается внутри меня, и я кричу.

— Я люблю тебя, Джуд. Я люблю тебя. Люблю тебя!

Его губы натыкаются на мои, а бедра сильно и быстро бьют по моим, толкая меня за

край, но он не останавливается. Я пульсирую и стону ему в рот, а он продолжает трахать меня, и слезы текут по моему лицу, с каждым толчком в клитор, доводя меня до очередного оргазма. Его рот отрывается от моего, пока мы не оказываемся лоб в лоб, и я вижу, как слезы покрывают его золотые глаза, когда он, опустошаясь внутри меня, еще раз тихо произносит.

— Я люблю тебя.

И я никак не могу остановить свое сердце, чтобы оно не отозвалось эхом.

— Я тоже тебя люблю.

Джуд откидывает нас в сторону и держит меня, пока я плачу, поглаживая нежными пальцами мое лицо и спину, пока я не успокаиваюсь настолько, чтобы отстраниться и посмотреть ему в лицо.

— Ты причинил мне боль. Ты не верил в меня. Ты знал, как сильно она меня ненавидит, и все равно поверил ей. — Шепчу срывающимся шепотом.

Наконец-то я произношу слова, которые были заперты внутри и отравляли мое сердце с той ночи. Его глаза ненадолго закрываются, но когда они снова открываются, то в них плещется раскаяние.

— Да, одна доля секунды сомнения изменила наш курс. Мне очень жаль, куколка. У меня нет оправдания, которое я мог бы тебе дать, чтобы все исправить. Я так сильно облажался, детка. Все, что я могу сделать, это продолжать обещать и показывать тебе каждый день, что я больше никогда не буду сомневаться в тебе. Пожалуйста, Сави, не наказывай меня за это, потому что это наказывает и тебя. Прости меня, прости нас. Создай со мной семью. Выходи за меня замуж, куколка.

Я пытаюсь отодвинуться, но он притягивает меня ближе.

— Ты не можешь просить меня об этом так быстро. Прошло всего несколько дней!

Он начинает смеяться, а затем снова целует меня, сильно и быстро.

— Быстро? Куклолка, у меня в ящике лежало кольцо в ту ночь, когда я потерял тебя. Я ждал четыре долбанных года, чтобы надеть его тебе на палец!

Мои глаза расширяются, от растерянности я не знаю, что сказать. Он проводит пальцами по моей брови, по виску, затем по щеке и губам, словно пытаюсь запомнить мои черты.

— Все это не было быстро. В твоём телефоне уже больше четырех лет лежит мое сердце. Достаточно прочитать его, чтобы понять, я ни разу не дрогнул, за исключением того единственного момента.

Он целует меня еще раз, а затем отпускает и скатывается с кровати, чтобы надеть свою одежду. Джуд берет с прикроватной тумбочки мой телефон и протягивает его мне.

— Пожалуйста, Куклолка? — тихо просит он и выходит из комнаты. Я прижимаю телефон к груди. Я не читаю сообщения, но очень сильно думаю о том, чтобы сделать это.

Успеваю быстро принять душ, прежде чем Таннер просыпается, и мы начинаем нашу эпическую гонку. Все присоединяются к нам, чтобы поиграть. Каждый из ребят выбирает свою нацию машин и добавляет свой голос с корявыми акцентами. Это веселее, чем мне было в последние годы, и мой смех кажется ржавым в первые несколько раз, но я игнорирую взгляды, посылаемые в мою сторону парнями, игнорирую Джуда и сосредотачиваюсь на маленьком мальчике, в которого я уже наполовину влюблена. Мо решает присоединиться к веселью и опускает свое большое тело на середину трассы, но прежде чем Таннер успевает расстроиться, я превращаю его тело в огромный скоростной отбойник и отправляю машины в полет над ним. Некоторое время Мо переносит все это как чемпион, но в конце концов

поднимается и подходит к месту, где сидит Эш, и падает ему на колени, упираясь в него своей большой головой, пока Эш не начинает гладить его между ушами.

Угрожающе смотрю на своего предательского пса, который должен ненавидеть его и рычать, а не бить хвостом и пускать слюни в экстазе. Но, опять же, я не могу на него сильно злиться. Я тоже должна была ненавидеть Эша, но каким-то образом оказалась в его объятиях, надела его футболку в постель и упала в обморок от одного его поцелуя.

Трофей достается Америке, конечно же, команде Таннера, когда Италия и Германия, команды Джуда и Тейта, попадают в масштабную аварию, которая превращается скорее в дерби разрушения, чем в гонку. Французская команда, команда Эша, была дисквалифицирована из-за удара хвостом Мо, в результате чего вся команда сошла с трассы. Бек работал в пит-команде Таннера, поэтому он не участвовал в гонке, а моя британская команда изящно и сдержанно ушла в отрыв, когда американская команда обошла меня в третий раз из-за отсутствия быстрой подвижности, более известной как лодыжка.

Таннер выбирает пиццу и мороженое, чтобы отпраздновать свою победу, и к тому времени, когда ужин был убран и его проводили в постель, я тоже была готова к отъезду. Это были долгие дни, полные взлетов и падений, и мне нужно немного времени, чтобы все обдумать. Я прощаюсь и ковыляю в свою комнату, плотно закрыв за собой дверь.

Переодеваюсь и ложусь в кровать, подперев ногу подушкой. Она болит, я так много ею сегодня пользовалась, но большая часть отека спала, и боль не такая сильная, как я думала, так что, должно быть, растяжение не очень серьезное. Бедро все еще немного побаливает при надавливании, и на нем появился красивый фиолетово-синий синяк размером с бейсбольный мяч. Синяк на боковой поверхности лица уродливый, но могло быть гораздо хуже, если бы я приняла удар на себя. К счастью, кроме легкой головной боли сегодня не было никаких других признаков сотрясения мозга. Хуже всего мне дали следы на шее и боль в горле. Каждый раз, когда я смотрю на себя в зеркало и вижу их, я вспоминаю, как близко я была к смерти, и меня начинает трясти снова и снова.

Думаю, что только благодаря прописанным обезболивающим мне не снились кошмары последние две ночи, но я планирую больше не принимать их, поэтому, боюсь, сегодня ночью меня будут преследовать воспоминания о нападении. Отталкиваю то, что произошло, каждый раз, когда это всплывает в моей голове, но я знаю, что мне придется с этим смириться или страдать от последствий этого психического удара. После автомобильной аварии, когда я была девочкой, я много лет проходила терапию, чтобы исцелиться от травмы, поэтому пытаюсь использовать полученные навыки и с этой травмой тоже.

Одна из самых важных вещей, которой научил меня терапевт, необходимость принять тот факт, что некоторые вещи, некоторые события совершенно не поддаются нашему контролю, и научиться смиряться с этим. Я могу злиться, кричать, почему я, почему это произошло, снова и снова, но у меня никогда не будет ответа, который исправит ситуацию.

Теперь все это поставлено под сомнение с появлением теории о том, что, возможно, это был не несчастный случай. Может быть, кто-то спровоцировал эту аварию. Может быть, кто-то пытается причинить мне боль... убить меня. Может быть, это кто-то, кого, как мне казалось, я знала, кому доверяла и кого любила. Все эти варианты не столько пугают меня, сколько делают меня чертовски грустной. И это только усиливает то, с чем я боролась всю свою жизнь, почему я никому не нужна?

Чувствую, как на глаза снова наворачиваются слезы, поэтому отключаю эту мысль и пытаюсь отвлечься. Листаю телефон, читаю письмо от отдела по связям со СМИ, в котором

сообщается, что пресса успокоилась после повторного заявления о том, что я спокойно отдыхаю и что у полиции нет никаких новых сведений о розыске человека, напавшего на меня. Ну вот, отвлеклась.

Бросаю телефон на кровать и тянусь, чтобы стянуть резинку с волос, потираю кожу головы, чтобы унять возникшую боль, и откидываю голову назад с закрытыми глазами, стараясь не думать ни о чем.

Тихонько открываю ее дверь, чтобы заглянуть и проверить, как она. Мне не понравилось, что она так быстро исчезла после ужина, и я беспокоюсь, что у нее что-то болит, особенно если она не приняла обезболивающие таблетки. Она сидит в постели, откинув голову к изголовью, с закрытыми глазами и подперев лодыжку подушкой. Я стою и люблюсь ею. Темные шелковистые волосы распущены и струятся по плечам, как шелковый водопад. Когда-то моей любимой прической на ней были радужные кудри, но этот парик никогда не вызывал у меня желания проводить по нему пальцами снова и снова, а потом сжимать, целуя ее до бесчувствия, так, как это делают ее естественные каштановые волны. Я влюбился в ее изгибы, движения и глаза, когда она была моей Бабочкой, но именно тихий книжный червь, ругающаяся и плачущая гусеница и все остальные слои милой Сави показали мне, что такое настоящая любовь.

Сейчас она снова другая. В чем-то она увереннее, в чем-то жестче, но под всем этим она по-прежнему заперта в клетке. Это клетка из невидимых прутьев, которые она сделала сама. О том, что я являюсь одной из причин, по которым она построила эту клетку, я буду сожалеть до конца своих дней. Когда ее великолепные голубые глаза распахиваются и смотрят на меня, боль и печаль в них заставляют меня закрыть за собой дверь и подойти к краю кровати. Осторожно кладу руки по обе стороны ее лодыжки и нежно потираю.

За последнюю неделю на эту женщину навалилось столько всего, что я не знаю, с чего начать, чтобы помочь. Наше появление в ее жизни, нападение на нее, сомнения в мотивах ее дяди — все это, должно быть, так подавляюще. Я не могу помочь в большинстве случаев, но могу попытаться объяснить кое-что из того, что произошло тогда.

Лезу в карман, достаю пузырек с обезболивающими таблетками, который прислали из больницы, и протягиваю ей. Она хмурит брови, жует нижнюю губу и, наконец, качает головой, я ставлю их на комод, достаю из кармана другой флакон с таблетками без рецепта и предлагаю его. Она несколько раз переводит взгляд с него на флакон, который я поставил на комод, пока не тянется, чтобы взять тот, что я держу в руке.

— Милая, если тебе больно, можно принимать более сильные таблетки, — говорю я ей, нахмурившись. Она вздыхает и качает головой.

— Нет, они мне не нужны от боли. Я просто не хочу, чтобы мне снились кошмары, но это не лучший способ справиться с ними, так что я обойдусь аптечными, спасибо.

Мои пальцы крепко сжимают бутылку, ненавидя мысль о том, что она боится заснуть без лекарств. Отворачиваюсь и приношу ей стакан воды из ванной, а затем сажусь рядом с ней на кровать, пока она принимает пару таблеток и выпивает половину стакана, а затем ставит их, рядом с кроватью. Сави отворачивает от меня голову и смотрит в сторону. Я знаю, это означает, что она хочет побыть одна, но не могу вынести ее грусть или оставить ее одну прямо сейчас, поэтому я тянусь через нее, выключаю свет, а затем растягиваюсь рядом на кровати и притягиваю ее к своей груди, обхватывая за талию. Она напрягается в моих объятиях, но не пытается отстраниться.

Зарываюсь лицом в ее волосы и бормочу:

— Я не позволю кошмарам войти, ангел.

Она постепенно расслабляется, прижимаясь ко мне с тихим покорным вздохом. Мы тихо лежим вместе достаточно долго, чтобы я подумал, что она, должно быть, уснула, пока

она не спрашивает с грустью в голосе:

— Почему ты здесь, Эш? Тогда мы не были вместе. Ты... ты не любил меня, ненавидел в конце концов.

Тревога захлестывает меня. Вот оно. Это мой шанс наконец-то объяснить и попытаться искупить то, что я сделал с ней, с моими братьями, с самим собой. Я должен все сделать правильно, потому что, как мне кажется, у меня будет только одна попытка. Сотни разных вещей, оправданий, которые я мог бы сказать, проносятся у меня в голове, но ни одно из них не кажется мне достаточным, поэтому я копаю глубже, до самых костей, и делюсь с ней корнем проблемы.

— Мой... психотерапевт... она сказала мне однажды нечто такое, что прожгло всю мою чушь, все мои оправдания и причины быть таким, каким я был тогда.

— Ты проходил терапию? — удивленно спрашивает Сави.

— До сих пор, ангел, — говорю я ей с легкой улыбкой. — Она сказала мне, что если ты не исцелишь то, что причинило тебе первую боль, ты зальешь кровью всех тех, кто придет потом, хотя они не причинили тебе боли. Ангел, я залил тебя кровью, и ты ни в чем не виновата.

Переворачиваю ее на спину, укладывая на кровать, чтобы она лежала ровно, а я мог видеть ее лицо в тусклом свете окна. Она смотрит на меня, но ничего не говорит, и я продолжаю.

— Джуд, наверное, рассказывал тебе, что мы выросли в довольно неблагополучном районе. Там царили преступность и наркомания, и моя семья ничем не отличалась от других. Большинство моих родственников, включая родителей, были в бандах. Вокруг нас постоянно происходили мутные события. Люди наступали тебе на спину, перерезали горло, лишь бы вырваться вперед, включая моих собственных родителей, и это было для нас обычным вторником. Все, что угодно, ради следующего очка, следующего удара, а их дети были просто еще одним ресурсом, который можно было использовать, когда им что-то было нужно. В юном возрасте я довольно быстро научился прятать все ценное от собственной семьи и узнавал, как лучше уклониться или свести к минимуму удар кулака, направленный в мою сторону. Джуд был единственным человеком за всю мою жизнь, до Тейта и Бека, который ничего у меня не отнял и не подвел.

Тяжело сглатываю, когда произношу следующую часть, самую трудную для нее.

— Я не мог доверять никому, кроме них, но, черт возьми, я так хотел большего. Твоя Бабочка была идеальной женщиной, с которой можно было иметь большее, в которую можно было влюбиться. Ты была там, ночь за ночью, танцуя для меня. Такая чертовски красивая, смотрела на меня своими глазами. Иногда мне казалось, что мы ведем целые беседы, не произнося ни слова. Если у меня был дерьмовый день, ты делала его лучше, твои глаза говорили мне, что все будет хорошо. Отличный день? Пойти к бабочке и рассказать своими глазами, как сильно я хочу отпраздновать его, трахнув тебя. Ты была идеальной женщиной для меня, потому что ты была в клетке. Надежно спрятанная, так что мне никогда не приходилось по-настоящему доверять тебе. Мне не нужно было беспокоиться о том, что ты что-то возьмешь у меня или подведешь.

Провожу пальцами по ее нахмуренным бровям, пока они не разглаживаются.

— Потом ты, настоящая ты, Сави, появилась в моей жизни. Я наблюдал за тобой почти так же, как за другой версией тебя. Наблюдал за тем, как ты вела себя с моими братьями. Как ты никогда не брала у них, не просила ничего взамен, когда давала им, и я так хотел

этого для себя. Но я не мог доверять тебе. Ты была слишком близко. Было бы слишком легко влюбиться в тебя и открыться, чтобы ты взяла и подвела меня, как это делали многие другие. Поэтому я вел себя как дурак, держа тебя на расстоянии, но ты все равно нашла путь в мое сердце. В ту ночь, когда все пошло не так...

Я чувствую, как мое горло сгущается от эмоций, и делаю паузу, чтобы взять их под контроль и не выставить себя на посмешище, но Сави протягивает руку и впервые прикасается ко мне.

Она проводит теплыми пальцами по моим губам и шепчет:

— Расскажи мне, — с такой нежностью и пониманием, что я чуть не ломаюсь. Даже несмотря на всю работу, которую я проделал, чтобы стать лучшим мужчиной, я никогда не смогу заслужить эту женщину. Прочищаю горло, глубоко дышу и рассказываю ей все до конца.

— В тот вечер я был там не для того, чтобы посмотреть на танец Бабочки. Я был там, чтобы попрощаться с девушкой в клетке, потому что я наконец-то достаточно осмелел, чтобы выбрать тебя, настоящую тебя. В ту ночь я выбрал тебя, Сави.

Ее лицо морщится от боли, и она начинает плакать:

— Ванесса!

Смахиваю слезы, которые начали стекать по ее лицу, тыльной стороной пальцев.

— Да, она нашла именно тот курок, на который надо было нажать, чтобы я все взорвал. Я наконец-то рискнул, наконец-то доверился, а она подпитала мои худшие страхи. Я был в ярости от того, что ты оказалась «Бабочкой». Все это было похоже на очередное предательство, а потом она добавила к этому все остальное дерьмо. Ты была мошенницей. Ты лгала. Это все, что потребовалось, чтобы украсть мою храбрость и поверить в худшее, что в тебе есть. А когда мы узнали, что это она нас обманывала и лгала... тебя уже не было.

Сави кладет ладонь мне на челюсть и говорит то, чего я меньше всего ожидал.

— Боже, мне так жаль, Эш. Мне чертовски жаль, что я так с тобой поступила.

Мой рот открывается от шока, а затем я скольжу по ней и оказываюсь между ее ног, упираясь руками по обе стороны от ее головы.

— Никогда, блядь, не говори мне этого. Никогда... никогда не извиняйся передо мной. Черт, ангел! Ты не сделала ничего плохого. Ты никогда не могла сделать ничего такого, за что стоило бы извиняться.

Она быстро качает головой.

— Нет, я должна была сказать тебе с самого начала. Как только я увидела тебя, когда Тейт привел меня в твой дом. Я должна была сказать тебе, что я — Бабочка. Я должна была сказать вам всем свое настоящее имя. Это мои секреты разрушили все. Это моя ложь причинила тебе такую боль.

Издаю стон и прижимаюсь лбом к ее лбу. Эта чертова девушка. Эта прекрасная, милая, с огромным сердцем девушка. Я буду любить ее чертовски сильно до конца своих дней, если она позволит мне, и я скажу ей это.

— Ангел, я люблю тебя. Люблю каждую версию, каждый слой, каждый дюйм тебя и твоего сердца. Пожалуйста, скажи, что ты позволишь мне любить тебя. Скажи, что останешься, чтобы я мог показать тебе, какой я сейчас, каким я хочу быть для тебя.

Я вижу, как расширяются ее глаза от моих слов, а затем вижу, как она отступает от меня, от этого момента, как ее стена снова поднимается, но я не могу позволить ей. Она нужна мне слишком сильно. Если она не хочет слышать, я буду показывать ей, пока она не

почувствует это вместе со мной. Мой рот приникает к ее губам, и я чувствую вкус этих сладких губ всего второй раз, но я хочу гораздо большего, чем просто поцелуй. Я хочу всего. Лизу ее губы, умоляя своим ртом впустить меня. Скольжу рукой вниз по ее руке, пока не переплетаю свои пальцы с ее, сжимая их. Она издает крошечный крик, прижимаясь к моим губам, а затем открывает рот для меня. Я пользуюсь этим преимуществом и связываю свой язык с ее языком, поглаживая его, исследуя ее рот, пока ее грудь не упирается в меня с каждым вздохом.

Упираюсь своим твердеющим членом в стык ее бедер, и она приподнимает бедра, чтобы добиться большего трения. Когда она начинает издавать слабые стоны, я чуть не кончаю в штаны. Я так долго этого, блядь, ждал. Ждал, потому что мой кулак был единственным, что касалось моего члена с тех пор, как она вошла в мою жизнь. Она нужна мне, как воздух.

Опускаю свой рот чуть ниже, целую ее челюсть и умоляю:

— Позволь мне показать тебе, как сильно я хочу тебя, ангел. Пожалуйста, детка, позволь мне прикоснуться к тебе?

Она со стоном откидывает голову назад, а я лизу и целую дорожку по ее синякам и провожу зубами по ключицам, оттопырив футболку. Я не отпускаю ее пальцы, а другой рукой оттягиваю воротник ее футболки еще ниже, чтобы оставить след горячего влажного тепла на ее груди. Ее свободная рука скользит по моим волосам и тянет меня ниже, к ее соску, заставляя мой член плакать. Мне нужно больше, больше ее. Мне нужно увидеть эти идеальные груди, о которых я мечтал столько лет, поэтому я захожу с другой стороны и задираю ее футболку снизу вверх, пока она не оказывается на ее шее. Я резко вдыхаю воздух от желания, когда ее обнаженная грудь предстает перед моим голодным взором. Черт возьми, она так совершенна. Мне нужны ее руки, поэтому я подношу наши соединенные руки ко рту, целую каждую из костяшек, а затем прижимаю ее руку над головой к подушке.

— Надеюсь, тебе некуда идти, потому что мне понадобится несколько часов, чтобы поклоняться твоим сиськам, ангел. Я не лгу, когда говорю, что эти красавицы были в сотнях моих снов.

Света осталось достаточно, чтобы я мог разглядеть красный румянец, вспыхнувший на ее груди при моих словах, и это заставляет меня опуститься и лизнуть разгоряченную кожу. Я не тороплюсь с каждой грудью, облизывая и посасывая их нижнюю часть, обхватывая и сжимая их в руках. Перекаत्याю ее розовые бутоны сначала пальцами, а затем засасываю их глубоко в рот, прежде чем пощелкать и поиграть с ними языком. Я мог бы часами наслаждаться ее сладостью прямо здесь, но Сави дает понять, что хочет, чтобы я уделил ей внимание в другом месте. Она подтягивает колени к моим бокам и сильно прижимается ко мне своим бугорком, умоляя меня своим телом.

— Пожалуйста, пожалуйста, Эш. Мне больно. Мне нужно...

Мне тоже, детка, мне тоже. Я отпускаю ее сосок с влажным хлопком и тянусь через голову, чтобы стянуть с себя рубашку, отбрасывая ее в сторону, чтобы я мог почувствовать ее атласную кожу на своей. Я подношу другую руку, чтобы снять с нее футболку, а затем скольжу ртом по ее боку, но замечаю краешек цветных чернил. Я знаю, что у нее была маленькая татуировка в виде бабочки на бедре, но это, должно быть, что-то новенькое. Я приподнимаюсь настолько, чтобы повернуть ее на бок, и прикусываю губу, пока мои пальцы прослеживают линию порхающих бабочек от маленькой на бедре до других, которые становятся все больше по мере того, как татуировка растет вверх по боку. Все бабочки

скрыты за черными колючими лианами. Я наклоняюсь и с грустью целую каждую из них. Я знаю, что это такое, я знаю, что это значит. Моя бабочка могла выйти из клетки, но она создала новую, полную колючек, чтобы держать всех на расстоянии.

— Я освобожу тебя от этого, ангел. Я помогу тебе летать. — хриплым тоном обещаю ей и стягиваю с ее ног брюки и трусики. Она переворачивается на спину и притягивает меня к себе.

— Я не хочу летать. Я хочу гореть. Сожги все это, Эш. Заставь меня забыть.

Отчаянная грусть в ее голосе разбивает мне сердце, но сейчас я сделаю все, что угодно, дам ей все, что она захочет. Я тянусь вниз, стягиваю с себя треники и отбрасываю их на край кровати. Ничто и никогда не было так чертовски приятно, как ощущать всю ее мягкость на своем теле, кожа к коже. Хочу исследовать каждый ее сантиметр, пробовать на вкус, трогать, целовать и кусать, но она берет себя в руки, переворачивает нас так, что я оказываюсь на спине, а она на мне. Ее горячие пальцы пробегают по моей груди, перебирая грудные мышцы, задерживаясь на маленькой голубой бабочке над сердцем, а затем спускаются к прессу, к члену. Ее волосы падают вперед, касаясь моей кожи, и это самое эротичное ощущение на свете. Ее пальцы нежно шепчут, когда она проводит ими по моему напряженному стволу, и это ощущение более сильное, чем если бы она взяла его крепко.

Сави смотрит на меня, и от вождления в этих голубых глазах мой член дергается от ее пальцев. На ее губах появляется маленькая самодовольная улыбка, и она двигает бедрами вперед, проводя по моему стволу своей мокрой щелью. Зубы оттягивают нижнюю губу, и она издает маленький вздрагивающий вздох удовольствия, а затем начинает раскачиваться вперед-назад, потираясь клитором. Я подаюсь вверх, навстречу ее скользкому центру, и не могу оторвать глаз от ее прекрасного лица, замороженного наслаждением, которое она получает от меня. Я мог бы смотреть на нее вечно.

— Ты нужен мне внутри. Нужно, чтобы ты трахнул меня, Эш.

Она стонет, и это все, что мне нужно, чтобы приподнять ее бедра и вогнать в нее член. Ее пропитанная жаром киска принимает меня на всю длину, словно создана для меня, но когда она пульсирует вокруг меня, то словно приветствуя меня дома, эмоции закипают и душат мое горло. Я удерживаю ее на своем стволе, пытаюсь совладать с ними.

— Детка... мне нужна минутка.

Шесть долбанных лет. Шесть лет я ждал, чтобы оказаться здесь. Внутри нее, частью ее, вместе, как одно целое. Я не знал, что это так сильно заденет меня, что это будет иметь такое чертовски большое значение.

Сави наклоняется вперед и кладет руки мне на грудь, ее глаза наполнены тенями, которые я не могу прочесть.

— Перестань думать и покажи мне, Эш. Заставь нас гореть.

Ее слова заставляют меня еще глубже вжаться в нее, а затем ее бедра начинают двигаться. Она овладевает мной, вливая в меня все, что есть в ней, и я отдаю ей всего себя. Ее скользкая киска сжимает мой член с каждым движением, с каждым толчком. Ее голова откидывается назад, и я чувствую, как шелк ее волос стелется по моим бедрам, но этого недостаточно. Мне нужно больше ее, еще глубже, поэтому я снова переворачиваю нас, притягиваю ее коленом к себе и вхожу в нее.

— Блядь! Да! Ещё! — кричит она, и я делаю это. Трахаю ее со всей сдерживаемой любовью и отчаянием, которые хранил для нее, даже когда ее ногти впиваются в мою спину, а ее глаза пылают, отражаясь в моих, и все равно я хочу большего. Просовываю руку под ее

задницу, приподнимаю ее бедра и, клянусь, чувствую ее матку, так глубоко и сильно я в нее вхожу. Ее голова мечется, и она стонет мое имя, сжимаясь вокруг моего члена. Пот струится по моей спине от того, как сильно я пытаюсь сдержать свою разрядку. Она все, что я когда-либо хотел, и пульсирующая бархатная хватка ее киски на моем члене мучительна в самом лучшем смысле этого слова.

Рычу на нее:

— Дай мне это, кончи для меня, ангел. Кончи на мой член!

Когда она кончает, ее киска сжимает меня так крепко, что я не могу сдержаться. Я сжимаю зубы, когда кончаю в нее, но мой член остается болезненно твердым, даже когда она снова и снова бьется в конвульсиях вокруг меня. Я не могу перестать трахать ее. Вот оно, совершенство, и я еще не готов от него отказаться. Я переворачиваю нас на бок, задираю ее ногу еще выше и продолжаю наступать.

— Я... я не могу! Эш... это слишком.

Она всхлипывает, и я заглатываю ее крик ртом и толкаю ее, толкаю нас выше. Я атакую ее рот так же сильно, как и ее киску, теперь я не более чем бездумный зверь. Я хочу ее с огнем, который сжигает мою душу. Мне нужно почувствовать, как она снова кончает на меня. Выхожу из нее, скольжу вниз по ее телу и лижу ее клитор, лаская наши смешанные выделения, пока она не задрожит подо мной, и тогда я переворачиваю ее, приподнимаю ее задницу и снова вхожу в нее. Вгрызаюсь в нее, впиваясь зубами в ее плечо, и этого все равно недостаточно после всего этого ожидания. Одна рука обхватывает грудь и сжимает ее, пальцы перебирают и перекатывают маленький твердый сосок, а другая скользит вокруг, чтобы погладить ее набухший клитор.

— Я буду трахать эту киску так сильно, что ты никогда не забудешь, что она моя, Бабочка. Сожми мой член, детка, выдои меня досуха. Ты такая чертовски тугая и мокрая, что я мог бы оставаться здесь днями, трахая эту киску. Я так долго ждал, когда же я смогу завладеть ею, завладеть тобой. Ты моя бабочка, мой ангел. Блядь, кончи для меня! Отдай мне то, что принадлежит мне! — приказываю я.

Она отдает мне все, выкрикивая мое имя. Я отклоняюсь назад сильно и быстро накачиваю ее, пока она пульсирует вокруг меня. Она всхлипывает в подушку, когда я, наконец, достигаю цели, заливая ее лоно своим семенем, а мое зрение чернеет, и все, что я вижу, ее крылья.

Когда я просыпаюсь утром и тянусь к Эшу, а вместо этого обнаруживаю, что кровать пуста, мое сердце болезненно сжимается. Скучая по нему, я понимаю, что мне крышка. Эти люди сбивают меня с ног, один за другим, как домино. Я не могу здесь оставаться. Мне нужно уехать и оставить хоть какую-то дистанцию и заслон между собой и ими. Один гребаный уик-энд, и они почти разрушили защитную стену, которую я тщательно выстраивала, чтобы оградить себя от всего этого. Я была душой, когда думала, что могу просто заниматься с ними сексом, и это останется только на физическом уровне. Каждое мое прикосновение к ним пропитано эмоциями, они пытаются убедить меня дать им еще один шанс. Было бы так чертовски легко отпустить ситуацию и снова влюбиться в каждого из них, но кто тогда будет рядом, чтобы собрать осколки, когда все снова пойдет не так? Никто, потому что на этот раз не будет осколков, от меня останется только пепел. Я не переживу, если еще один человек, которого я люблю, покинет меня, не говоря уже о четырех... пяти. Сын Бека тоже часть этого. Нет, этого не будет.

Скатываюсь с кровати, не обращая внимания на боль между ног от того, что мы с Эшем делали прошлой ночью, и начинаю перетаскивать одежду в сумку. Я оделась, уложила волосы и замазала синяки косметикой, как только смогла, смахнула все с тумбочки в ванной в сумку и закрыла ее на молнию. Мне нужно домой. Мне нужно идти.

Выхожу из комнаты и отправляюсь на поиски своей собаки. Он с Таннером и Полой в игровой комнате. Таннер прижимается к крупному телу Мо, листая большую книгу. Его милый голосок бессвязен, и я понимаю, что он читает Мо сказку. Я быстро отхожу назад, и мое сердце болезненно сжимается. Как я могу забрать у него его нового лучшего собачьего друга? Не могу. Мо должен остаться здесь, по крайней мере, пока. Быстро отворачиваюсь, лодыжка отзывается болью, но я не обращаю на это внимания и спешу в свою комнату, чтобы взять сумку, благодарная за то, что сейчас никого нет поблизости. Выскальзываю на улицу и жду, пока Патрик заберет меня у парадных ворот.

Успеваю пройти только половину пути, когда Тейт замечает меня. Его улыбка тускнеет, а затем исчезает, когда он замечает мою сумку на плече и начинает качать головой.

— Детка, не надо. Пожалуйста, не уходи.

Отвожу глаза от его лица, чтобы не видеть боли на нем.

— Я... я должна идти. Скажи остальным... я должна.

Тейт стонет от разочарования, когда я делаю еще несколько шагов, а затем он бросается ко мне с криком: «К черту!».

У меня увеличиваются глаза, когда он подбегает ко мне, берет мою сумку и меня, а затем перекидывает через плечо.

— Тейт! Опустить меня! — кричу я, но он просто шлепает меня рукой по заднице и несет меня по другому коридору, в котором я еще не была.

— Ты не можешь держать меня здесь против моей воли, Тейт!

Он невесело усмехается.

— Я и не держу. Но если ты собираешься уехать, ты должна сказать об этом всем нам. Я не позволю тебе снова сбежать, не сказав ни слова.

Я с досадой закрываю глаза. Это было именно то, что я собиралась сделать. Столкнувшись со всеми сразу, будет практически невозможно уйти. Слышу грохочущую

музыку, когда он открывает дверь и входит в полностью оборудованный домашний спортзал. Тейт сбрасывает меня со своего плеча и ставит на ноги, после чего подходит и выключает музыку. Нервно сжимаю пальцы, наблюдая за тем, как Бек опускает штангу, которую он поднимал, обратно в подставку, а Джуд останавливает беговую дорожку, на которой бегал. Обвожу глазами комнату, испытывая легкое облегчение от того, что Эша здесь нет, но три взгляда приковывают меня к месту.

— Она хочет уйти. Поймал ее, когда она пробиралась к выходу с сумкой. — Тейт говорит им, а затем спрашивает меня: — Ты ведь даже не собиралась прощаться, правда?

Я позволяю гневу вытеснить чувство вины и огрызаюсь.

— Нет, это не так! Я вообще не просила тебя приводить меня сюда. Я вообще-то сказала тебе, что не пойду сюда, но ты проигнорировал это, так что у тебя нет права злиться.

Джуд вздыхает и проводит руками по лицу, а затем бросает на меня усталый взгляд.

— Когда ты перестанешь бегать, куколка?

Перевожу взгляд на Бека, но он выглядит смирившимся.

— Я... я не бегу. Мне просто нужно домой. Мне нужно отдохнуть от всего этого...

Джуд сходит с беговой дорожки, рассерженный моим ответом, как раз в тот момент, когда входит Эш. Он оглядывает всех нас, и когда его плечи опускаются, я вдавливаю ногти в ладони.

— У тебя было больше четырех долбанных лет свободы, Сави! Хватит игр! — прошипел Тейт.

Да пошел он! Да пошли они все.

— Игры? Я играю в игры? Да пошел ты! Это вы играете со мной в игры. Четыре долбанных года! Ты все время говоришь о сообщениях, которые ты посылал, о письмах? Ты хочешь, чтобы я прочитала их все, как будто это все исправит, но ничего из этого не исправит того, что произошло.

В моей груди застыл комок боли, который растет с каждым словом, мой голос становится все громче и отчаяннее, когда настоящая причина, по которой я не могу сделать это снова, вырывается наружу.

— Ты не поверил мне! Ты, блядь, не выбрал меня! Ты... ты оставил меня одну!

Боль в груди сводит меня с ума, и я обхватываю руками живот и держусь изо всех сил, пытаюсь сохранить свои части вместе.

Как раз в тот момент, когда у меня отказали колени, сильные руки обхватывают меня и переносят на силовую скамью. Тейт держит меня на коленях, а руки гладят мою спину и волосы. Я сижу, чувствуя такую пустоту, что даже не могу заплакать. Мой голос ровный и безэмоциональный, я смотрю на стену в другом конце комнаты.

— Вы оставили меня одну. Четыре года, и ни один из вас не пришел. Ни после того, как это случилось, ни за все прошедшее время. Почему я должна верить, что я вам нужна? Все ваши слова ничего не значат, потому что вы не пришли, когда я нуждалась в вас. Вы оставили меня одну.

Джуд опускается передо мной на колени, но я отвожу от него взгляд. Не хочу сейчас смотреть ни на его, ни на лица других.

— Куколка, блядь... Черт! Мы думали, что поступаем правильно.

Эш пытается повернуть мой подбородок, чтобы я посмотрела на них, но я отвожу лицо. Его голос пропитан чувством вины.

— Это моя вина... опять. Они хотели пойти к тебе, все исправить. Я спросил их, не

собираются ли они заставить тебя выбирать между ними. Джуд собирался играть на западном побережье, а Тейт во Флориде. Они собирались вернуть тебя, но потом тебе пришлось бы выбирать, с кем быть. Я вел себя... эгоистично. Мне была неприятна мысль о том, что ты можешь быть с одним из нас, но не со всеми. Я убедил их подождать. Мне чертовски жаль.

Джуд и Тейт кивают друг другу.

— Это не только твоя вина.

— Мы все согласились.

Бек со вздохом поглаживает меня по спине.

— А потом к нам попал Таннер, и мы забеспокоились, что его мать будет преследовать тебя.

Тейт прижимается лицом к моим волосам.

— Мы должны были просто приехать за тобой, малышка. Мы могли бы разобраться со всем остальным после того, как все уладили с тобой. Ты никогда не узнаешь, насколько нам жаль, что мы так долго оставляли тебя одну.

Они ждут, что я отвечу, но боль все еще сжимает меня так сильно, что я не могу этого сделать. Джуд берет одну из моих рук и заставляет разжать пальцы, хмурится, глядя на то, что находит, а затем целует красные лунки, сделанные ногтями на моей коже. Он прижимает мою ладонь к своей груди над сердцем.

— Куколка, мне нужно, чтобы ты посмотрела на меня одну минуту, а потом мы... отпустим тебя.

Хочу отказать ему, продолжать смотреть на стену, но что-то в его тоне заставляет меня наконец-то встретиться с его золотыми глазами.

— Ты не должна нас прощать. Мы не заслужили этого, учитывая сколько раз мы облажались, сколько раз мы причинили тебе боль. Ты заслуживаешь гораздо большего, чем все мы. Но ты должна знать следующее. На этой планете семь миллиардов человек, и из всех этих людей каждый из нас выбирает тебя. Мы всегда будем выбирать тебя, куколка. Поэтому ты не должна нас прощать, но я все равно прошу тебя об этом. Я прошу тебя выбрать нас. Выбрать нас навсегда. Разрушь эту стену, куколка. Сделай это для себя. Выбери любовь, и мы будем дарить ее тебе до самой смерти. Мы никогда больше не оставим тебя одну.

Он еще несколько мгновений пристально смотрит мне в глаза, а затем отходит и встает на ноги, кивая Тейту.

— Ты отвезешь ее домой?

Тейт на мгновение сжимает руки, но затем ослабляет их, поднимает меня со своих колен и выводит из комнаты.

Без Мо дом кажется пустым и одиноким, но, возможно, это лишь отражение того, что происходит внутри меня. Я не могу долго оставаться на одном месте. Метаюсь из комнаты в комнату, с этажа на этаж в поисках чего-то, чему я не могу дать названия. Так вот с чем мне теперь придется столкнуться? Навсегда остаться одной в этом большом пустом доме, не имея ничего, кроме работы, чтобы занять себя? Я думала, что это то, чего я хочу. Держать всех на расстоянии, чтобы меня больше не обижали. Прожить жизнь в одиночестве, чтобы никогда больше не испытывать такой боли. Так почему же сейчас все гораздо хуже? Все, что они мне говорили, снова и снова прокручивается в моей голове. Все извинения, все объяснения, вся... любовь.

Обещания, которые они давали о совместном семейном будущем, это все, чего я хотела с самого начала. Я качаю головой от собственной глупости. Это все, чего я когда-либо хотела, и точка. И сейчас я хочу только этого. Мне кажется, что я снова стала той грустной девочкой, которой была так давно. Жду, когда папа вернется домой, чтобы уделить мне час своего драгоценного времени. Умоляю его не бросать меня, когда он замерзает в машине. Мечтаю, чтобы Селеста и Ванесса полюбили меня, чтобы мы могли стать одной семьей. Влюбляюсь в четырех глупых мальчишек, которые, как я думала, могли бы полюбить меня в ответ. А теперь отталкиваю мужчин, в которых они выросли, чтобы они не подвели меня снова.

Слова Джуда крутятся у меня в голове.

— Чушь, Сави. Ты не дала мне все. Ты дала мне возможность заглянуть за стену, за которой ты прячешься. Маленький проблеск того, кто ты есть на самом деле, и это заставило меня влюбиться в тебя с головой.

Я не могу больше врать себе. Он прав. Я так много скрывала от них всех тогда. Так тщательно пряталась за масками, решетками и стенами, а они все равно как-то приходили ко мне, любили меня. Конечно, все это должно было взорваться у меня перед носом. Я была трусихой, слишком чертовски напуганной, чтобы рассказать им все, поделиться с ними всем, чем я была. Они совершали ошибки, но и я тоже. Все их слова задели меня.

— Я освобожу тебя от этого, ангел. Я помогу тебе летать.

— Я хочу, чтобы он тоже был твоим. Я не могу изменить того, кто его родил, и не хочу, потому что он не был бы тем, кто он есть, если бы я это сделал, но ты могла бы стать его матерью в будущем. Мы могли бы стать семьей, дорогая.

— Позволь мне быть твоим героем.

— Пожалуйста, Сави, дай мне шанс показать тебе этого человека. Будь храброй, и тебе больше никогда не придется быть одной.

— На этой планете семь миллиардов человек, и из всех этих людей каждый из нас выбирает тебя. Мы всегда будем выбирать тебя.

— Когда ты перестанешь бегать, куколка?

— Я прошу тебя выбрать нас. Выбрать нас навсегда. Разрушь эту стену, куколка. Сделай это для себя. Выбери любовь, и мы будем дарить ее тебе до самой смерти. Мы

никогда больше не оставим тебя одну.

— Скажи это, Сави. Скажи то, что ты заперла за своей стеной. Скажи, блядь!

Я так устала бояться. Я так долго боялась впустить их или кого-либо обратно, но теперь я знаю, у меня страх другого рода. Я боюсь, что они действительно имеют в виду то, что говорят. Что они действительно выбрали меня, хотят меня, и это почти так же страшно. Мне придется перестать прятаться, сбросить маску, выровнять стены и показать им всю себя. Все разбитые части, из которых я состою, и боюсь, что настоящей меня будет недостаточно. Меня пугает, что я буду той, кто их подведет. Что они бросят меня, потому что меня им просто не хватит. Они все говорят, что не заслуживают меня, но, возможно, это я не заслуживаю их. Они обещали работать каждый день, чтобы стать теми мужчинами, которых, по их мнению, я заслуживаю, так что если я выберу их в ответ, разве я не должна быть достаточно смелой, чтобы сделать то же самое? Работать каждый день, чтобы быть достаточной, быть женщиной, которую они заслуживают?

В доме уже стемнело, когда я, наконец, осознала, с чем боролась. И я кричу это так громко, что в ответ раздается эхо.

— Я выбираю их!

Взбегаю по лестнице в библиотеку, открываю ящики и вываливаю на пол стопки писем, в самом низу которых лежит письмо, написанное мне отцом. Я выдыхаю, складываю его и кладу в карман. Мне нужно сделать это до того, как я встречу с первым мужчиной, который меня бросил. Снимаю с полок охапки книг и складываю их в стопки по кругу. Собираю все маленькие подарки, которые они присылали мне на протяжении многих лет, и добавляю их к тому беспорядку, который я создала, а затем сажусь посреди всего этого и достаю свой телефон, открываю текстовые сообщения Джуда, а затем прокручиваю назад к той ночи, которая была так давно. Я начинаю с этого места и делаю то, что он сказал, наворачиваю все, в чем я отказывала себе и ему.

Все начинается с извинений и объяснений. Просьбы вернуться постепенно сменяются тем, что он делится кусочками своей повседневной жизни. Смешные моменты, трудности, с которыми он столкнулся, играя в новой команде, и одиночество, которое он испытывал, не имея меня и ребят рядом в новом незнакомом городе. Все сообщения, которые он присылал мне на протяжении многих лет, заканчиваются словами о его любви ко мне. У меня уходят часы на то, чтобы прочитать их все. Над одними я смеюсь, над другими плачу, но каждое из них выбивает еще один кирпичик из стены вокруг меня.

Сообщения Тейта занимают не так много времени, поскольку он отправил их не так много, но они такие же проникновенные, как и сообщения Джуда. Я переключаюсь с его сообщений на письма, которые он мне прислал, и узнаю подробности того, как он справился с переездом в новую команду и с какими трудностями ему пришлось столкнуться. Я вижу, как он вырос за эти годы и это еще больше растрогало мое сердце. Сначала он писал мне о других игроках, но постепенно это переросло в рассказы о женах и семьях других игроков и о том, как сильно он хотел бы, чтобы это было и со мной.

Сообщения Бека снова и снова разбивают мне сердце. В них столько боли, а заканчиваются они через несколько месяцев после моего ухода. Он рассказал мне, что произошло после этого, лично, так что я знаю, как сильно он боролся. Он присылал мне подарки. Маленькие плюшевые животные, свечи, пахнущие ванилью и персиками, мягкие, пушистые свитера и пижамы с безумными мультфильмами на них. Натягиваю свитер, на

котором изображены собаки в очках и читающие книги, и укутываюсь в него.

Эш ничего мне не прислал. Ни сообщений, ни писем, ни подарков, но я понимаю, почему. Он рассказал мне о своем пути в терапии, чтобы стать другим, более доверчивым человеком. Он не мог связаться со мной, пока не почувствовал, что является тем мужчиной, которого я заслуживаю.

Солнце уже взошло, когда я дочитала последние любовные письма и послания, которые они мне прислали. Встаю и потягиваюсь, а затем беру в руки книги, которые Джуд и Тейт прислали мне. Каждая из них заполнена крошечными цветными флажками, торчащими из тех мест, где они делали пометки и примечания, чтобы поделиться со мной. Все эти книги разные виды любовных писем. Выделены отрывки, которые их тронули или которые показались им забавными. Сексуальные сцены, которые Джуд выделил, отметил звездочками и поставил нелепое количество восклицательных знаков.

Я несу их вниз, в обеденный уголок на кухне, и складываю на стол, прежде чем приготовить кофе и тосты. Устраиваюсь на мягкой скамейке, солнце поднимается за моей спиной, его лучи падают через окно, а я с кофе и едой, читаю все выделенное. Солнце проплывает над домом и снова начинает тускнеть, когда последняя книга выпадает из моих пальцев, мои веки опускаются, и я роняю голову на скрещенные руки на столе. Я мечтаю... мечтаю о любви.

Брожу по дому с похмелья, нажравшись накануне, сразу после отъезда Сави. Я впервые за много лет напился, и последствия напомнили мне, почему я вообще бросил пить. Единственные люди в доме, на которых уход Сави не повлиял, это Таннер и няня. Даже ее собака расстроена. Он постоянно принюхивается к входной двери, как будто она собирается вернуться в любой момент, а затем снова опускается перед ней с глубоким твякающим вздохом.

Это ад. Чувствую себя чертовски безнадежно и знаю, что остальные тоже. Бек заперся в игровой комнате с Таннером. Эш и Джуд несчастны из-за ее отъезда и похмелья, от которого оба страдают. Я нахожу их все еще растянувшимися на диване, где они отрубались прошлой ночью.

— Это чертовски глупо! — говорю я им. — Мы должны просто пойти и забрать ее. Она должна быть здесь, с нами.

Джуд со стоном проводит татуированной рукой по лицу и смотрит на меня мутными глазами.

— Ты же не думаешь, что это то, что я хочу сделать? Забрать ее и держать в заложниках, пока она не сдастся нам? Мы, блядь, уже пробовали! Мы не можем заставить ее выбрать нас. Она должна сделать это сама. Теперь все зависит от Сави. Больше мы ничего не можем сделать.

Сжимаю в кулак волосы на макушке и тяну.

— Черт! Я не могу смириться с мыслью, что она одна у себя дома. Что, если кто-то снова попытается добраться до нее? — Оглядываюсь через плечо в сторону входной двери. — Она не должна быть там одна! Я отведу Мо обратно к ней.

Эш наконец-то садится, достает бутылку с водой, стоящую на столе, и осушает ее, после чего кивает.

— Мы должны подумать о том, чтобы нанять команду охраны, которая бы следила за ней. Она не хочет верить, что ее дядя имеет отношение к тому, что произошло, но мы не можем этого исключать. Слишком много совпадений, чтобы не принять меры предосторожности. — Он прикрывает рот рукой. — Боже, я не знаю, что еще делать.

Я хмуро киваю.

— Ладно, зови Бека сюда и начинай звонить каким-нибудь людям за рекомендациями компаний, занимающихся обеспечением личной безопасности. Я отвезу Мо к ней, и когда вернусь, нам нужно будет разработать какой-то план, пока она не разберется со своим дерьмом.

Пробки, как всегда, кошмарные, пока я борюсь с часом пик. Это дает мне слишком много времени, чтобы обдумать все, что я хочу ей сказать, накричать на нее... умолять ее. К тому времени, когда я останавливаюсь перед ее домом, мои пальцы болят от того, что я так крепко сжимал руль всю дорогу. Я заставляю себя посидеть в джипе минут двадцать, чтобы успокоиться и взять под контроль свои бушующие эмоции. Джуд прав, это должно быть ее решение. Недостаточно того, что мы выбрали ее. Она должна выбрать нас в ответ.

Как бы мне ни хотелось постучаться к ней в дверь, я не хочу, чтобы она подумала, что я здесь, чтобы давить на нее, поэтому я достаю свой мобильный из подстаканника и начинаю писать ей сообщение, что я на улице с Мо. Сомневаюсь, что она это прочтет, ведь она не

читала ничего из нашего...

Мои глаза расширяются, когда я осознаю, что вижу в текстовом потоке над тем, что я набираю. У меня пересыхает во рту, и я с трудом сглатываю, медленно прокручивая все сообщения, которые я отправлял ей на протяжении многих лет. На каждом из них больше нет этой раздражающей синей галочки "доставлено". Вместо нее на всех сообщениях красуется розовое сердечко, которое я использую для изображения ее контактов. Мое сердце начинает биться. Это розовое сердечко означает, что моя девочка наконец-то, наконец-то прочитала мои сообщения.

Сдерживаю жгучие слезы, когда во мне вспыхивает надежда, а затем перехожу к контакту Джуда и пишу ему сообщение.

Я: Посмотри, историю сообщений с ней!

Я не жду, когда он ответит мне, я не могу ждать. Мне нужно знать, значит ли это то, о чем я думаю. Выпрыгиваю, открываю заднюю дверь, чтобы Мо мог спрыгнуть вниз, и мчусь к ее двери. Я пытаюсь быть терпеливым, звоню в дверь, но когда она не отвечает сразу, то начинаю стучать по ней кулаком. Мо скулит и бьет лапой по двери, желая попасть в нее так же сильно, как и я. Когда наконец слышу звук отпираемого замка, я откидываю волосы назад, пытаюсь их пригладить.

Сонная Сави открывает дверь, и я вздрагиваю, понимая, что, должно быть, разбудил ее. Прежде чем она успевает что-то сказать, Мо делает выпад вперед и прыгает на нее, отталкивая ее еще дальше в дом. Она приземляется на задницу, хихикая, когда он пытается облизать все ее лицо. Ей удается не дать ему искупать ее лицо в слюнях, уткнувшись головой ему в шею, она снова смеется.

— Я тоже по тебе скучала, большой ребенок! — весело говорит она ему, а затем отталкивает его.

Он пробирается вглубь дома, и я слышу, как он откуда-то вычерпывает воду, пока мы смотрим друг на друга. В моем голосе звучит мольба, когда я протягиваю к ней руку, чтобы помочь ей подняться.

— Малышка, пожалуйста...

На ее лице появляется широкая улыбка, и она начинает кивать.

— Да.

Моя протянутая рука начинает дрожать.

— Да... что?

Она берет мою руку в свою и говорит:

— Да, всему. Я тоже выбираю тебя, Тейт.

Я поднимаю ее с пола, беру за затылок, прижимаюсь губами к ее лбу и на мгновение задерживаюсь, крепко зажмурив глаза. Она сказала "да", она, блядь, сказала "да"! От облегчения, что она выбрала меня, у меня по рукам и ногам забегали мурашки, и мне просто необходимо услышать это еще раз.

Я отступаю назад, чтобы заглянуть в самые чистые голубые глаза, которые я когда-либо видел, и требую:

— Скажи... это... еще раз.

Ее маленькие пальчики прижимаются к моему сердцу, а глаза становятся мягкими и ласковыми.

— Я выбираю тебя. Я люблю тебя, Тейт.

И это почти все, что я могу вынести из разговора, так как отчаянная потребность получить ее и пометить как свою заполняет меня. Хватаю ее под задницу и поднимаю вверх, пока она не обхватывает меня ногами. Пинком закрываю за собой дверь, отчаянно желая завладеть ее ртом.

Это жестко, глубоко, но она, должно быть, изголодалась по мне так же, как и я по ней, потому что она отвечает мне поцелуем на поцелуй, языком на язык, пока разрывает мою футболку. Я отстраняюсь, позволяя ей сорвать ее с моей головы, а затем сдерживаю с нее пушистый свитер и футболку под ним. Моя рука обхватывает ее хвостик и откидывает голову назад, чтобы я мог добраться до шелковистой кожи и грудей. Провожу языком по краю кружева, прикрывающего их, пока не нахожу маленький твердый сосок, упирающийся в кружево, и всасываю его прямо через кружево в рот. Она издает самые сладкие стоны, а ее пальцы впиваются в плечи. Я хочу поглотить эту женщину так же сильно, как она поглощала меня так долго.

Опускаю ее на пол, обхватывая спину и голову, чтобы не причинить ей боли, затем наклоняюсь к ее коленям и стягиваю с нее штаны. Ее пальцы обжигают мне кожу, когда она пытается расстегнуть пуговицу и молнию на моих джинсах. Из ее уст вырывается крик разочарования, когда она пытается дотянуться до них настолько, чтобы сдвинуть с моих бедер. Я наклоняюсь и беру ее за подбородок, а затем целую, выпутавшись из джинсов и отбросив их.

Хочу быть глубоко внутри нее, сильно и быстро, но это слишком много значит для меня, поэтому я заставляю себя замедлиться. Провожу пальцами от ее плеч вниз по груди, по талии и животу, вниз по бедрам. Мне нравится, как от моих прикосновений она вздрагивает, как мурашки поднимаются по ее коже в предвкушении того, что я собираюсь с ней сделать.

Я приподнимаю ее колено и прижимаю его к своему плечу, чтобы провести губами и языком по внутренней стороне ее бедра. Вижу, что к ее бугорку прилипла влажная капелька, и мне хочется попробовать ее на вкус, поэтому я провожу по ней костяшками пальцев, а затем подношу их ко рту, чтобы всосать ее сладость.

— Тейт, прикоснись ко мне. Пожалуйста, пожалуйста, малыш, мне нужно, чтобы ты прикоснулся ко мне.

Услышав, как она называет меня малышом, я просто охренел. Это значит, что я наконец-то принадлежу ей, и это пробуждает во мне что-то первобытное. Моя, она, блядь, моя, но что еще важнее... я ее.

Подаюсь вперед и провожу напряженным членом по ее влажным складкам, заставляя ее стонать. Делаю это снова и снова, не торопясь, поглаживая головкой ее набухший клитор, и мне нравится, как она умоляет войти в неё. Я отстраняюсь еще немного, чтобы видеть, как головка члена медленно и плавно входит в нее, растягивая ее кистку с каждым дюймом. Она изо всех сил старается качать бедрами, чтобы заставить меня войти быстрее и глубже, но она уже не контролирует ситуацию, это делаю я.

— Черт возьми! Блядь! Пожалуйста, пожалуйста, Тейт? Мне нужно, чтобы ты трахнул меня. Мне нужно, чтобы ты трахнул меня!

Прикусываю нижнюю губу, чтобы не дать ей то, что она хочет. Я бы с радостью поимел эту идеальную кистку, но не в этот раз. Я так давно не был внутри нее, не был дома, где мне самое место, поэтому я не буду торопиться и сделаю это дольше. Я буду наслаждаться каждой чертовой секундой.

— Шшш, малышка. Ты заставила меня ждать, теперь ты должна. Лежи и получай то, что я тебе дам. Я буду трахать тебя медленно и сладко, пока ты не потеряешь рассудок.

Обхватываю ее согнутое колено и отвожу его немного выше и в сторону, чтобы я мог наблюдать, как мой пульсирующий член входит и выходит из нее, и с него капает ее влагой. Делаю это снова, снова и снова, медленно и плавно... и она сходит с ума. Моя девочка просит, умоляет, мотает головой, выкрикивает мое имя и впивается ногтями в мои предплечья, а я продолжаю эту сладкую пытку, пока не начинаю сам терять рассудок и не могу больше терпеть.

Первый же сильный, глубокий толчок заставляет ее закричать:

— Да! Блядь, да! Ещё, ещё, ещё! Тейт, я люблю тебя. Сделай это еще раз!

И я ломаюсь. Теряю контроль и снова вхожу в нее. Мои пальцы на ее коленях и бедрах впиваются в нее, чтобы удержать на месте, пока я вбиваюсь в ее сладкую киску, которая так крепко сжимает меня.

— Моя киска, моя малышка! — рычу я, когда она плотно сжимает мой ствол и начинает пульсировать, для меня. Проникаю глубоко внутрь ее содрогающегося тела, и она выкрикивает мое имя.

Мой член еще дергается, когда я выхожу из нее и поднимаю ее бедра с пола к своему рту. Я так изголодался по этой женщине, что вряд ли когда-нибудь смогу насытиться. Я лижу и сосу ее клитор, наши совместные соки капаят с моего подбородка, а я все больше догоняю ее оргазм. Я хочу, чтобы она прочувствовала это до глубины души, чтобы она никогда не забывала, что она принадлежит мне.

Когда я наконец отпускаю ее, Сави лежит на полу. Она самая прекрасная из всех, на кого я когда-либо смотрел. Подхватываю ее на руки и прижимаю к себе, глядя по голой спине и попке, а ее голова прижимается к моей шее.

— Малышка, ты больше никогда не сможешь от меня убежать, — тихо говорю ей, а она дрожит в моих объятиях. — Я не могу обещать тебе, что не буду совершать ошибок, что не буду портить с тобой отношения, но я могу пообещать, что буду чертовски стараться не делать этого. Мне нужно, чтобы ты не убегала, если я все испорчу. Ты должна кричать на меня, ругать, драться, но никогда не убегать, никогда больше не убегать. Пожалуйста, Сави, обещай, что останешься и будешь бороться за меня, бороться за нас?

Ее горячее влажное дыхание на моей шее поднимается, пока ее великолепные голубые глаза не встречаются с моими, и в них столько чертовой любви, что у меня кружится голова.

— Я тоже буду совершать ошибки. Мне потребуется время, чтобы научиться жить без маски. Открыться тебе, всем вам. Поэтому я обещаю не убегать, если ты обещаешь быть терпеливым, верить в меня, когда я буду совершать ошибки. Я обещаю, Тейт, что с этого момента, каждый день, я буду бороться за нас.

Беру ее затылок в руки, и наши лбы прижимаются друг к другу.

— Малышка, именно так мы будем выбирать друг друга каждый день до конца наших дней.

После того как я не спала всю ночь и большую часть дня, читая их сообщения и письма, а потом меня укачал Тейт, я решила, что здесь, на полу, идеальное место для того, чтобы вздремнуть. На нем так тепло и удобно лежать, что я немного хнычу, когда он заставляет нас сесть, что вызывает у него усмешку.

— Давай, малышка, найдем место помягче. Есть вещи, которые мы должны обсудить, и если ты будешь продолжать так ерзать своим идеальным обнаженным телом по мне, то я положу тебя обратно и вылижу каждый твой дюйм.

Самодовольная улыбка растягивает мои губы.

— Хорошо, давай так и сделаем.

Он смеется, целует меня в затылок и сажает нас. Тейт берет мой свитер и одевает его мне через голову, затем помогает надеть штаны, после чего быстро одевается сам, поднимает меня с пола и крепко обнимает.

— Боже, не могу насмотреться на тебя, малышка.

Он шепчет мне в волосы, и я прекрасно понимаю, что он имеет в виду. Теперь, когда я разрушила изрядную часть своей стены, все, чего я хочу, погрузиться в него, во всех них. Когда он, наконец, ставит меня на ноги, я слышу, как Мо скулит и царапается у задней двери, поэтому беру Тейта за руку и веду его вглубь дома. Мо бросается на задний двор с глубоким рычанием и лаем, заставляя меня рассмеяться. Прошло уже несколько дней с тех пор, как он был здесь, защищая свою территорию от птиц и белок. Я оставляю его наедине с собой и держу дверь приоткрытой, чтобы он мог вернуться, когда будет готов.

Нахожу Тейта рядом с обеденным уголком, все еще заваленном книгами, которые они с Джудом присылали мне на протяжении многих лет. Он прижимает руку ко рту, а на его глазах блестят слезы. Есть что-то такое в том, чтобы видеть, как этот крупный, крепкий мужчина растрогался, заставляет мое сердце пропустить удар. Я подхожу к нему, провожу рукой по закладкам, заполняющим одну из книг, которые он мне прислал, и поднимаю на него глаза.

— Спасибо, что прислали мне их. Я прочитала все ваши выделения и заметки. Тейт, спасибо, что не бросил меня.

Он обхватывает меня за плечи и притягивает ближе к себе со смехом.

— Ты даже не представляешь, сколько я вытерпел от других игроков за все это. Между тренировками и играми у меня всегда была с собой книга. Однажды на Рождество мне подарили ящик с маркерами и закладками. Мне казалось, что это единственное, что я мог сделать, чтобы оставаться рядом с тобой в то время. Черт, малышка, я так по тебе скучал.

Протягиваю руку и обхватываю его лицо.

— Мне... мне так жаль, что...

Меня прерывает резкий голос за спиной, от которого у меня все холодеет внутри.

— Ты, должно быть, издеваешься надо мной!

Мы с Тейтом в шоке оборачиваемся и видим Ванессу, стоящую прямо у задней двери, и я резко спрашиваю:

— Какого черта ты здесь делаешь?

Она все еще смотрит на Тейта с выражением отвращения и не отвечает мне.

— Татум Вэлор, невероятно. Очевидно, ты не учишься на своих ошибках. Какая

жалость. Какая потеря.

Она пожимает плечами, качая головой, затем поднимает с бока пистолет и нажимает на курок. Все вокруг замедляется, как только раздается выстрел. Я чувствую себя как в патоке, когда пытаюсь протянуть к нему руку. Что-то мокрое шлепается мне на лицо, когда Тейт, шатаясь, отступает назад, ударяется о стол и медленно опускается на пол. Его ореховые глаза широко распахнуты от страха, он прижимается к моему лицу, а на губах расцветает ярко-красный цвет, он шепчет:

— Малышка... беги!

Мои колени подгибаются, чтобы опуститься рядом с ним, но рука, запутанная в моих волосах, снова поднимает меня и толкает к дивану.

— Сиди, мать твою, и не двигайся, сестренка! — шипит Ванесса, и все становится на свои места.

— Что ты сделала? Что ты, блядь, сделала? Тейт!

Я кричу и делаю шаг назад к нему, но она прижимает все еще раскаленный ствол пистолета к моему лбу и застывает на месте.

— Я сказала, не двигайся!

Мои руки медленно поднимаются, чтобы показать ей, что я ее слышу. Я хочу броситься на нее и ударить головой об пол за то, что она только что сделала, но я знаю, что она выстрелит в меня прежде, чем я до нее доберусь. Мне нужно как-то пережить это, чтобы вызвать помощь для Тейта, пока не стало слишком поздно.

— Что тебе нужно? Зачем, зачем ты в него стреляла?

Мой голос захлебывается, когда я перевожу взгляд с нее на пол. Все, что я вижу, рука Тейта, и я не знаю, жив ли он еще, но я должна верить, что жив, иначе я сделаю какую-нибудь глупость.

— Чего я хочу? — Она горько смеется и отходит на несколько футов. Она толкает Тейта ногой, а затем ухмыляется, глядя на меня. — Я хочу получить то, что мне причитается.

Она направляет на меня пистолет с тяжелым взглядом.

— Даже не думай ничего предпринимать. Мне надоело ждать и тратить на тебя свое время. — Она оглядывается через плечо на кухню. — У тебя есть спиртное? Все еще слишком много пьешь?

Сжимаю пальцы в кулак, пытаюсь придумать план, но ничего не получается, я слишком поглощена мыслями о Тейте, истекающем кровью на полу.

— Э-э... э-э... да, бутылки стоят рядом с холодильником в том длинном шкафу, — говорю я ей.

Она бросает на меня еще один угрожающий взгляд, после чего отворачивается и идет на другую сторону острова. Воспользовавшись тем, что она повернулась спиной, я придвигаюсь ближе к краю дивана, чтобы лучше видеть Тейта. Я сдерживаю крик, когда вижу растекающуюся кровь под ним и темное мокрое пятно на груди. Его глаза закрыты, но я все равно вижу, как слегка поднимается и опускается его грудь, это дает мне надежду, что я все еще могу спасти его.

— Забудь о нем! — кричит Ванесса, возвращаясь с пистолетом, направленным в мою сторону, и свободной рукой, обхватившей четыре бутылки с выпивкой. Она ставит их на стол напротив меня и взмахивает пистолетом. — Открой их.

Я медленно протягиваю руку и беру бутылку водки.

— Зачем ты это делаешь? Это деньги? Я переведу тебе столько, сколько ты захочешь,

если ты позволишь мне прямо сейчас вызвать скорую помощь для Тейта!

Ее губы растягиваются в забавную ухмылку.

— Зачем мне соглашаться на это, если я могу получить все? Я беру то, что должно было принадлежать мне с самого начала. Ты знаешь, что твой отец обещал удочерить меня? Он собирался дать мне свою фамилию и все такое. Тогда половина всего состояния стала бы моей, после его смерти. Ты разрушила это для меня, как и все остальное. Тебе просто необходимо было, чтобы он пригласил тебя на день рождения, не так ли? Его особенная, грустная маленькая Сави. Это ты виновата в том, что он ехал в грозу и погиб, не успев оформить документы на удочерение. Ты забрала у меня все! Но я забираю это обратно, ты, недостойная сука.

Открываю вторую бутылку рома и качаю головой.

— Ты думаешь, что если ты меня убьешь, то получишь мое наследство? Ты с ума сошла? Ты ничего не получишь. Если я умру, все достанется...

— Марку. — Она заканчивает за меня с забавным видом, и это больно ударяет меня в грудь. — Вот именно. Марк получит все, а когда через несколько лет с ним произойдет несчастный случай, все это достанется его жене.

Мой рот раскрывается, и я смотрю на нее.

— Марк женился на тебе?

Она беззаботно пожимает плечами.

— Пока нет, но он женится.

Крепко сжимаю в руках бутылку скотча, пылая от ярости, вызванной предательством, которое я чувствую.

— Вы оба в этом замешаны? Вы оба пытались убить меня все это время?

Она усмехается:

— Я тебя умоляю! Марк слабый маленький киска-бойскаут. Всегда пытается сделать то, что нужно, чтобы защитить свою драгоценную принцессу.

Она мрачно смеется, берет открытую бутылку водки и начинает разливать ее по всем книгам на столе.

— На самом деле, то, что он был там в тот вечер, играет в мою пользу. Помнишь, тот ужин? Ты не должна была там быть. Ты должна была оставаться неудачницей, которой ты и являешься, и быть в своей квартире, когда она взорвалась, но нет, ты пыталась быть той, кем ты не являешься, с людьми, которых ты не заслуживаешь. Если бы кто-то начал задавать вопросы, я бы расплакалась и указала на то, что он был в городе, когда это случилось. А то, что он был такой маленькой сучкой, когда увидел, что я тоже там, и убежал, только еще больше усугубило его вину.

Она отставляет пустую бутылку, берет следующую и начинает выливать ее на подушки.

У меня слезятся глаза от паров, и я пытаюсь отодвинуться подальше, спрашивая:

— А клубнику? Ты тоже это сделала?

Ее лицо становится грозным, и она рычит:

— Чертов психопат Джуд Диксон! У меня не было другого выбора, кроме как рассказать ему о твоём эпинефроне. Он собирался свернуть мне шею!

Натягиваю рубашку на нос, пытаюсь глотнуть чистого воздуха, и опускаю глаза на лежащего на полу Тейта. Я не могу сказать, дышит он еще или нет. Я должна ускорить процесс, пока не стало слишком поздно.

— Так почему сейчас? Зачем ждать четыре года, чтобы попытаться снова?

Она отвечает мне, расплескивая скотч по занавескам.

— Потому что Марк наконец-то набрался смелости и перестал мне платить. Сказал, чтобы я выпустила видео, мол, хватит его шантажировать. Я собираюсь заставить его...

Она отворачивается от меня, чтобы облить дальние шторы, и я чувствую, что наконец-то могу сделать свой ход. Я хватаю пустую бутылку из-под водки за горлышко, вскакиваю на ноги и со всего размаху бью ее по затылку. Она поворачивается ко мне спиной, и в этот момент бутылка разбивается вдребезги. Ванесса, задыхаясь, отшатывается в сторону, а пистолет, все еще зажатый в ее руке, с грохотом выстреливает.

Пуля ударяется о мраморную столешницу, и спиртное вспыхивает. Я отступаю назад и ныряю с дивана, хватая по пути еще одну пустую бутылку. Споткнувшись о тело Тейта, я отшатываюсь назад, судорожно ища Ванессу среди разрастающегося пламени. Все книги горят, и через несколько секунд срабатывает сигнализация. Она подключена к системе безопасности, поэтому я знаю, что скоро приедут пожарные.

Мои глаза перебегают с пламени на Тейта, ожидая, что Ванесса вот-вот появится. Секунды кажутся часами, когда я решаю, что, должно быть, вырубил ее, начинаю тянуться вниз, чтобы оттащить Тейта. Но в тот момент, когда я наклоняюсь, раздается еще один выстрел, и я клянусь, что чувствую, как пуля рассекает мои волосы. Я падаю вниз, перепрыгиваю через Тейта, хватаю Ванессу за ногу под столом и резко дергаю, пока пламя лижет меня. Я слышу, как она ударяется о стол надо мной, а затем начинает кричать, и я вырываюсь из-под стола и жара, который лишает меня воздуха.

То, что я вижу, когда встаю на ноги, вызывает тошноту, подкатывающую к горлу. Длинные светлые волосы Ванессы горят факелом вокруг ее головы, она мечется, бьет по ним руками, пытаясь потушить огонь. Она откидывается назад, и пламя от ее волос касается занавесок, поджигая их тоже.

Пистолета в ее руках уже нет, поэтому я опускаюсь и тащу Тейта по паркетному полу в сторону выхода из дома. От дыма я кашляю и хриплю с каждым вдохом, но не перестаю тащить его за собой, пока не доберусь до входной двери. Вытаскиваю его на крыльцо, на свежий воздух, опускаюсь рядом с ним и зажимаю рану на его груди, крича, чтобы кто-нибудь помог. Сирены заполняют ночь, когда я прижимаюсь к нему сильнее и умоляю, умоляю и умоляю, чтобы он не оставлял меня.

— Гребаный тачдаун! — кричит Джуд, когда я захожу в комнату. Восторженная улыбка на его лице заставила меня остановиться. Я уже много лет не видел такой улыбки на его лице, со времен, когда Сави...

— Что? Что случилось? — спрашиваю я с настойчивостью.

Надежда зарождается в моей груди, когда он бросает взгляд в мою сторону, и его улыбка становится только шире. Он бросает мне телефон и начинает танцевать на диване, не давая мне возможности увидеть, о чем он говорит.

— Джуд! Какого хрена, чувак!

Эш смеется, когда Джуд пританцовывает и трясет задницей перед его лицом.

— Она... прочитала... мои... сообщения! — Джуд скандирует, а затем спрыгивает на пол.

Моя рука ныряет в карман так быстро, что я чуть не вырываю подкладку. Нащупываю телефон, ругаясь, так как руки начинают трястись, и наконец открываю эту чертову штуку. Вот оно... вот оно, черт возьми! Все сообщения, которые я отправил ей так давно, были прочитаны. Я смеюсь от облегчения, но потом смотрю на Джуда и Эша.

— Как вы думаете... значит ли это, что она хочет... нас?

Эш сжимает кулак и подносит его ко рту, когда Джуд кричит.

— Да, малыш!

Эш встает и хватается Джуда за плечо, словно пытаюсь его успокоить.

— Это отличные новости, Джуд. Это значит, что она думает об этом, о нас, но то, что она наконец-то прочитала их, еще не значит, что она готова. Мы должны подождать...

Я громко смеюсь над выражением лица Джуда. Он похож на Таннера, когда я говорю ему, что он должен съесть овощи, прежде чем получить десерт.

Прежде чем он успевает устроить настоящую истерику, я спрашиваю:

— Тейт пошел к ней, да? Он отвел собаку? Кто-нибудь, позвоните ему и спросите, как она.

У Джуда комично расширяются глаза, а потом он судорожно набирает номер. Он включает громкую связь, чтобы мы все могли слышать, но стонет, когда звонок попадает на голосовую почту. Джуд звонит ему еще пять раз подряд, а затем смотрит на нас прищуренными глазами.

— Вот урод! Единственная причина, по которой он не отвечает на наши звонки, если его руки заняты чем-то более важным. Чем-то вроде идеальных сисек Сави! К черту, поехали. Я за рулем!

Он берет с журнального столика связку ключей, и мы с Эшем сразу же отбираем их. Эш зажимает ему голову, а я выхватываю у него ключи.

— Нет, черт возьми, ты не поведешь, маньяк! Не зря никто из нас не садится в машину с тобой за рулем.

Он выпячивает нижнюю губу, и я не могу сдержать смех. Как же чертовски хорошо, что мой лучший друг вернулся.

— Одно пересечение четырех полос и несколько сбитых опор не делают меня плохим водителем! — Хнычет он.

Я поднимаю ключи над его головой и встряхиваю их.

— Если будешь вести себя хорошо, я по дороге заскочу в "Шейк Шак".

Эш закатывает глаза, когда Джуд бежит к двери гаража, хлопая в ладоши, но при этом ухмыляется. Я бросаю ему ключи.

— Сейчас буду. Только сообщу Поле и загляну к малышу. Убедиться, что он спит.

Стою несколько мгновений у двери Таннера, любуясь его раскрасневшимися от сна щеками, и позволяю себе представить мир, в котором Сави любит его так же сильно, как и мы. Я молюсь, чтобы она была готова на это. Отступаю от его двери и быстро иду к гаражу с мыслями о женщине, которую люблю, и обо всех братьях и сестрах, которых я хочу для своего сына.

Джуд подпрыгивает на заднем сиденье, уплетая гамбургеры и шейк, и при этом неловко перебирает музыку Дава Кэмерона. Он визжит, что мог бы быть лучше, чем он, в то время как мы с Эшем разрываемся от смеха. Чем больше мы смеемся, тем легче мне становится. Прошло слишком много времени с тех пор, как мы все так смеялись. Я забыл, как это здорово.

В это время суток движение на дорогах не такое уж и отстойное, и мы отлично едем, пока не оказываемся в нескольких кварталах от дома Сави. Впереди нас стоит очередь из машин, которые никуда не едут из-за аварии. Я нетерпеливо барабаню пальцами по рулю, но чем дольше мы сидим на месте, тем больше мой желудок почему-то начинает киснуть, и вот уже клубок ужаса заполняет все нутро. Я поворачиваюсь к Эшу и вижу у него нервное выражение лица, что только усугубляет мое чувство.

Что-то не так. Не знаю, откуда я это знаю. Я просто чувствую это. Я распахиваю дверь и кричу:

— Позвони ему еще раз!

Использую раму внедорожника, чтобы подтянуться и встать, открывая обзор на все машины, стоящие передо мной, и задыхаюсь от увиденного. Повсюду мигающие огни скорой помощи, перегородивших дорогу в нескольких кварталах отсюда, и я без сомнения знаю, что они приехали за нашей девочкой.

Я опускаюсь на свое сиденье и кричу:

— Держитесь! — прежде чем выворачиваю руль вправо и паркуюсь наполовину на чьем-то газоне, наполовину на тротуаре. Переключив коробку передач на "паркинг" и заглушив двигатель, кричу: — Бежим!

Мы втроем выпрыгиваем из машины и начинаем бежать. Чем ближе мы подбираемся, тем сильнее становится запах дыма. Мои глаза стреляют во все направления, мы подбегаем к натянутой предупредительной ленте, но я не вижу того, что мне нужно увидеть, поэтому я прорываюсь сквозь нее, не обращая внимания на полицейского, который начинает кричать на нас, когда мы рвемся вперед.

Мы перепрыгиваем через брандспойты и уворачиваемся от пожарных, пока я не вижу черный дым, валящийся из дверей и окон дома Сави. Я уже готов пронестись сквозь этот дым, когда Джуд плечом подталкивает меня в другом направлении. Мои глаза фиксируют взрыв ее темных волос, когда она сражается с фельдшером, который все пытается надеть на нее кислородную маску. Сави снова отталкивает парня в сторону, стараясь не отстать от другой пары медиков, которые быстро толкают носилки к задней части машины скорой помощи. Облегчение от того, что она в вертикальном положении и двигается, быстро сменяется страхом, когда один из них отходит в сторону и я замечаю Тейта. Лишь на долю секунды я

вижу, что он весь в крови.

Я даже не успеваю понять, что падаю на колени, как Эш поднимает меня на ноги. Джуд тянется к Сави, выкрикивая вопросы, но ее бешеные глаза не отрываются от Тейта, пока его грузят на носилки и помогают ей встать рядом с ним. Джуд в бешенстве хватается одного из парамедиков и трясет его, пока тот не говорит что-то, чего я не могу понять в своем оцепенении, а затем Джуд разворачивается на месте и возвращается к нам.

— Поехали! Нам нужно в больницу.

По дороге к машине Эш хватается за руку пожарного, и я слышу, как он говорит что-то о том, что собака в доме, а потом запикивает меня на пассажирское сиденье, вытащив ключи из кармана. Он ведет машину хуже Джуда, доставляя нас туда, и требует от Джуда ответов. Он пропускает такси и чуть не врезается в автобус.

— Что он сказал? Что не так с Тейтом, Джуд?

Джуд с рычанием ударяется головой о спинку моего сиденья.

— Черт, черт, черт! В него стреляли! Пуля попала в грудь. Его везут в ту же больницу, где лежала Сави после нападения.

Эш хлопает рукой по рулю, проезжая на красный свет, отчего вокруг нас раздаются гудки.

— А что с Сави? Ты видел? Она пострадала?

— Я ни хрена не знаю, чувак! Она двигалась нормально, но у нее все лицо было забрызгано кровью. Я не знаю, я не знаю!

Я даже не могу это осознать. Кто-то стрелял в Тейта. Как такое вообще могло случиться? Он в порядке. С ним все будет в порядке. Это Тейт. Это мой брат. С ним должно быть все в порядке.

Мы прибываем на несколько минут позже "скорой", но нам требуется слишком много времени, чтобы добраться туда, куда нужно. Медсестры устраивают баррикады, пока носилки Тейта исчезают в одном направлении, а Сави тащат в другом. Они говорят такие слова, как "мандат на конфиденциальность" и "ближайший родственник", и, насколько я понимаю, все они могут идти на хрен. Бек чертов зомби, Джуд рвет на себе волосы, и я знаю, что он в шаге от того, чтобы взорваться, если нас не пропустят, поэтому я называю несколько имен администраторов, которые я узнал на VIP-этаже, когда мы были здесь в последний раз, и через несколько минут нас ведут в палату, в которой находится Сави.

Если Бек зомби, то Сави просто... отсутствует. Она сидит на кровати с кислородной маской, закрывающей рот, но глаза ее пусты. Доктор и медсестра продолжают задавать ей вопросы, но ответа не получают. На одной стороне лица у нее брызги крови, и я чувствую горький запах дыма с края кровати. Джуд бросается прямо к ней, отталкивая врача в сторону.

— Куколка! Детка, я здесь, мы здесь. Все хорошо, все будет хорошо.

Эти пустые глаза мерцают и медленно перемещаются в его сторону, но я могу сказать, что она не видит его на самом деле, когда он берет ее за руку.

— Она ранена? — спрашиваю я доктора.

Он переводит взгляд с Сави на меня и хмуро качает головой.

— Немного надышалась дымом, но видимых повреждений нет, кроме синяков, которые выглядят как будто прошло несколько дней. Сейчас у нее шок, так что нам нужно внимательно следить за ней.

Я вытираю лицо и киваю.

— Вам нужно перенести ее на VIP-этаж. Пресса будет здесь с минуты на минуту.

Он снова растерянно смотрит то на нее, то на меня.

— Она не говорит нам своего имени. Она вообще не разговаривает, и у нее нет никаких документов. Кто она?

Бек, похоже, в этот момент выходит из своего шокового состояния, потому что отвечает именно он.

— Это Саванна Севан, а человек, с которым ее привезли, Татум Вэлор, новый защитник «Kings».

Глаза доктора расширяются от услышанного, и он машинально тянется за планшетом.

— Мне нужно сделать несколько звонков, чтобы уведомить администрацию и предупредить охрану. Поговорите с ней и заверьте ее, что она в безопасности, даже если она не ответит. Я скоро вернусь с транспортом, чтобы забрать ее...

Раздается сигнал тревоги, и роботизированный голос произносит: «Синий код». Прерывая его, мы, как один, поворачиваем головы в сторону быстрых шагов за дверью. Доктор сует медсестре планшет и бросается к двери. Бросив еще один быстрый взгляд в сторону Сави, я выхожу вслед за ним, а Бек следует за мной по пятам. Вокруг человека, от которого исходят тревожные сигналы, толпа людей, но я знаю, что это Тейт. Знаю, что там мой брат, который борется за свою жизнь. Пронзительный однотонный звук сообщает мне, что его сердце остановилось, и рука Бека скользит по моей спине.

Медсестра замечает нас и с извиняющимся видом задерживает занавеску, закрывая нам

обзор. Мы стоим вместе, и слезы текут по моему лицу, слушая, как они пытаются запустить его сердце снова.

Никогда в жизни я не чувствовал себя таким беспомощным. Я не знаю, сколько это продолжается, пока кто-то не кричит:

— Давайте его перевезем!

И тогда занавеска резко распаивается, и нас отталкивают с дороги, чтобы они могли бегом перекачать кровать, на которой лежит Тейт. Врач, с которым мы разговаривали в палате Сави, останавливается рядом с нами.

— Он был близок, но его состояние достаточно стабилизировалось для того, чтобы начать операцию. Я скоро вернусь, чтобы перевезти мисс Севан.

Когда мы возвращаемся к Сави, то находим ее на коленях у Джуда на кровати. Он качивает ее, гладит по волосам и спине, умоляет вернуться к нему, но она просто смотрит в пустоту, пока ее прерывистый шепот не заполняет комнату.

— Все, кого я люблю, уходят.

Мне плевать на их долбаную политику. Я не отпущу свою куколку до тех пор, пока она не вернется из ада, в котором она себя заперла. Эш накрывает нас одеялом, которое я натягиваю на голову, пока они толкают нас по коридору к лифту, который увезет нас подальше от безумия, в которое погрузилось отделение неотложной помощи.

Прошел слух, что наследница Севана и новый звездный квотербек здесь. Пресса в бешенстве, и даже обычные люди пытаются разглядеть их или сфотографировать, чтобы продать прессе. Бек и Эш играют роль вышибал на входе, впуская только медицинский персонал с соответствующими больничными удостоверениями. Какой-то урод в спецовке попытался войти с камерой и начал кричать о свободе прессы, но парни вытолкали его обратно. В конце концов на дверь поставили охрану, но все это время моя куколка оставалась под наблюдением. За исключением той единственной душераздирающей фразы, которую она прошептала, она ни разу не заговорила и не взглянула ни на кого из нас.

Крепко обнимаю ее, когда мы поднимаемся в лифте, и делаю то, чего не делал с детства. Я молюсь. Я молю Бога, чтобы он не забирал моего брата у меня, у нас. Я не знаю, как кто-либо из нас смог бы пережить его потерю, и я знаю, что Сави не сможет. После всего, что она пережила, потеряв родителей, потеряв нас и теперь Тейта? Я не думаю, что она оправится, если он умрет.

Никто из нас не знает, что за хрень произошла в том доме сегодня ночью. Мы знаем только, что Тейт был подстрелен, дом горел, а Сави молчит. Проходит несколько часов, пока мы ждем новостей о состоянии Тейта. Залы ожидания заполняются представителями команды по связям с общественностью, тренерским штабом и некоторыми другими игроками, с которыми мы только начали знакомиться. Появляется дядя Сави, но мы запрещаем ему входить в ее палату. Пока мы не узнаем, что произошло, никто к ней не подойдет. Если я узнаю, что он причастен к этому, у копов не будет шанса его тронуть. Его просто больше никто никогда не увидит.

— Детка, малышка, куколка. Ну же, мне нужно, чтобы ты вернулась ко мне. Пожалуйста, Сави. Пожалуйста, поговори со мной? — умоляю ее, вытирая теплым полотенцем кровь Тейта, с ее лица. Я стягиваю с нее пахнущий дымом свитер, передаю его Беку, чтобы он его выбросил, и начинаю вытирать ее грудь и руки, пытаюсь избавить ее от этого ужасного запаха.

— Я послал это ей.

Я смотрю на Бека и вижу, что он держит в руках пушистый свитер, покрытый мультяшками.

— Это был один из подарков, которые я отправил ей, пока мы были в разлуке. — Его грустные глаза смотрят на меня. — Она больше никогда не носила ничего подобного. Она всегда в черном. Если она носила это, значит ли это, что она...?

Он опускает глаза, сильно хмурясь, Эш кладет руку ему на плечо и сжимает.

— Я не знаю. Она читала все сообщения и носила это, так что, возможно, она была готова простить нас. Может быть, она была готова снова стать нашей. Я не знаю.

Поворачиваюсь обратно к Сави и продолжаю ее мыть. Эш протягивает мне больничный халат, чтобы я надел его на нее, но Бек выхватывает его и бросает на стул, затем снимает с себя Хенли и футболку, которая была на нем под ним, и передает ее мне, после чего снова

надевает свой Хенли.

— Надень это на нее. Она должна чувствовать и ощущать наш запах рядом с собой. А не какую-то больничную тряпку с запахом крови.

Накидываю футболку ей на голову, продеваю через нее руки, затем стягиваю резинку с запястья, собираю волосы назад и убираю их в низкий хвост. Она все еще пахнет дымом и будет пахнуть до тех пор, пока я не смогу вымыть ей волосы, но это должно немного помочь.

Как раз в тот момент, когда я снова усаживаю ее, открывается дверь и входит новый врач. Он смотрит на нас всех четверых с замешательством.

— Я доктор Нэш, я делал операцию мистеру Вэлору. Кто из вас является его ближайшим родственником?

Бек огрызается:

— Мы все, — прежде чем кто-либо успевает ответить.

Доктор нахмуривает брови, но начинает кивать.

— Хорошо, он выписан из операционной и находится в реанимации в критическом состоянии, но пока состояние стабильное. Некоторое время он был на волоске от смерти, и мы дважды теряли его на столе. Следующие двадцать четыре часа будут решающими. Хорошая новость заключается в том, что он молод и находится в отличной спортивной форме. Это очень поможет ему в восстановлении. Если не будет никаких осложнений, я с оптимизмом смотрю на его выздоровление.

Облегчение переполняет меня, хочется плакать, но я вынужден спросить:

— Сможет ли он снова играть?

Он тут же начинает качать головой, отчего у меня сводит живот.

— Я не буду даже рассуждать на эту тему. Еще слишком рано даже думать об этом. Пуля пробила одно из его легких и нанесла значительный ущерб. Сейчас нам нужно сосредоточиться на том, чтобы он пережил эти несколько дней. Все остальное вторично.

Бек подходит к доктору и протягивает ему руку, чтобы тот пожал ее, благодаря за все, что он сделал для спасения нашего брата.

Перед тем как уйти, он говорит нам:

— Полиция хочет получить от мисс Севан показания о том, что произошло, но из-за ее состояния мы пока задерживаем их. Она хоть что-нибудь сказала?

Когда мы все качаем головами, он хмурится и говорит:

— Я попрошу кого-нибудь из психиатрической службы приехать и оценить ее состояние. Скоро кто-нибудь будет.

Я притягиваю Сави обратно в свои объятия с защитным рыком. Хочу сказать парню, чтобы он засунул свою оценку, но чем дольше она остается запертой в своей голове, тем больше я пугаюсь, что она никогда не вернется ко мне, поэтому я просто киваю в знак согласия.

Все уходят. Все уходят. Все уходят... от меня.

— Мы не уйдем, ангел. Мы никогда не уйдем. Я здесь, и Джуд здесь, и Бек здесь. Тейт тоже здесь, он жив. Посмотри на меня, Сави. Мне нужно, чтобы ты вернулась, чтобы мы могли отвести тебя к Тейту. Он ждет тебя. Ты ему нужна.

Тейт? Тейт не умер? Нет, это неправда. Я видела его, видела, как он оставил меня. Я слышала этот ужасный звук в машине скорой помощи. Этот злой, пронзительный, тягучий звук, который означал, что его больше нет. Что я слишком долго медлила. Что я не смогла его спасти, как не смогла спасти своего отца. Все уходят, а виновата... всегда... я.

— Куколка? Черт! Она все еще не слышит нас. Что нам делать? Что нам делать? Прошло уже три долбанных дня?

Я не хочу их слышать. Я хочу, чтобы они ушли. Я хочу тишины. Здесь легче. Лучше здесь, где я одна, и никто больше не может уйти.

—..Устроят истерику, если они нас поймают!

— Да плевать. Мы уже все перепробовали. Он ей нужен.

Голова кружится и кажется странной. Я чувствую, что мое тело движется, но не чувствую земли под ногами. Почему они просто не остановятся, не уйдут?

Еще больше звуков заставляют меня хмуриться. Гудки, шорохи, шепот и слова, которые я не могу разобрать. Я хочу вернуть тишину. Не хочу ничего слышать, не хочу ничего чувствовать. Лучше быть одной...

— Малышка? Малышка, пожалуйста, проснись. Ты мне нужна. Ты мне так нужна, детка. Это говорит хриплый голос, но это ложь. Этого голоса больше нет. Он покинул меня.

— Сави, ты сказала, что выбрала меня. Ты сказала, что любишь меня. Ты обещала, детка. Ты обещала, что больше не сбежишь. Ты обещала выбирать нас каждый день, малышка.

Этот голос, он такой грубый, такой разбитый. Я чувствую влагу на щеках, а затем боль в груди, потому что я обещала. Я обещала выбрать его. Я обещала выбрать их всех.

Дрожащая рука проводит по моей щеке, и я чувствую, как ее тепло скользит по моей щеке и заполняет всю меня. Я чувствую его тепло впервые за не знаю сколько времени, и оно говорит мне... он не ушел. Он не оставил меня. Склоняю голову к теплу и несколько раз моргаю сухими глазами, а потом вижу его. Я вижу его, и я не одна.

Больница предоставила нам семейную палату, чтобы быть поближе к Тейту, не то, чтобы они не выставили мне счет за это, но деньги не волнуют никого из нас. Все, что имеет значение, Тейт. В комнате два глубоких удобных дивана и несколько кроватей, и, судя по всему, мы провели здесь несколько дней. Я откидываю назад свои мокрые волосы, благодарная за то, что от меня наконец-то не исходит едкий запах дыма, и прижимаюсь к Эшу, читая сообщение от Сары о Мо. Она уверяет меня, что у Мо нет никаких последствий от дротика с транквилизатором, которым его уколола Ванесса, и ветеринар дал заключение о его здоровье. За последнюю неделю мой бедный щенок пережил почти столько же потрясений, сколько и я.

Я дала показания полиции о случившемся, и теперь осталось только провести разговор, которого я так боялась. Глубоко вдыхаю, вызывая кашель, и чувствую вкус дыма в горле. Эш протягивает мне стакан с водой, и я, сделав глоток, киваю Беку, чтобы тот впустил посетителя.

Марк входит с сердитым выражением лица, но оно исчезает, когда он осматривает меня с ног до головы и превращается в обиженное.

— Принцесса, я просто с ума схожу. Я не понимаю, почему ты меня не пускаешь. Саванна, я не враг!

Я натянуто улыбаюсь и машу ему рукой, чтобы он сел в кресло напротив меня.

— Надеюсь, что это правда, Марк, но есть вещи, которые нам нужно обсудить. Вещи, которые будут неприятными.

Он медленно опускается в кресло, бросая осторожные взгляды на мужчин, которые угрожающе смотрят на него.

— Я... я не понимаю. Мне сказали, что был пожар и что один из твоих друзей-мужчин был ранен. Почему все это должно касаться меня?

Тереблю подол толстовки Джуда, которую он принес для меня, пытаюсь подобрать правильные слова, но правильного способа объяснить, что произошло той ночью, не существует. Вместо этого я произношу только одно слово.

— Ванесса.

Внимательно слежу за его лицом и вижу, как в его глазах появляется настороженность, но это все равно не говорит мне того, что я хочу знать, поэтому я продолжаю.

— Она мертва.

Я улавливаю вспышку облегчения в его лице, прежде чем он скрывает эмоции и вздыхает.

— Но сначала она рассказала мне о шантаже, о видео.

Его рот несколько раз открывается и закрывается, на в его выражении лица появляется намек на панику, но затем он просто смиряется и кивает.

— Я расскажу тебе все, но не могли бы мы начать с самого начала? Что произошло той ночью?

Я рассказываю ему, как она вошла в дом и выстрелила в Тейта, и все, что она сказала, равнодушным тоном. Мне нужно постараться немного отстраниться от того, что произошло, иначе это затянет меня в водоворот событий. Мне потребуется время, чтобы смириться со всем и перестать винить себя в том, что я подвергаю Тейта опасности. Я уже несколько раз

беседовала с одним из психиатров больницы и планирую начать регулярно посещать своего собственного психотерапевта. То, что я заперла все свои травмы в бутылке, стало причиной моего молчания на три дня. Выбрать их, значит выбрать стабильность для них, поэтому я собираюсь заняться своим психическим здоровьем.

— Боже, Саванна, мне так жаль, что это случилось с тобой и твоим другом. Я знал, что она ужасный человек, но я не представлял, что она настолько невменяема. — Он потирает лицо, устало вздыхая. — Она шантажировала меня, но клянусь, что я не сделал ничего плохого! Ванесса накачала меня наркотиками, кажется, "рогипнол"? Она подсыпала его мне в напиток, когда ей было шестнадцать, а как только я отключился, она разделась догола и сняла видео с собой на моих коленях. Клянусь во имя дружбы с твоим отцом, я бы никогда не прикоснулся к этой девушке добровольно! С тех пор она грозит показать это видео своей матери и предъявить обвинения. Это был бы ужасный скандал, если бы это вышло на поверхность. Поэтому я просто давал ей то, что она хотела. Сначала это были мелочи. Пользование самолетом, когда она хотела, дополнительные деньги, когда ее мать обделяла ее, и уборка за ней, когда она устраивала беспорядок.

Поднимаю палец, чтобы остановить его, и спрашиваю:

— Девочка, которую она запугивала, покончила с собой? Ванесса поэтому перевелась в мой университет?

Он медленно кивает, и на его лице появляется огорченное выражение.

— Да, я помог ей. Убедил совет директоров скрыть это. Мне очень жаль, Саванна.

Резко киваю, но отвожу взгляд.

— Она сказала, что ты перестал платить и велел ей выложить видео.

Марк делает глубокий вдох и сжимается в комок.

— Да, это так. Я знаю, что она показала видео Селесте, и знаю, что Селеста пыталась рассказать об этом тебе. Но ты не захотела участвовать в их играх, и она пришла ко мне. — Он потирает лицо. — Полиция приходила к ней, чтобы поговорить о делах Ванессы. Селеста связалась со мной сегодня утром и извинилась за все, через что ее дочь заставила нас пройти. Селеста была в ужасе от всего случившегося. Она попросила меня передать тебе это и заверить, что ты больше никогда о ней не услышишь.

Жую губу и скрючиваю пальцы, но Эш сжимает их в кулак и не отпускает, поддерживая.

— Почему ты решил перестать платить Ванессе?

Небольшая улыбка растягивает одну сторону его рта.

— Потому что я все равно собирался уйти в отставку. Ты была права насчет тех контрактов. Когда я остановился и взглянул на отчет, который ты хотела получить, я увидел, что это просто привычка, делать все по старинке. Твои идеи свежи и инновационные. Ты будущее Севана, принцесса. Пришло время направить его в нужное русло. Твой отец гордился бы тобой, милая.

Слезы забивают мне горло, не давая говорить. Джуд все еще смотрит на Марка, и когда видит, что я закончила с вопросами, он начинает.

— Я хочу, чтобы ты выложил все прямо сейчас. Ей нужно развеять все сомнения, чтобы двигаться дальше. Ты имеешь какое-то отношение к несчастному случаю с ее отцом?

Марк в шоке отшатывается. Его взгляд перебегает с меня на Джуда.

— Что? Конечно же, нет! Он был моим лучшим другом. Я бы сделал все, чтобы он был с нами. — Его глаза снова направлены на меня, полные обиды. — Ты действительно так думала?

Все, что я могу сделать, это пожать плечами, но Джуд продолжает.

— Как мы могли не беспокоиться? Сложи все это. Она чуть не погибла в аварии, ее квартира взорвалась, кто-то подсыпал ей в напиток клубнику, которая чуть не убила ее, а потом на нее напали в парке. Многовато, блин, совпадений, тебе не кажется?

Марк подается вперед на своем сиденье и протягивает мне руку.

— О, милая, мне очень, очень жаль. Жаль, что ты не поговорила со мной об этом. У меня есть запертая папка толщиной в три дюйма, которую я мог бы тебе отдать. Я расследовал ту аварию со всех сторон. Они разобрали машину по частям в поисках каких-либо следов вмешательства.

Я протягиваю руку и спрашиваю:

— Почему?

— Злость, горе? Я хотел кого-то обвинить. Он женился на Селесте всего за несколько лет до этого, а я уже видел ее истинное лицо. Она была первой, о ком я подумал, когда узнал. Но это была не она. Поверь мне, если бы она собиралась убить его, то сначала подождала бы, пока он включит их с Ванессой в завещание. — Он сжимает мою руку. — Это была просто трагическая случайность. Никто не был виноват. Следователи сказали мне, что в тот день было самое большое количество аварий и смертельных случаев за последние десять лет. Чертов лед и скользкая дорога были тому причиной, не более того.

Он отпускает мою руку, еще раз сжимая ее, и поворачивается к Джуду.

— Я также проверил взрыв. Квартира под твоей была пуста, и именно в нем произошла утечка. Теперь, когда я знаю, что это Ванесса пыталась тебя убить, я попрошу своих людей еще раз взглянуть на произошедшее. Она могла нанять кого-нибудь для этого дела.

Смахиваю слезы с лица.

— Она это сделала или намекнула, что сделала. Она также вызвала мою аллергическую реакцию.

Джуд резко выплевывает.

— Я должен был убить эту дрянь четыре года назад!

Я бросаю на него ободряющий взгляд и продолжаю.

— Пожар начался до того, как она смогла признаться в нападении на меня на прошлой неделе, но все сходится. Она сделала все это, потому что чувствовала, что заслуживает всего, что у меня есть. Ирония судьбы в том, что я так долго хотела иметь все, что есть у нее. Я отчаянно хотела иметь мать, быть уверенной в себе и популярной, как она. Мне было бы грустно и жалко ее за все это, но я никогда не прощу ее за то, что она сделала с Тейтом. Я знаю, что это делает меня ужасным человеком, но я... я рада, что она... мертва.

Бек опускается рядом со мной, а Джуд садится по другую сторону от Эша, чтобы дотянуться до меня.

— Неправда! Ты самая лучшая куколка, которую я знаю. Ты никогда не смогла бы быть плохим человеком.

— Это не делает тебя плохим человеком, это делает тебя живой, дорогая.

Эш просто целует меня в макушку.

Делаю долгий выдох и говорю Марку:

— Прости, что сомневалась в тебе. Ты всегда был рядом со мной. Может быть, ты останешься в корпорации еще ненадолго? Я не знаю, когда вернусь. Тейт все еще...

Он прерывает меня, широко улыбаясь.

— Конечно, я останусь! Я все еще намерен уйти в отставку, но никуда не уйду, пока ты

не будешь готова. Я люблю тебя, Саванна. Я всегда буду рядом с тобой.

Впервые улыбаюсь ему по-настоящему, потому что начинаю верить, что не все уходят.

После того как Марк уходит, сердечно обняв меня, я снова устраиваюсь на диване. Эш и Бек располагаются по обе стороны от меня, а Джуд садится на журнальный столик прямо передо мной и берет мои руки в свои. Его красивые золотистые глаза скользят по моему телу, а затем останавливаются на моем лице.

— Куколка, Тейт сказал, что ты выбрала нас, когда он пытался уговорить тебя вернуться. Это правда? Ты наша?

Сжимаю его руки, смотрю на Эша и Бека и киваю.

— До того, как Ванесса пришла той ночью? Я кое-что решила. Я прочитала все ваши сообщения, письма. Это заставило меня окончательно осознать, что вы все-таки выбрали меня. Я должна извиниться перед всеми вами за то, что была слишком напугана, чтобы понять это.

Джуд рычит «Нет!».

Эш и Бек придвигаются ближе и гладят меня по спине и волосам.

— Я хочу, Джуд. Ты был прав. Большую часть своей жизни я пряталась от мира, от любви. Я больше не хочу так жить. Я хочу быть со всеми вами, строить жизнь вместе. — Поворачиваюсь к Беку. — Я хочу создать с тобой семью, если ты доверишь мне Таннера.

Бек подхватывает меня на колени и зарывается лицом в мои волосы.

— Спасибо, дорогая. Мне чертовски приятно это слышать.

Когда он наконец усаживает меня обратно, я делаю глубокий вдох.

— Мне нужно, чтобы вы все знали, что это будет нелегко. Я буду совершать ошибки. Иногда все это будет слишком, и я могу отступить, уйти от вас в темноту.

Джуд берет мое лицо в руки и прижимается лбом к моему.

— Все в порядке, куколка. Я пойду с тобой. Буду сидеть с тобой в темноте, пока ты не будешь готова, а потом я стану светом, который покажет тебе выход.

Прижимаюсь губами к его губам, а мои глаза наполняются слезами от благодарности, что я все еще нужна им. Эш отстраняет меня и поворачивает голову так, чтобы я смотрела на него.

— Мы все будем совершать ошибки, пока разбираемся в этом, ангел. Но пока мы помним, что любим друг друга и выбираем друг друга каждый день, все будет получаться. Мы будем чертовски сильно любить тебя, Бабочка, и я знаю, что ты будешь любить нас в ответ так же сильно.

Можно много говорить о том, как нам двигаться дальше вместе, но сейчас внимание должно быть сосредоточено на Тейте. Я собираюсь посидеть с ним столько, сколько мне позволят медсестры реанимации. Бек уходит, чтобы сначала разобраться с представителями команды в качестве агента Тейта, а затем отправляется провести некоторое время с Таннером и привезти Тейту смену одежды. Джуд и Эш тоже должны встретиться с командой, но перед тем, как мы расходимся, Эш задерживает меня и протягивает мне скомканный конверт.

— Я нашел это в кармане брюк, которые были на тебе той ночью, когда пошел их выбрасывать. Подумал, что это может быть важно.

Мои пальцы прижимают письмо от отца к груди, к сердцу.

— Спасибо, что сохранил его, Эш. Оно важнее, чем ты думаешь.

Он провожает меня в реанимацию, поддерживая за спину, и оставляет в палате Тейта, после того как проверяет его. Я сижу рядом с кроватью и тянусь к его руке, пока он спит, запоминая его лицо и считая каждый его вздох. Я чуть не потеряла его. Чуть не потеряла их всех, и это была моя вина. Его веки вздрагивают и открываются, поражая меня этими невероятными ореховыми глазами.

— Малышка, ты вернулась?

Голос у него сиплый и густой, но я наклоняюсь к нему и с мягкой улыбкой откидываю его волосы со лба.

— Я дала тебе обещание. Я больше никогда не уйду. Мне очень жаль, что с тобой все так получилось, Тейт. Это все моя вина.

Он закатывает глаза.

— Эй-эй, ты считаешь себя виноватой в том, что эта сука была ненормальной и сумасшедшей? Детка, прекрати. Тебе нельзя винить себя за то, что делают другие.

Прижимаю его руку к своей груди.

— Но, Тейт, что если... что, если ты не сможешь играть снова? Как ты можешь не винить меня за то, что я лишила тебя этого?

Тейт зевает, пожимая плечом, отчего его лицо корчится от боли, но он делает вздох через нее.

— Это просто работа, малышка. Это значит, что я смогу проводить с тобой еще больше времени.

На его губах появляется небольшая ухмылка.

— Но если ты хочешь загладить свою вину, то ты можешь поиграть в медсестру и помыть меня губкой. Очень тщательно.

Он засыпает прежде, чем я успеваю сказать ему, как сильно я его люблю, и на его губах появляется маленькая улыбка, от которой у меня становится легче на сердце.

Откидываюсь в кресле, и тут раздается хруст бумаги, и я достаю из кармана письмо отца. Вычерчиваю на нем свое имя пальцем и решаю, что настало время сделать еще один шаг в процессе исцеления.

Моя самая милая девочка,

Я надеялся, что тебе никогда не придется читать это письмо, потому что оно означает, что меня больше нет с тобой, и за это мне очень жаль.

Не так давно мой коллега скоростно скончался от сердечного приступа. Когда я пришел выразить соболезнования его семье и сказать, каким замечательным человеком он был, произошло самое печальное. Его дочь пожала плечами, ее глаза были совершенно сухими, и она сказала мне, что не могла этого знать, потому что он только и делал, что работал.

Это сильно задело меня, принцесса. Это заставило меня понять, как сильно я тебя подвел. После смерти твоей матери я погрузился в работу, чтобы справиться с горем, и сосредоточил все свои усилия на строительстве «Севана», чтобы у тебя всегда было все, что тебе нужно в жизни. Теперь я понимаю, что не давал тебе того, в чем ты больше всего нуждалась, времени. Времени, чтобы разделить со мной все особенные моменты жизни. Я не дал тебе любви и заботы, которых ты заслуживала. Я не должен был выбирать компанию для строительства. Я должен был выбрать тебя, чтобы построить с тобой настоящие отношения.

Надеюсь, если ты когда-нибудь прочтешь это письмо, то это произойдет в далеком будущем, и я исправлю эту ошибку. Теперь, когда в нашей жизни появились Селеста и Ванесса, я надеюсь, что мы сможем создать крепкую семью, и ты сможешь получить всю любовь, которую заслуживаешь не только от меня, но и от своей новой матери и сестры.

Я очень хочу, чтобы ты провела остаток своей жизни в любви и заботе.

Если по какому-то ужасному стечению обстоятельств меня заберут от тебя раньше, чем я смогу это сделать, прими следующие слова близко к сердцу. Пожалуйста, милая девочка, учись на моих ошибках. Ставь любовь на первое место, всегда. Продай компанию или позволь Марку управлять ею. Не теряй себя в работе, как я. Наслаждайся каждым мгновением счастья, которое ты можешь ухватить.

Выбирай счастье и любовь, Сави. Выбирай себя, как я и должен был сделать с самого начала.

Ты всегда будешь моей лучшей девочкой,

Любящий папа

Я опускаю письмо на колени, и слезы текут по моему лицу. Мне кажется, что отец находится в комнате вместе со мной, наблюдает и знает, как сильно мне нужно было это услышать. Чувство покоя охватывает меня, когда я понимаю, что прощаю его. Я даже не знала, что мне это нужно, но я прощаю. Прощаю за то, что он так долго оставлял меня одну, даже когда был жив, и от этого я чувствую себя... свободной.

Я думаю о его компании и обо всем, что я сделала для того, чтобы она продолжала существовать, и в этот момент решаю, что с меня хватит. Я хочу жить той жизнью, которой хочу, а не той, которой, как мне казалось, я должна. Я никогда не хотела работать в «Севане». Я думала, что это то, что я обязана делать, потому что он оставил компанию мне. Я хотела заниматься литературой, тем, что меня увлекает, тем, что приносит мне радость. Складываю письмо, кладу его обратно в карман и достаю телефон. Пора, наконец, выйти из клетки и разрушить стену. Пора расправить крылья и впервые в жизни по-настоящему взлететь. Пришло время выбрать себя.

Прошел месяц с тех пор, как мы привезли Тейта домой из больницы. Как и предсказывал врач, его хорошая физическая форма способствовала быстрому выздоровлению и восстановлению. Ему предстоит еще долгий путь, и реабилитация займет месяцы, а может быть, и больше, прежде чем он снова сможет играть в футбол, но, похоже, он уже почти успокоился на эту тему. Вчера вечером он сказал мне, когда мы обнимались в постели, что все, чего он действительно хочет, замедлиться и наслаждаться жизнью, и я не могу поспорить, потому что тоже собираюсь кое-что сделать.

Марк подходит ко мне и окидывает взглядом толпу, а затем, пригнувшись, с улыбкой смотрит на меня.

— Ты прекрасно выглядишь, принцесса. Я горжусь тобой.

Разглаживаю светло-голубое платье, подходящее к моим глазам, и взбиваю распущенные волосы. Я даже не нервничаю, как обычно, при общении с прессой. Может быть, потому, что это последний шаг к тому, чтобы наконец-то стать той, кем я являюсь на самом деле. Уверенно кивнув Марку, я позволяю маске, которую так долго носила, спастись, выхожу в комнату со вспышками фотокамер и дарю им свою лучшую улыбку.

Я читаю из подготовленного заявления о продаже «Севан», по которой ведутся переговоры, и о том, в каком направлении, как мы надеемся, они пойдут. Излагаю голые факты недавно заверченного полицейского расследования злодеяний Ванессы и выздоровления Тейта, делаю небольшую паузу, прежде чем прочитать стандартное заключительное слово, подготовленное командой PR, и бросаю бумагу на трибуну. Я пообещала себе, что перестану прятаться, и собираюсь остаться верной этому обещанию, поэтому отступаю от сценария.

— В течение долгого времени существовали спекуляции на тему моей личной жизни, на которые я отказывалась отвечать, а в последнее время были напечатаны несколько нелепых теорий обо мне и моей личной жизни, поэтому я собираюсь изложить все начистоту. Я не буду отвечать на вопросы по этому поводу и прошу всех вас проявить хоть каплю порядочности и уважать нашу личную жизнь. — Я делаю глубокий вдох, и моя улыбка становится еще ярче, вызывая еще больше вспышек фотокамер.

— Я влюблена в четырех мужчин, и они любят меня в ответ. Мы находимся в равных отношениях и планируем всю жизнь строить семью вместе.

Все репортеры начинают задавать вопросы, но я только улыбаюсь, улыбаюсь и, слегка помахав рукой, выхожу из зала, возвращаясь к своему будущему.

Патрик отвозит меня к Стелле после долгого дня переговоров со слишком большим количеством юристов по поводу продажи корпорации. Обсудив все вместе, мы решили оставить дом парней в качестве нашего основного места жительства. Мой дом был просто уничтожен пожаром, а с гринвичским поместьем, в котором я выросла, связано слишком много грустных и одиноких воспоминаний, чтобы я снова захотела жить там.

Пробки слишком большая проблема, чтобы ехать домой и переодеваться, а потом разворачиваться и возвращаться в город, поэтому Эш, Бек, Джуд и Тейт встретят меня в «Маске» на нашем первом официальном свидании на публике, и я так взволнована.

— Детка, я должна сказать тебе, что ты мой гребаный герой! — говорит мне Стелла, доставая из шкафа платья, чтобы я их примерила. — Я знала, что однажды ты выйдешь из-за

своей маски и засияешь для всего мира. Я так рада за тебя.

Она бросает стопку одежды на кровать, и в ее глазах мелькает грусть, прежде чем она снова поворачивается к шкафу в поисках обуви.

— Ты в порядке, Стелл? В последнее время у нас было мало времени, чтобы поговорить о тебе. Что происходит в твоём мире?

Она пренебрежительно машет рукой и начинает передавать мне платья из стопки.

— Все по-старому, все по-старому. Дела в клубе идут фантастически. Еще много работы по устранению ошибок, но мы близки к тому, чтобы все работало как можно более гладко, и я смогу вздохнуть немного легче.

Внимательно наблюдаю за ней, так как ее улыбка кажется хрупкой.

— Это замечательно, но как насчет тебя? Ты с кем-нибудь встречаешься? Есть какие-нибудь безумные истории о перепихонах?

Ее рука все еще лежит на следующем платье, но потом она качает головой с принужденным смехом.

— Нет, слишком занята работой. Я просто буду жить виртуально, глядя на тебя и все твои манипуляции с членами. Как все это происходит и каково это, иметь ребенка рядом?

Я позволяю ей сменить тему, но напоминаю себе, что скоро у нас с ней будет девичник.

— Честно говоря, ужасно! Но секс, секс — это... вау. Секс просто вау, но знакомство с сыном Бека было невероятным. У него такой сильный характер, и мне очень нравится быть с ним, но я также боюсь совершить ошибки. Я не знаю, как быть родителем! У меня никогда не было своих детей. Я просто пытаюсь принимать это день за днем и быть рядом с ним, понимаешь?

Она берет серебряное платье из моих рук, покачивая головой и мягко улыбаясь.

— Я думаю, это примерно восемьдесят процентов того, как быть родителем. Просто приходить, быть рядом с ним и показывать ему, что ты его любишь.

Я скидываю бровь и спрашиваю:

— А что же тогда составляет последние двадцать процентов?

Стелла усмехается.

— Вино. По крайней мере, если верить моей маме. — Она отбрасывает в сторону еще несколько платьев, а затем кричит: — Ага! Вот это! Думаю, ты наконец-то готова к этому.

Со знающим видом она передает мне красное платье с блестящей помадой.

— Наконец-то ты готова к красному, детка.

Я прикусываю нижнюю губу и прижимаю к своему телу это греховное платье без бретелек. По обеим сторонам идут высокие разрезы, и я знаю, что мои мужчины будут пускать слюни на меня в этом платье, поэтому я киваю, и на моем лице появляется широкая улыбка.

— Красный!

Патрик подвозит нас до клуба, и мы расстаемся, когда заходим внутрь, обнявшись и пообещав скоро встретиться. Я прохожу сквозь толпу к краю танцпола, и музыка бьет по моему телу. Поднимаю взгляд на VIP-уровень, и злая улыбка растягивает мои губы, когда я вижу всех четверых, стоящих вдоль перил и смотрящих на меня сверху вниз. Откидываю назад распущенные волосы, посылаю воздушный поцелуй Тейту, а затем бросаю вызывающий взгляд на остальных. Тейту все еще нужен покой, но он настаивает на том, что не собирается пропустить танец своей девушки.

Пробираюсь сквозь танцующих, пока не нахожу свободное место, откидываю голову

назад, закрываю глаза и начинаю двигаться. Мои бедра покачиваются в такт, а руки уже подняты над головой, когда я чувствую, как ко мне приближаются тела. Жесткие пальцы впиваются в бедра, а другие скользят по попке. Горячее дыхание ударяет мне в ухо, заставляя сжиматься сердцевину.

— Вот она, блядь, моя девочка, моя Бабочка. Теперь никакие решетки не удержат меня вдали от тебя, ангел.

Низкие, гортанные слова Эша вызывают во мне трепет. Я снова танцую для своего парня из бара, но это гораздо лучше, потому что он больше не просто смотрит на меня глазами, полными желания. На этот раз я чувствую его желание, когда он упирается своей твердостью в задницу. Мои глаза распахиваются, когда я чувствую, как большая горячая рука забирается в разрез моего платья с одной стороны и встречаюсь с ледяными голубыми глазами моего Бека.

— Блядь, дорогая, в этом платье ты похожа на блестящее красное яблоко, которое я хочу съесть. Ты лучший вид искушения.

Я наслаждаюсь их горячими, твердыми телами, прижатыми ко мне, пока мы танцуем и растворяемся в пылящем беспорядке. Через некоторое время Эш отходит, но не уходит далеко, а его место занимает Джуд, Эш смотрит на нас своими нефритово-зелеными глазами, и в них проносятся все те темные, грязные вещи, которые он собирается сделать со мной, а рот Джуда скользит по моей шее от обнаженного плеча.

— Ммм, куколка. Мы не задержимся здесь надолго. Мне нужно есть твою киску, пока я не задохнусь между твоих бедер. Это будет шведский стол "Сави", где каждый из нас заполнит свою тарелку.

Я стону и прижимаюсь к нему задом, когда в голове проносятся образы всех их ртов на мне. Бек придвигается еще ближе, и я провожу ладонью по груди до мышц пресса и чувствую, как они подрагивают под рукой. Он ухмыляется и переносит свой рот на другую сторону шеи.

— Ты такая чертовски горячая, дорогая. Когда мы вернемся домой, мы с удовольствием воспользуемся этим твоим тугим маленьким телом.

Я кручусь между ними так, что Бек оказывается сзади, а Джуд прижимается к моей спине, тянусь вверх и назад, чтобы обхватить его за шею и сказать:

— Расскажи мне, как ты будешь меня использовать.

Джуд проводит языком по нижней губе и просовывает горячую руку в разрез моего платья, чтобы обхватить бедро, а Бек поднимает подбородок, и его огромная рука обхватывает горло с таким давлением, что у меня начинает колотиться сердце.

— Ты примешь все наши члены, дорогая. Мы одновременно растянем все твои маленькие дырочки и сделаем это так охренительно приятно.

Мои глаза скользят вправо и встречаются с нефритово-зелеными, полными темных обещаний, и я вздрагиваю. Эти глаза смотрят на меня, ласкают мое тело, и от них исходит жар, вызывающий влагу между бедер. Мне чертовски нравится, как он смотрит на меня. Всегда нравилось.

Поднимаю взгляд на своего последнего мужчину, стоящего высоко вверху, и вижу, как он держится за перила. Его пальцы сгибаются вокруг перил, а глаза прочерчивают дорожку по нам троим,двигающимся, трущимся в такт, и когда он замечает, что я оглядываюсь, на его лице появляется сексуальная ухмылка, и он поднимает бровь, как бы спрашивая: «Ты готова к этому, малышка?». Я сглатываю стон, который хочет сорваться с губ, потому что,

черт возьми, да, я готова.

— Не могу больше ждать, — шепчу я Беку. — Отвези меня домой. Ты нужен мне... весь ты, прямо сейчас.

Джуд дергает головой в сторону Тейта, и я вижу, как он исчезает, а затем Эш оказывается рядом с нами, дергая меня за руку, чтобы вытащить из толпы. Замечаю Стеллу возле одного из баров и машу ей рукой, что мы уходим. Она шлет мне поцелуй и подмигивает.

Мы впятером ждем, пока парковщик подгонит внедорожник, а мои люди окружают меня стеной под вспышки фотокамер. Рука Бека лежит на моей пояснице, Джуд и Эш держат по одной моей руке, а Тейт положил руку мне на плечо. Я улыбаюсь. Пусть смотрят, пусть фотографируют, пусть видят, как меня любят.

Эш отвозит нас, Джуд сидит впереди, а Тейт и Бек по обе стороны от меня, сзади. Мое тело трепещет в предвкушении того, что должно произойти, и я понимаю, что не могу больше ждать ни минуты. Поэтому я беру руку Тейта и кладу ее на свое бедро, устремляя на него отчаянный взгляд.

— Малыш, у меня все болит.

Джуд поворачивает голову с переднего сиденья на мое лицо, затем вниз, туда, где моя рука накрывает руку Тейта, и его лицо озаряет злобная ухмылка.

— Ты слышал ее. Моей куколке больно от прикосновений, брат. Ей нужна разрядка.

Он прикусывает нижнюю губу и качает головой в сторону Бека.

— Тейт все еще поправляется, парень. Ты должен помочь ему.

Втягиваю воздух, когда они оба наклоняются в мою сторону, и две горячие руки скользят по прорезям платья к внутренним частям бедер. Бек задевает влажную кожу тыльной стороной своих больших пальцев, что вызывает у него ругательство.

— Черт! Без трусиков, дорогая?

Остальные трое стонут, а глаза Эша встречаются с моими в зеркале заднего вида, прежде чем он тянется вверх и наклоняет его вниз.

— Покажи мне.

Он требует приглушенным голосом, от которого я вздрагиваю. Подтягиваю платье на бедрах и поднимаю задницу настолько, что оно оказывается на талии, обнажая меня перед всеми. Джуд прикусывает кулак, когда пролетающие мимо уличные фонари показывают им, насколько я мокрая.

— Блядь, раздвиньте ей колени, мальчики. Покажите нам всю эту мокрую розовую прелесть!

Тейт и Бек прекрасно выполняют приказ и подтягивают мои колени к своим, еще больше обнажая меня. Я выгибаю спину от прохладного воздуха и стону, когда два толстых пальца скользят по моим складочкам.

— Ее маленькая грустная киска плачет, потому что она пуста, братья. Сделайте ее счастливой, — наставляет их Джуд.

Бек обхватывает меня за шею и поворачивает голову, чтобы проглотить рот, пока он теребит клитор. Тейт обводит пальцем дырочку, а затем вводит в меня палец. Это так чертовски приятно, что бедра приподнимаются, желая большего. Бек отрывает свой рот от моего и, откинувшись назад, несколько мгновений наблюдает за тем, как Тейт ласкает меня пальцами, а затем оттягивает верхнюю часть платья вниз, так что груди вываливаются наружу.

— Я буду сосать твои розовые сладкие соски, дорогая, пока мы с Тейтом будем трахать твою киску пальцами. Ты так сильно кончишь на это сиденье, что оставишь лужицу на коже.

Да, блядь, да! Я запускаю пальцы в его волосы и притягиваю его к своей груди, вскрикивая, когда он глубоко втягивает сосок в рот и сосет. Моя рука скользит на колени Тейта, и я накрываю, а затем сжимаю его твердый член в брюках, а он прижимается к голому плечу.

Джуд смотрит на меня широкими горящими глазами, пока не говорит им:

— Вместе. Трахайте ее киску вместе, мальчики. Я хочу видеть, как она растягивается вокруг ваших пальцев.

Я вся мокрая, моя киска течет, желая этого. Они соединяют пальцы и медленно проникают в мой пульсирующий канал. Четыре больших, грубых пальца проникают внутрь снова и снова, отбрасывая мою голову назад в экстазе, пока оргазм нарастает и нарастает. Машина дергается на нашей полосе.

— Господи, Джуд! Мы все умрем.

Эш ругается, вызывая у Джуда маниакальный смех, когда он ныряет между сиденьями. Он висит наполовину спереди, наполовину сзади, зарывшись лицом между моими раздвинутыми бедрами и лаская клитор языком поверх пальцев, глубоко вошедших в меня. Это все, что нужно, чтобы перевернуть меня, и мои крики раздаются, когда я дергаюсь и бьюсь об них.

Джуд смотрит на меня, и мои соки блестят на его подбородке и губах.

— Но какой, блядь, прекрасный способ умереть.

Я со смехом откидываю голову назад, хотя моя киска пульсирует от желания продолжения. Джуд переводит взгляд на руку, сжимающую Тейта в штанах, и тянется к ней, накрывая мои пальцы своими и поглаживая их.

— Давай посмотрим на этот член, куколка. Вынимай его.

Я с готовностью выполняю его просьбу, но затем с беспокойством смотрю на Тейта.

— Это нормально? Ты себя хорошо чувствуешь? Боль?

Он мягко улыбается мне.

— Я в порядке, малышка. Не волнуйся, я знаю свои пределы. А теперь открой свой хорошенький ротик и пососи.

Сдвигаюсь на бедро, чтобы лучше опуститься, и чувствую, как Бек гладит мою попку, а затем снова вводит пальцы в мою киску. Джуд берет в руку член Тейта и сжимает в кулаке его основание, глядя на меня сверкающими глазами.

— Дай мне посмотреть, как ты будешь сосать его, словно сливочное мороженное, куколка.

Тейт стонет:

— Блядь, Джуд, туже, чувак.

Джуд сжимает член Тейта и скользит кулаком вверх-вниз, пока я беру в рот капающий кончик. Провожу по нему языком, слизывая теплую сперму. Джуд свободной рукой подталкивает Бека к моей заднице, и он гладит ее между ягодицами, обводя подушечкой пальца мое тугое отверстие.

— Я собираюсь съесть эту попку, когда мы вернемся домой, куколка. Засуну в нее свой язык, пока ты не начнешь кричать, чтобы я трахнул ее своим членом. Сегодня я буду трахать каждую дырочку, детка.

Я стону, обхватывая ствол Тейта, когда он входит в мой рот, и мне никогда в жизни не

хотелось, чтобы мы ехали быстрее или дорога длилась еще дольше. Пальцы Тейта сжимают мои волосы в кулак, пока он трахает меня в рот, и в тот момент, когда его горячее семя попадает в горло, второй оргазм бьет сильно и глубоко, заставляя меня задыхаться и стонать, а в глазах вспыхивают звезды.

Мы все вздрагиваем, когда машина резко останавливается, а затем Эш захлопывает свою дверь, открывает дверь рядом с Тейтом и заключает меня в свои объятия. Я обхватываю его за талию, обнимаю за шею и крепко держусь, пока он подводит нас к входной двери и прижимает меня к ней.

— Не могу ждать, Бабочка. Ты нужна мне на члене прямо сейчас, блядь.

Пока он говорит это мне, его рука проникает между нами, и его молния опускается вниз. Он рывком прижимает меня к двери, и тут я чувствую, как в меня вонзается большая твердая головка его члена.

— Блядь, блядь, да! Трахни меня, Эш. Ты мне нужен! Сильно, жестко и быстро. — умоляю я.

Он дает мне все, что я хочу, прямо там, напротив нашей входной двери. Джуд и Бек присоединяются к нам по обе стороны. Они снимают мои ноги с его талии и разводят их в стороны, поддерживая меня руками под задницу и бедра. Эш откидывается назад, смотрит вниз на место нашего соединения и большими пальцами раздвигает губы моей киски. Он проводит пальцами по обеим сторонам клитора, а затем снова глубоко и жестко входит в меня, как машина для траха.

Я выкрикиваю его имя в ночь, и Джуд со смехом закрывает мне рот рукой. Он, и Бек наклоняются вперед, сосут мои соски и, словно заранее спланировав это, одновременно прикусывают их, заставляя меня выгибаться против толчков Эша и кричать от оргазма в руку Джуда. Эш толчками входит в меня, и я чувствую, как его жар распространяется по мне, прежде чем он начинает выстреливать.

Я ослабеваю и теряю сознание, и они передают меня на руки Беку, пока открывают дверь и отключают сигнализацию. Я сонно прижимаюсь головой к груди Бека, пока он несет меня вглубь дома, а затем вниз. Зажигается мягкий свет, и он укладывает меня на кровать. Я приподнимаюсь на локтях и осматриваю то, что раньше было медиа комнатой. Смеюсь, когда вижу звукоизоляционные панели на стенах и массивную кровать-платформу, на которой я лежу.

Джуд переползает на кровать ко мне и с ухмылкой задирает красное платье вверх и через голову.

— Нравится? Мы заказали его специально для нашего семейного общения. Нельзя, чтобы маленькие ушки слышали, как ты кричишь, куколка.

А потом он раздвигает мои колени и упирается лицом в киску. Я хватаю его за волосы и со смехом оттаскиваю назад.

— Джуд! Дай мне сначала вымыться!

Он облизывает губы и качает головой.

— Нет-нет, это мне нравится, я люблю тебя всю грязную и неряшливую. Мой язык все вычистит, и мы сможем снова тебя испачкать. — Он говорит мне, а затем снова погружается в меня, вылизывая все, что я и Эш сделали.

Он гладит меня языком снова и снова, пока я смотрю, как раздеваются остальные. Они забираются на кровать вокруг нас, встают на колени, обхватывают кулаками свои члены и смотрят на мое тело горящими глазами. Это пробуждает во мне грязное животное, и я

высвобождаю его своим голосом.

— Мне нужен член в киске и в горле!

Раздаются четыре стоны, и я самодовольно ухмыляюсь, прежде чем меня перетаскивают на кровати, а Бек устраивается позади меня у изголовья. Он притягивает меня между ног и к своей груди, так что я оказываюсь спиной к нему, и приказывает Джуду с рычанием:

— Вставь в нее мой член, а потом вылижи нас.

У меня кружится голова от его горячего приказа, и Джуд тут же приступает к работе, а Тейт и Эш пристраиваются по обе стороны от нас и наблюдают. Я прижимаю подбородок к груди и наблюдаю, как покрытые чернилами пальцы Джуда несколько раз поглаживают красный, набухший член Бека, сначала сжимая в руке головку, а затем снова прижимая ее к моему телу и вгоняя в мою насквозь промокшую сердцевину. Бек подталкивает меня выше и делает несколько толчков, растягивая меня как можно сильнее. Джуд проводит пальцами по моей киске до того места, где член входит в меня с одобрительным гулом, а затем устраивается на животе между нашими ногами.

Эш и Тейт хватают меня за бедра и раздвигают еще больше, их горячие ладони сжимают меня. Я чувствую, что меня боготворят, когда они все смотрят на мою киску. Эш хватается Джуда за волосы и прижимает его лицо к нам.

— Я хочу увидеть этот язык на них. Слизовать ее сливки с его члена, пока он трахает ее.

О Боже, о Боже, язык Джуд проводит по моему клитору и спускается вниз, чтобы облизать ствол Бека, пока он входит и выходит из меня, и это заставляет мой канал пульсировать и сжиматься вокруг этого члена.

Я могла бы смотреть на это всю ночь, но Тейт поднимает мой подбородок, чтобы я посмотрела на него. Мой взгляд пробегает по члену в его руке, поднимается по его прессу, останавливается на уродливом шраме на его груди. Я напрягаюсь, но он обхватывает рукой горло, заставляя смотреть выше и обещая:

— Я в порядке, детка. Обещаю, я в порядке. Позволь мне показать тебе. Позволь мне снова трахнуть твой красивый ротик.

Я киваю в знак согласия с его уверенностью в глазах и открываю рот. Его руки оказываются по обе стороны от моей головы и крепко держат меня, пока он не упирается мне в горло. Я обхватываю губами его ствол и сглатываю, заставляя его застонать. Тейт показывает мне, насколько он хорош, набирая скорость, трахая мой рот с остервенением, пока член Бека пульсирует в моем лоне, а Джуд слизует все, что из него вытекает.

Слезы текут по моему лицу, когда наслаждение проникает в меня. Каждое прикосновение, каждое облизывание, каждый толчок превращают оргазм в новый, пока эти мужчины разрушают мое тело. Бек лижет, целует и посасывает мою шею, говоря мне, какая я идеальная и как сильно он меня любит.

— Спрыгни с его члена, куколка. Я хочу, чтобы ты сейчас оседлала Эша.

Тейт отрывается от рта, и Бек еще одним обжигающим поцелуем поднимает меня со своих колен, а Эш занимает его место. Он поворачивает меня так, что наши груди оказываются прижатыми друг к другу, и я оказываюсь на нем. Джуд поднимается на колени и прижимается к моей спине, обхватывая мою попку. Эш оттягивает большим пальцем мою нижнюю губу, а затем проталкивает его в рот. Я посасываю его и провожу зубами по костяшке пальца.

— Ты готова к полету, Бабочка?

Отпускаю его большой палец и ухмыляюсь.

— Возьми меня в небо.

Джуд поднимает мои бедра и насаживает меня на член Эша, и я вижу звезды. Я скачу и извиваюсь на нем, получая удовольствие от того, как член Джуда скользит по моим ягодицам. Он ласкает мои груди и поднимает их, предлагая Беку и Тейту пососать.

Блядь, я хочу этого, я хочу всего этого так чертовски сильно. Я хочу этих мужчин настолько сильно, что даже не подозревала, как такое возможно. Джуд отстраняется и тянет свои грубые руки вниз по моей спине, чтобы обхватить мою задницу и раздвинуть. Я стону, думая, что знаю, к чему это приведет, и отталкиваю мужчин, лижущих мои соски, в сторону, чтобы наклониться вперед и предложить ему свою задницу. Хочу, чтобы его член тоже был во мне. Хочу почувствовать их всех в себе.

Джуд мрачно усмехается и шлепает меня по заднице. Молния боли стирается успокаивающим поглаживанием руки.

— Еще нет, куколка. Сначала мы заполним тебя другим способом.

Я нахмуриваю брови, не понимая, что происходит, пока не чувствую, как головка его члена упирается в член Эша и медленно входит в меня рядом с ним. От напряжения я задыхаюсь, но Бек уже рядом, он просунул руку между Эшем и моим телом, чтобы поиграть с моим клитором. Он обводит его, щелкает, и я снова начинаю расслабляться.

— Черт, Джуд! Я чувствую, как твой пирсинг давит на член. — Эш стонет.

Джуд смеется:

— Не волнуйся, мы с Сави все вылижем, когда закончим.

Тейт издает приглушенный звук, и я обеспокоенно оглядываюсь через плечо, но обнаруживаю, что он дрожит своей рукой, а его горящие глаза прикованы к члену Джуда, который скользит внутри моей киски, прижимаясь к члену Эша.

— Ебаное совершенство. — грубо выдыхает он. — Малышка, ты так охуенно выглядишь, принимая их члены вместе. Твоя киска просто волшебная. Она растягивается и всасывает их, умоляя о большем. — Его глаза встречаются с моими и становятся жесткими и напряженными. — Открой свой гребанный рот и возьми мой тоже. Мы будем трахать тебя все сразу.

Я тяжело сглатываю, чувствуя себя чертовски полной с двумя членами внутри, но Бек гладит мой клитор быстрее, заставляя меня вскрикнуть, и Тейт скользит между моих губ, пока не упирается в заднюю стенку горла. Джуд и Эш двигаются как одно целое, трахая меня в тандеме, и мир исчезает. Все удовольствие искрится во мне, и нет ничего лучше.

Я должна сказать это вслух, опираясь на член Тейта, потому что Бек рычит:

— Да, может.

Его рука исчезает из моей киски, заставляя меня застонать, но Эш заменяет ее, и тогда я чувствую прохладную жидкость на своей заднице, когда она скользит между моих ягодиц. Мои глаза снова открываются, и я отрываю рот от Тейта, чтобы повернуть голову. Бек встает на колени позади Джуда, обхватывает его и проводит пальцами по смазке, массируя мою задницу. Он несколько раз проводит по ней пальцами, а затем вводит один до первой костяшки. Я громко стону, чем глубже он входит в меня. Два члена в моей киске, а теперь второй палец Бека проникает в мою попку и начинает трахать меня. Никогда раньше не чувствовала себя такой полной, и это ошеломляет. Я думаю, что не выдержу больше, так как мое тело снова и снова сотрясается от их толчков, но Тейт притягивает лицо обратно к себе и прижимает головку своего члена к губам.

— Всех нас, малышка. В каждую дырочку!

Он сжимает мою челюсть, пока я не открываю рот, и трахает меня жестко и быстро. Я хнычу, стону, принимая все, что они имеют, и оргазм обрушивается на меня так сильно и быстро, что зрение белеет, и я кричу, обхватив его член глубоко в горле.

— Блядь, блядь, блядь! Она так крепко сжимает нас!

Джуд заикается, когда и он, и Эш пульсируют внутри меня, и их сперма заливает мою киску и капает из меня вниз по ногам. Я не могу думать, не могу дышать. Я потеряна от удовольствия, которое разрушает тело и разум.

Джуд выходит из меня, а затем Бек поднимает меня с Эша и тянет вниз по кровати. Он рывкает:

— Тейт, на спину. Теперь наша очередь растягивать эту идеальную киску.

Я мотаю головой и скулю:

— Слишком много, слишком, слишком много!

Но Бек только смеется и переворачивает меня, пока я не оказываюсь верхом на Тейте. Бек прижимает мою верхнюю часть тела к себе, пока я, как будто без костей, не падаю на его грудь.

— Ты можешь дать нам больше, дорогая. Ты можешь взять нас всех.

Я бормочу «да», когда Тейт отводит волосы в сторону и целует в губы.

— Ты такая хорошая девочка, детка. Ты прекрасно принимаешь наши члены. Ты можешь взять еще. Я обещаю, что тебе понравится. Позволь нам трахнуть тебя еще раз. Позволь нам любить тебя.

Он проводит руками по моему телу, а мои бедра начинают перекачиваться по его члену, скользя им по моей сверхчувствительной киске. Это слишком много и в то же время недостаточно.

— Пожалуйста, пожалуйста, трахните меня еще раз. Вы мне нужны, мне нужно больше.

Его первый толчок в меня медленный и легкий. Я такая мягкая и мокрая от всей спермы внутри меня и оргазмов, что даже не чувствую его натяжения, пока он не упирается бедрами в ту точку внутри, от которой у меня снова появляется блеск в глазах. Я приподнимаю задницу и встречаю его толчок за толчком, мои пальцы впиваются в его руки. Бек встает на корточки позади меня, и проводит своим большим, тупым концом по моей заднице.

— Да! Сделай это! Пожалуйста! — умоляю я, когда он выравнивается с моей попкой и начинает медленно входить в нее. Внезапно моя сонливость исчезает, и все вокруг становится горячим и ярким. Я отталкиваюсь от его члена, а Тейт делает толчки вверх, пока не заполняет меня полностью. Боже! Это совсем другая наполненность, отличающаяся от того, когда в меня одновременно входят Эш и Джуд, совсем другая, которой я жажду еще больше.

— Сильнее! — умоляю я, когда они медленно и плавно входят в меня. Я хочу жестко, я хочу быстро, я хочу получить все, на что они способны!

— Вы слышали ее, братья. Дайте нашей девочке то, что она хочет! Трахайте эту киску и задницу, пока она не закричит. — рывкает Джуд.

Он прижимается к боку Тейта и тянет мою руку с его руки к своему рту, чтобы поцеловать костяшки пальцев. Он проводит губами по ногтям, любит красным лаком цвета сладкого яблока и усмехается.

— Красотка, я как раз думал о том, что хочу, чтобы мой член был покрыт красным лаком, куколка.

Он придвигается к нам и обхватывает свой член моими пальцами, а затем берет руку

Тейта и накрывает мои. Тейт стонет, просовывает свои пальцы между моими, и мы вместе дрожим Джуду, пока два члена бороздят мои дырочки. Когда волна оргазма отпускает, я поворачиваю голову и встречаюсь с горячими нефритовыми глазами Эша, который впивается в мой рот своими губами и языком, и мы все вместе падаем.

Я лежу в центре кровати, теплые влажные салфетки смывают с меня грязь, а грубые руки гладят меня, и мои мужчины шепчут, как сильно они любят меня. Мои глаза закрываются, и я проверяю себя. Мысленно я широко открыта, полностью обнажена и выставлена на всеобщее обозрение. Клетка, стена, все мои маски исчезли, сгорели от их любви.

Пять лет спустя...

Толпа на трибунах на ногах, время идет, и они кричат ему, вперед, вперед, вперед. Джуд поймал мяч несколько секунд назад и сейчас уворачивается, крутится и вертится на ногах, чтобы набрать последние очки, необходимые нам для победы в игре и завоевания Супербоула. И что это будет за победа для него. Он уже объявил, что это будет его последняя игра, что он готов уйти из спорта и присоединиться к Тейту в созданном им детском футбольном клубе.

Мой взгляд с улыбкой блуждает по ложе для руководителей, когда я вижу всех тех, кого люблю. Бек держит Таннера в смертельной хватке, когда они прислоняются к перилам, крича Джуду. Стелла держит одну из моих трехлетних дочерей-близнецов на бедре, хлопаяющей своими крошечными ручками для своего папы на поле. Марк укачивает другую, успокаивая, когда громкие звуки захлестывают ее, а Тейт подбирается ко мне сзади и обнимает мой растущий живот с ребенком номер три внутри. Мальчик, который пинает мой мочевого пузырь, словно тренируется, чтобы стать следующим профессиональным нападающим.

Джуд делает тачдаун, и шум становится взрывным. Я чувствую вибрацию в ногах, когда стадион сходит с ума вокруг нас.

Прислоняюсь к Тейту с широкой улыбкой, а затем откидываю голову назад, чтобы посмотреть на него и спросить:

— Ты скучаешь по этому, малыш?

Он целует меня в макушку.

— Немного и только в такие моменты, но в остальном — нет. У меня здесь есть все, что мне нужно, малышка. Я люблю свою жизнь.

Я улыбаюсь ему, а затем перевожу взгляд на поле, где Джуда бьют его товарищи по команде, празднуя победу. Я не могу не согласиться с Тейтом. Мне нравится наша жизнь. Когда «Севан» был продан, а я стала свободна в выборе своего пути, я обратилась к своей первой страсти — литературе. Я создала небольшое издательство, в котором работают авторы, которых я люблю и в которых верю, и только что наш последний роман "Бабочка" попал в список бестселлеров "Нью-Йорк Таймс", заняв достойное тридцать четвертое место. Это огромная победа для моего небольшого стартапа, которая выводит моих авторов и компанию на карту издательского мира.

Марк подносит Поппи, она тянется ко мне. Ее белокурые волосы прилипли к покрасневшему от слез лицу, и по стеклянному блеску ее небесно-голубых глаз я понимаю, что она уже готова ко сну. Она обхватывает меня своими крошечными ножками, и прижимается теплым влажным личиком к моей шее, когда я успокаиваю ее. Она тихая, сдержанная кроха, напоминает мне о том, какой я была в детстве. Она полная противоположность своей близняшке, Пайпер. Эта девочка обладает всеми чертами своего отца. Она дикая, страстная и бесстрашная.

Мы почти сразу после их рождения поняли, что Джуд — папа, но все мои мужчины их отцы и любят их всей душой. Я почти уверена, что тот, кто сейчас топчется по моему

мочевому пузырю, от Эша. Даты совпадают с пьяными выходными, которые мы провели вместе в арендованном домике, куда пробрались тайком. Это было связано с частной джакузи и потерей залога, когда мы сломали мебель во время наших бурных занятий любовью. Слезы, наполнившие его глаза, когда я рассказала ему об этом, заставили меня еще больше влюбиться в него.

Мои ребра скрипят, когда малыш потягивается рядом со своей сестрой, прижимающейся к моему боку, и я почти пересматриваю данное им всем обещание завести еще двоих детей, но когда Тейт снимает с меня теперь уже спящую Поппи, чтобы прижать ее к себе, а Бек смотрит на меня в ответ глазами, полными любви, я знаю, что никогда не откажу им, в чем угодно.

Он машет мне рукой, чтобы я подошла к перилам, когда из динамиков стадиона раздается голос Джуда, выкрикивающий мое имя. Я ворчу на того идиота, который дал ему микрофон, и занимаю свое место на виду у толпы, смотрящей в нашу сторону. Эш пробирается сквозь толпу игроков на поле, чтобы преградить ему путь, когда я слышу его голос.

— Вот она! Моя куколка! Мы сделали это, детка. Мы надрали им задницы! Бери детей, мы пойдем домой и отпразднуем это пиццей, а потом я вспашу твоё поле своим монстром-трактором...

Слава богу, у кого-то хватило ума прервать трансляцию до того, как он успевает закончить это предложение. Джуд поговаривал о покупке земли после выхода на пенсию и о том, чтобы попробовать свои силы в сельском хозяйстве. Мы все знаем, что это просто уловка Джуда, чтобы делать нелепые сексуальные намеки. Он привык называть свой член своим чудовищным трактором и рассказывать мне обо всех способах, которыми он хочет вспахать меня им. Он также говорил, что хочет носить Carhartt's, пока будет сеять во мне свои «семена». Я, черт возьми, люблю его всеми фибрами своего существа.

Толпа улавливает суть сказанного и аплодирует еще громче, отчего глубокий красный румянец поднимается по шее и заливают щеки. Однако это не мешает мне улыбаться, когда я шлю ему поцелуй в преувеличенном восторге. Один из игроков передает ему огромный кубок, и он подносит его ко мне одной рукой, указывая на верхнюю часть кубка и вздергивая брови.

Я со смехом откидываю голову назад. Я точно знаю, что он делает. Сегодня утром он сказал, что выиграет, принесет этот трофей домой и заставит меня скакать на нем, натирая свой клитор, пока я не кончу. Я соглашаюсь с его безумием, поднимаю руки и тяну пальцы к себе в жесте «давай-давай». У моего малыша открывается рот, и он с криком бросает трофей следующему игроку, мчится по полю, взбирается на пограничную стену и бежит вверх по лестнице. Болельщики протягивают руки, похлопывают его по спине, дергают за майку, но он увильивает, прыгает и продолжает подниматься, пока не оказывается прямо под лоджией.

Его золотистые глаза вспыхивают от восторга, когда я перегибаюсь через перила, насколько это позволяет мой живот, и ухмыляюсь ему.

Он ухмыляется и спрашивает:

— Ты играешь со мной, куколка?

И я отвечаю ему именно то, что он хочет услышать.

— Нет, малыш, но я буду играть с тобой, каждый день... вечно.

Конец